ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ЧИНГИСХАН

ГЕН ЧИНГИСХАНА · ИСТОРИЯ БОРТЕ · ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИСТОРИЕЙ · ЗАГАДКА УДИВИТЕЛЬНОГО ВЕКА: ВТОРЖЕНИЕ С ВОСТОКА · НАСЛЕДНИКИ ЧИНГИСХАНА

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чингисхан… Это имя всегда у одних вызывало страх и ненависть, а для других было символом вечного движения вперед. Только равнодушным никто не оставался! Так было при его жизни, почти так же дело обстоит и сейчас. Так кем же был великий завоеватель — безжалостным убийцей и тираном или строителем нового мира, мечтавшим о едином государстве, где все должны были следовать единому закону? Что оставил нам в наследство Повелитель Вселенной? И что такое «ген Чингисхана»? Почему, когда говорят о Великом шелковом пути, всегда вспоминают основателя Монгольской империи? Об этом и многом другом рассказывает новая книга из серии «Загадки истории».

- Наталия Рощина
  - От автора
  - Ген Чингисхана
  - История Борте: первенец Чингисхана
  - Оклеветанный историей, или Ни одного убийства ради убийства
  - Загадка удивительного века: вторжение с востока
  - Наследники Чингисхана
    - Покоривший Русь (Бату)
    - Золотая Орда
    - Тамерлан: так и не ставший ханом
    - Проклятие могилы Тамерлана
  - Список использованной литературы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Наталия Рощина
Загадки истории. Чингисхан

От автора

Споры о роли Чингисхана во всемирной истории продолжаются уже не одно столетие. Одни считают его жестоким варваром, другие — сыном своего времени. Кто-то утверждает, что все его завоевания были продиктованы лишь жаждой мести, но с ними спорят те, которые отмечают его рассудительность, сдержанность, умение смотреть в будущее… Однако все сходятся на том, что это был человек незаурядный с невероятной силой духа. Столько исключительных качеств сошлось в одном человеке — высшие силы наделили его талантами, которых с лихвой хватило бы не на одного героя. Гений стратегии, умелый руководитель, бесстрашный воин с железной хваткой — так описывали этого легендарного завоевателя, чье имя внушало трепет его современникам. Кто знает, как сложилась бы всемирная история, если бы в ней не было человека, всегда желавшего большего, не успокаивавшегося на достижениях, смело и решительно раздвигавшего границы своего влияния. Его владения были гораздо обширнее владений его современника Всеволода Юрьевича Большое гнездо, в подчинении которого были Киев, Чернигов, Рязань, Новгород, при котором своего наивысшего расцвета достигла Владимиро-Суздальская Русь. Сам Чингисхан утверждал, что путь из их середины до края занял бы не меньше года.

Он хотел, чтобы его народ жил не так, как живут другие. Его планы опережали время, но были обречены на удачу, поскольку великий хан вкладывал в их осуществление весь пыл человека, одержимого сверхидеей. Его старания не прошли даром.

Интересно было бы подробно исследовать историю монголов, вглядевшись в их загадочное прошлое. Но сделать это крайне трудно: до середины XIII века этот народ не имел своей письменности. Будущий завоеватель Азии появился на свет, когда монголы не были ни подлинной нацией, ни царством, ни империей в полном смысле этого слова. Они объединялись в племена во главе с ханом, с течением времени эти союзы распадались, потом создавались вновь. Монголы были кочевниками, притом жили в пространстве, не имевшем строго определенных исторических или географических границ, у них не было и постоянной столицы. Поэтому исследователям были доступны источники, которые создавались уже после смерти завоевателя. Кроме того, нужно учесть, что и эта информация была собрана исключительно иностранцами: китайцами, персами, русскими, западноевропейцами. Поэтому описанные ими факты

вряд ли можно назвать объективными, скорее — спорными.

Со времени смерти великого полководца и завоевателя прошло уже почти восемь веков, но интерес к этой выдающейся личности не угасает. Тот факт, что в 1995 году Всемирный информационный центр назвал Чингисхана человеком тысячелетия — самое яркое тому подтверждение. Объединив Дальний Восток и Среднюю Азию, он таким образом оказал огромное влияние на развитие всей евразийской цивилизации. Изменения коснулись самых разных сфер — от религии и искусства до правил торговли.

И хотя прижизненной биографии Чингисхана не было создано, но сохранились источники, из которых можно черпать информацию об этой великой личности. Правда, в какой-то степени все они дублируют друг друга. Одной из причин некоторой недостаточной научности историографии можно считать то, что она долгое время слепо доверяла письменным источникам, которые и по отдельности, и в совокупности не совсем соответствуют критериям истины. Принимая любое свидетельство древних хронистов на веру, можно получить ложное представление о минувшем. Ведь историческое событие чаще всего описано с точки зрения одной стороны — вспомним знаменитое «Историю пишут победители», а значит, ее беспристрастность требует доказательств.

Но что уж точно объединяет древних писателей всего мира — пристрастие к драме. Переплетения ужасов военных кампаний и личных драм тех, кто в ней принимает участие вольно или невольно, — это станет фабулой сочинений более позднего периода. А формула древних исторических сочинений проще — это война. Каждое ее мгновение запечатлено словом летописца. Века мира не нашли отражения в хрониках этого периода.

Мир без войн как будто не представляет интереса для историков. Его описать труднее. Когда города не горят, не слышны вопли раненых и пленных, не плачут дети, отрываемые от матерей, — летописец безмолвствует. Это подтверждают и самые известные эпосы, на которых выросло уже не одно поколение.

Итак, летописцы рассказывают, как наш герой, которого мир будет знать как Чингисхана, упрямо противостоявший ударам судьбы, сумел стать повелителем огромных владений, личностью, по масштабам сравнимой лишь с такими гигантами мировой истории, как Александр Македонский или Цезарь.

Его владения образовались словно под воздействием никому не подвластных законов. Самое примитивное объяснение мотивов всех поступков Чингисхана — месть: царство хорезмийское было

завоевано, чтобы отомстить султану Мухаммеду за подлое убийство посла и разграбление каравана, направленного в Хорезм для установления торговых и экономических связей. Были преданы смерти монгольские парламентеры — за это заплатил жизнью Мстислав Киевский после разгрома на Калке. Мстящий за убийство деда Есугеев сын завоевывает государство Цзинь. За смерть самого Есугея сполна поплатились почти поголовным истреблением татары. Им досталось за пособничество «золотым царям» Пекина и отравление отца. Вождь племени тангутов нарушил присягу, не предоставив свои войска: вассал не оказал необходимой помощи — племя было рассеяно воинами Чингисхана. Племя тайджиутов Чингисхан уничтожил за пренебрежение к его матери и своим братьям, оставленным после смерти Есугея в степи без всякой помощи… Вот довольно обширный перечень причин, якобы «побуждавших к действию» Чингисхана. Но это субъективный взгляд, совершенно не учитывающий реальных качеств и целей Чингисхана. Он не был бы великим полководцем и не вошел бы в историю, если бы только человеческие страсти толкали его на путь завоеваний. Да и был ли он настолько жестоким, насколько его хотят представить? На протяжении всей жизни ему давали множество имен: Истребитель Людей, Кара Божья, Совершенный Воин и Властитель Тронов и Корон. Пытаясь объяснить действия Чингисхана, мы сталкиваемся с тайной, окружающей этого человека: кочевник, охотник и пастух стал покорителем трех империй; варвар, никогда не видевший цивилизованного города и не умевший писать, разработал свод законов для пятидесяти народов. Так каким же он был, великий Чингисхан? В нашей книге мы и попытаемся ответить на этот вопрос.

Ген Чингисхана

Чингисхан. Это имя никого не может оставить равнодушным, ведь перед нами великий основатель империи. Конечно, у личности такого масштаба есть как искренние почитатели, так и ярые противники. Но есть и те, которые считают, что Чингисхана на самом деле не существовало, что он — лишь персонаж монгольской мифологии. Мол, каждая культура нуждается в таком сильном, все изменяющем герое. Логично предположить, что, завоевав в XIII веке полмира, Чингисхан должен был быть известен повсеместно. Но в том-то и странность: он стал известен в мире отнюдь не сразу! Например, Данте в «Божественной комедии», а это произведение называют энциклопедией средневековья, не пишет ни о каком Чингисхане, равно как и о Батые, воевавшем в Европе. Сотни имен встречаются в книге поэта, но эти имена не упомянуты в ней ни разу. А ведь вся эта эпопея разворачивалась лишь за сорок лет до рождения самого Данте!

Говоря проще, все попытки нарисовать объективный портрет Чингисхана, учитывая некую совокупность источников, заведомо обречены на неудачу. Выход, надо полагать, заключается в следующем: необходимо собрать все мифы, проанализировать их и выделить несколько устойчивых групп. Тогда, о какой бы деятельности Чингисхана ни шла речь, будь то организация армии, введение новых законов («Ясы») или уничтожение городов, будет надежный критерий, указывающий, с какой точки зрения оценивается то или иное явление.

Даже в XVI веке историки, упоминая Чингисхана, на всякий случай ссылались на чье-либо мнение. А вот Никколо Макиавелли не упоминает о Чингисхане, даже когда приводит имена самых великих полководцев Азии. Поэтому, считают некоторые исследователи, те завоевания монголов, о которых сейчас знают даже дети, придуманы после XVI века.

Миф о деяниях Чингисхана мог появиться в Азии в связи с попытками Запада завоевать Ближний Восток. Такое предположение связано с еще одной неординарной личностью, а именно с Папой Римским Иннокентием III (1161–1216), руководившим IV Крестовым походом как раз в то время, к которому относят деяния монгола Чингисхана. Они жили в одно время. Иннокентий III был великим первосвященником, его власть была выше королевской; Чингисхан был великим ханом — каганом, что означает «царь-священник». В таком случае и дата рождения вымышленного героя — Чингисхана — была выбрана

не случайно.

Итак, мы знаем, что рыцари, завоевав западные побережья Азии, создали там королевство Иерусалимское, княжества Антиохийское, Триполитанское, Эдесское и так далее. Впечатляющая история не могла, конечно, не поразить воображение азиатских народов и послужила для населения внутренней Азии поводом к созданию легенд о подвигах крестоносцев. Ведь азиатские не-мусульмане должны были видеть в крестоносцах союзников в борьбе против мусульман.

Если говорить о самих подвигах Чингисхана, то, в рамках этого мифа, можно предположить, что они являются «дословным» отражением подвигов крестоносцев, посланных Папой. Рыцари били турок, а Чингисхан — тюрков, они завоевали венгров-угров, а он — уйгуров, они покорили готов, а он — тангутов, они воевали с магометанами и он — с ними же и в те же самые годы, да и само имя его — Чингисхан — напоминает немецкое Konigschan — царь-священник. И тогда, приняв все это во внимание, появление на Востоке мифов о Папе Иннокентии III как о великом завоевателе Чингисхане, кажется не таким уж смешным, как на первый взгляд.

Эту версию можно принять или отвергнуть, но, как и любая другая, она имеет право на существование. И появление такой теории — еще одно доказательство того, что рассматриваемая личность так неординарна, а ее вклад в историю настолько многогранен, что вряд ли может быть оценена однозначно. Чтобы лучше ориентироваться в этом вопросе и составить свое мнение на этот счет, нужно просто более детально изучить соответствующую литературу и сопоставить исторические факты и события.

Многие мифы и связанные с ними представления бытовали в Центральной Азии задолго до появления реального Чингисхана. К его прославлению, увековечиванию памяти, можно даже сказать культу, непосредственное отношение имеет его внук — Хубилай, основатель династии Юань в Китае. Легенда о его удивительном деде, выдающемся человеке, легко вписывается в традицию почитания у монголов духов предков, выражавшегося в изготовлении онгонов, в жертвоприношениях. Главная тема этой прошедшей сквозь века истории — сила духа, данная свыше: она не вырабатывается по мере накопления жизненного опыта, а существует как данность, полученная сызмальства и согласно Божьему соизволению. Мальчуган с упрямым взглядом — порождение мощных просторов степи; юноша, переживший предательство, ставший мужем; избранный хан, будущий Властелин Вселенной, — все эти ипостаси, по одной из версий,

всего лишь плод воображения монгольского народа. Поскольку всегда существовала и будет существовать необходимость в Герое, в Личности, за которой можно идти без раздумий, которая, выражаясь языком современности, обладает исключительной харизмой.

И тут стоит напомнить, что не существует ни одного прижизненного портрета Чингисхана. В отличие от всех других завоевателей, он никогда не позволял делать свои изображения на холсте, камне или монетах. Он не был настолько амбициозным. Словесные описания, оставшиеся от его современников, темны и малоинформативны. В современной монгольской песне о Чингисхане есть такие слова: «Мы представляем себе твое лицо, но наши очи не видят его». Оставшись без портретов Чингисхана и каких-либо монгольских записей о нем, мир получил возможность воображать его таким, каким ему было угодно. Ведь до того, как прошло полвека со времени его смерти, никто не решался изобразить его. Лишь потом каждая культура представила свету свой собственный образ Чингисхана. Китайцы показали его добродушным пожилым человеком с тонкой бородкой и пустыми глазами. Он больше похож на рассеянного китайского мудреца, чем на яростного монгольского воина. Персидский миниатюрист изобразил его турецким султаном, восседающим на троне. Европейцы рисовали его типичным варваром с жестоким лицом и злобными глазками, уродливым в каждой черте.

И художникам, и ученым приходится фантазировать, представляя Властелина Вселенной. В отсутствии достоверной информации этому собирательному образу приписывались черты и фобии, свойственные самим ученым. Великий, противоречивый, жестокий, справедливый — вот список эпитетов, которые прилагались к его имени, и он очень внушителен. И как-то хочется верить в то, что относится он все-таки к реальному лицу. Как бы там ни было, Чингисхана объявили великим предком рода монгольских каганов (великих ханов), было построено в его честь святилище, известное под названием «Восемь белых шатров». Причем культ Чингисхана в большей степени связан с его способностями полководца, стратега, его уникального военного духа (гения), воплощенного в его знаменах. Особо почитались Цаган сульде (Белое знамя) и Хара сульде (Черное знамя). Для знамен Чингисхана были построены специальные святилища, разработан ритуал жертвоприношений. А вот некоторые исследователи предположили, что Хара сульде и Цаган сульде — имена реальных приближенных Чингисхана. С культом Чингисхана также связан культ членов его семьи: матери, жен,

сыновей, приближенных.

Еще раз подчеркнем, изучить историю монголов крайне затруднительно, если учесть, что вплоть до середины XIII века монголы не знали письменности. Первые тридцать лет великого хана, то есть половина его жизни, тонут во мраке, о них не сохранилось данных. Таким образом, историку приходится обращаться к иностранным источникам или монгольским хроникам, написанным уже после смерти завоевателя.

Информацию об этом герое можно узнать главным образом из трудов восточных хронистов. В первую очередь стоит вспомнить персидского историка Рашид-ад-Дина. В течение двадцати лет он занимал важнейшие посты при монгольских ханах. Его обширный труд, написанный в начале XIV века, основывается на многочисленных монгольских преданиях и составлен из рассказов хранителей и знатоков монгольской старины. Рашид-ад-Дин писал свое сочинение, если так можно выразиться, по горячим следам исторических событий. Ведь он имел доступ в ханские книгохранилища, где пользовался источниками, не дошедшими до нас. Говоря современным языком, он был допущен к закрытой информации — к так называемому «золотому сундуку», семейной реликвии Чингизидов, например, к «Алтан Дебтером» («Книге Золотой династии»).

По сведениям Рашид-ад-Дина, каждый монгол с юных лет тщательно изучал свою родословную, и не было ни одного человека, который не знал бы своего племени и происхождения. Вот только племен и родов было чрезвычайно много, к тому же они непрерывно разделялись, перекочевывали с места на место и снова разделялись. Будучи ханским министром, этот ученый плодотворно использовал имеющийся в его распоряжении материал и сделал его в какой-то мере общедоступным. На страницах его труда постепенно проявляется уже не мифический, а реальный образ Чингисхана. Если углубиться в изложенную Рашид-ад-Дином информацию, часть которой повторяют и большие китайские государственные хроники, уже не получится отмахнуться от образа смелого полководца, стратега, обогнавшего свое время; именно таким — «известным и неизвестным», жестоким и терпимым, дальновидным и преданным своей идее — предстает на страницах сочинения персидского автора могучий Чингисхан.

Вторая хроника, Mongol-un Ni'uca Tobci'an («Сокровенное сказание о монголах»), представляет собой мифологическую генеалогию Чингисхана, эпическое повествование о его царствовании и частично о царствовании Угедэя, его сына и

преемника. Она была утеряна, и нам даже неизвестно, на каком языке она была написана (уйгурско-монгольском, китайско-монгольском или каком-нибудь другом). Неизвестно также время ее создания: известный французский востоковед Рене Груссе, изучавший все, что связано с Чингисханом, склоняется к 1252 году, но один из отрывков хроники свидетельствует о том, что она была закончена в год крысы, что соответствует 1240 году. Стоит подчеркнуть, что, как и к «Книге Золотой династии», к тексту «Сокровенного сказания» имели доступ только Чингизиды, чем и объясняется ее название.

Существует предположение, что «Сокровенное сказание» написано одним из ближайших сподвижников Чингисхана (возможно, его приемным сыном Шиги-Хутуху) вскоре после смерти великого завоевателя. Переоценить значение этого труда невозможно, потому что он дает совершенно исключительный взгляд изнутри, взгляд практически непосредственного очевидца событий или, по крайней мере, собеседника очевидцев. Особенно важно это произведение в том, что касается периода, предшествующего великому курултаю 1206 года — событию планетарного масштаба, провозгласившему создание Монгольской империи. Именно Чингисхан, который объединил действительно всех потомков древнего рода «монгол», извлек это почти забытое слово из глубин исторической памяти и назвал им объединенные под его началом народы. Только с этого времени громкое имя монголов и получает распространение, так что даже те племена и народы, которые не имели никакого отношения к изначальным монголам — татары, уйгуры, кипчаки (половцы) и другие — стали называть себя монголами.

Есть у «Сокровенного сказания» и минусы, как это ни странно, напрямую связанные с главным плюсом — монгольским происхождением. Это и почти полное отсутствие датировок, особенно событий XII века — периода становления государства Чингисхана, а также сам характер сочинения — в первую очередь, это все-таки «сказание», а не «история».

Только в XIX веке русский синолог П. И. Кафаров (в монашестве архимандрит Палладий, создатель русско-китайского словаря) перевел текст на русский язык. Ученым была проделана большая работа, требующая исключительной эрудиции. Она открыла путь западным специалистам для новых переводов: для Поля Пеллио (на французский), начатого около 1920 года и, к сожалению, не законченного в связи с его смертью, затем Гаерниша — на немецкий, Козина — на русский и Кливса — на английский, в то время как многие китайские и японские монголоведы отставали — они в то время лишь приступали к

изучению текста «Сокровенного сказания».

Итак, источников не слишком много, и главный вопрос, возникающий в этой связи, — доверие к ним. Все-таки речь идет о делах давно минувших дней. Научный подход обязательно предполагает по-хорошему консервативный, недоверчивый взгляд и наличие у изучающего внутреннего редактора. Этот невидимый индикатор подвергает сомнению каждый, пусть даже самый гармоничный факт. Но это и не должно подавлять человека творческого. Иначе в результате появятся бездарные, серые тексты, которые количественно постараются убедить в своей несокрушимости. Исследователь с аналитическим складом ума, перерабатывая огромный пласт информации, должен сам прийти к вполне искреннему убеждению, что эта теория верна, и постараться убедить в этом читателя.

Что же все-таки делать историкам? Основываясь на переводах «Книги Золотой династии» и «Сокровенного сказания», хотя и составленных независимо друг от друга, искать в них почти идентичные события. Главная работа при этом — отделять собственно исторические факты от эпизодов, восходящих к легенде. Но это не всегда легко определить. Дело в том, что эти хроники, в частности «Сокровенное сказание», полны эпических отступлений. Информация, которая отзеркаливает ораторское искусство тех лет, дошла и до нас в первозданном виде, сохранилась до наших дней в Монголии. В подтверждение вышесказанному — эпосы, исполняемые певцами и записанные на ее территории современными филологами и музыковедами.

Итак, «Сокровенное сказание» — не миф, но нечто субъективное, написанное в большей степени под воздействием эмоций. В ожидании возможных новых открытий оно остается основным объектом исследования ученых, потому что это, повторимся, первый и чуть ли не единственный письменный источник, относящийся к периоду, который нас интересует.

Замечателен тот факт, что в самой Монголии на протяжении XX века заниматься расшифровкой «Сокровенного сказания» было весьма опасным занятием. Известны многочисленные случаи репрессий в отношении ученых, которым коммунистический режим вменял в вину ненаучный, антисоциалистический подход к описанию личности Чингисхана, истории его восхождения. На короткий промежуток времени, начавшийся после смерти Сталина, пришелся период нового подхода к изучению в стране собственной истории. К восьмисотлетию Чингисхана была даже выпущена марка и принят проект памятника на предполагаемом месте рождения героя — реке Онон. Однако уже очень скоро изучение всего, связанного с Чингисханом, стало опять считаться

преступным отклонением от линии партии. Власти снимали с должностей, изгоняли из своих домов, даже тайно казнили тех, кто игнорировал предупреждение прекратить изучение всего, что связано с именем Чингисхана. Но даже в самые непростые времена всегда действуют бесстрашные энтузиасты. И в этом случае нашлись те, кто начал независимые исследования и, рискуя жизнью, поднял завесу над прошлым своей страны.

Следующим этапом в поиске истины считается период распада Советского Союза — именно в 1990-е годы Монголия стала более открытой, в том числе и в науке. Организовывались экспедиции в поисках могилы Чингисхана и захоронений членов его семьи. Появилась реальная возможность более детального изучения местности, что было необходимым условием для расшифровки текстов «Сказаний». Это привело к обнаружению некоторых противоречий и расхождений в переводах, сделанных на различных языках. Так, известный географ О. Сухебатор, один из тех ученых, которые наиболее глубоко погрузились в вопрос, считал, что каждое слово «Сказания» — истинная правда, а историк О. Пурев полагал, что «Сказания» нужно воспринимать как мистический трактат, пособие по управлению миром, нужно только разгадать код, в котором зашифрован путь к вершинам власти.

Так существовал ли Чингисхан? Такой вопрос не перестают задавать себе сомневающиеся во всем историки, в то время как другие ученые с энтузиазмом изучают имеющийся материал и воссоздают образ реального, а не мифического полководца, опередившего свое время, видевшего свое предназначение в войне как способе созидания, создателя великого государства. Звучит противоречиво, почти абсурдно, но в случае с Повелителем Вселенной дело обстоит именно так: чтобы создать новое, ему пришлось сломить сопротивление старого, разрушить его.

Все, что касается Чингисхана, кажется неимоверным, даже количество его потомков. Но поскольку мы говорим о неординарной личности, «избраннике небес», то и этот факт приходится принять как данность. Чему-чему, а этому довольно легко найти доказательства.

Начать с того, что сегодня существуют множество фирм, предоставляющих услуги по составлению генеалогического древа. Если допустить достоверность подобной информации, за определенную сумму можно восстановить историю своей фамилии и узнать о том, что было скрыто когда-то. Есть масса примеров того, как в семьях трепетно хранят реликвии, передаваемые из поколения в поколение, принадлежавшие

предкам, облик которых можно представить, лишь включив воображение. Домашние рассказы о тех, кто прославил род, обрастают новыми подробностями и имеют все основания считаться реальными, хотя на самом деле могут быть лишены даже зародыша истины, главное, что они помогают объединить тех, кто нуждается в знании своих корней, кого эта информация делает сильнее. Да, и, в конце концов, это просто интересно — заглянуть в глубь веков.

Семейные альбомы. Со старых пожелтевших фотографий на вас смотрят люди, благодаря которым вы сейчас живете. Стечение обстоятельств, приведшее к тому, что именно вы вошли в этот мир в данное время в данном месте, чтобы, вероятно, исполнить свою миссию. Но задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что в вас может течь кровь человека, роль которого в мировой истории одними преподносится как великий прорыв, другими — как пример жесточайшего варварства?

В марте 2003 года в «American Journal of Human Genetics» была напечатана статья, которая имела большой резонанс. В ней шла речь о группе из 23 генетиков, которая провела исследование ДНК, принадлежащих людям со всех концов Евразии. Ученые даже не могли предположить результатов своих изысканий. К своему величайшему изумлению, они обнаружили структуру, общую для нескольких десятков мужчин из выборки. Попытки связать ее с их местом проживания не увенчалась успехом. Нельзя было не заметить, что одна и та же генетическая структура, с незначительными местными отклонениями, отмечалась у шестнадцати групп населения, разбросанных по всему пространству от Прикаспия до Тихого океана. Если пропорцию мужчин с этой структурой, а она составляет восемь процентов от шестнадцати групп выборки, экстраполировать на все население этой территории, нельзя не прийти к невероятному выводу, что они составляют 16 миллионов человек. В сущности, это говорит о том, что эти люди — часть одной огромной семьи. Ученые принялись искать этому объяснение.

Данные были получены в процессе исследования Y-хромосом, которые есть у мужчин, но нет у женщин. У каждого мужчины структура Y-хромосомы равнозначна его неповторимой подписи, но при этом все такие подписи имеют нечто общее, что позволяет генетикам устанавливать семейные связи и представлять их в виде так называемых семейных деревьев. Их принято называть звездными «скоплениями» (потому что их рисуют в виде взрывающихся звезд, а не деревьев).

У Джона Мэна в книге «Чингисхан» описывается долгий последовательный путь научного поиска. Перед исследователем

стояла непростая задача: найти «самого близкого общего предка» для такого огромного количества людей. Необходим был тщательный анализ. Ученые проанализировали звездные (о которых мы упоминали)»скопления» и проследили их корни во времени и пространстве. Только представьте, какой колоссальный объем работы был проделан! Исследовали 34 поколения, взяв за основу 30 лет на поколение. Ученые отнесли этого общего предка ко времени, отстоящему от нашего на 1000 лет, с ошибкой усреднения на 300 лет в обе стороны (30 лет на поколение — несколько завышенная цифра, если принять 25, тогда самый близкий к нам предок будет отстоять от нашего времени на 850 лет). Широкая область поиска неимоверным образом сузилась, когда обнаружился интересный факт. Выяснилось, что самое значительное количество местных вариантов такой хромосомы оказалось представленным в одной-единственной области — в Монголии.

Интерпретация этих данных привела к потрясающей гипотезе. Научная мысль непредсказуема и может привести как к ожидаемым, так и к невероятным выводам. В вышеупомянутом исследовании он был следующим: один человек, живший в двенадцатом столетии, разбросал свой генетический материал на пол-Азии, и в конечном итоге его следы присутствуют в каждом двухсотом из живущих теперь там людей. Вы только представьте — в каждом двухсотом! В результате анализа полученных данных, по мере их накопления, было сделано сенсационное предположение: эту ветвь основал Чингисхан!

Кого-то такое «родство» обрадует, кого-то заставит вздрогнуть от ужаса, ведь до сих пор мнения об этой неординарной личности были крайне противоречивы. Но от фактов деваться некуда. Наука тем и сильна, что опровергнуть ее выводы порой не представляется возможным. Да и к чему? Стоит внимательнее изучить их. В научном поиске важен системный подход. Исследователи в своих изысканиях пошли следующим путем. Они разметили местоположения шестнадцати отобранных групп империи, созданной Чингисханом в начале XIII столетия. Две группы легли совершенно «в яблочко». Одна из них — хазарейцы из Афганистана — обозначилась несколько за границей империи, но и это вполне вписывалось в общую картину, поскольку Чингисхан провел в Афганистане около года — в 1223–1224 годах перед своим возвращением в Центральную Азию.

Вполне вероятно, что общим предком этих шестнадцати миллионов человек был один из прямых предков Чингисхана, ту же генетическую структуру могли иметь его братья. Во всяком

случае, именно наш герой, и никто другой, между 1209-м и 1227 годом, годом его смерти, рассеял этот генетический материал по всему Северному Китаю и Центральной Азии. Нет ничего удивительного: во время военных походов красивые женщины были значительной частью боевых трофеев, и лучших из них военачальники либо сами забирали себе, либо получали в подарок от подчиненных. Чингисхан умело пользовался этим обычаем, таким образом, он не только подтверждал свое верховенство, но и демонстрировал собственную щедрость, раздавая девушек лояльным командирам. Он не отличался распутством, но конечно же не был и аскетом, и за сорок лет, пока он создавал свою империю, через его ложе прошли тысячи девушек. Да и жен у него было немало.

Чингисхана считали «посланным Небом хозяином степей, повелителем мира». По своему происхождению потомок Желтого Пса[1] угоден Небу, а значит, совершенно не обязательно согласие живущих на земле на то, чтобы утвердить его власть. Он не нуждался в их одобрении, так как сам является источником права и был отмечен печатью небесного происхождения. Это было провозглашением незыблемости власти Чингисхана и в будущем его потомков, мандат на правление земной империей без границ.

Генеалогическое право Чингизидов на правление было закреплено политической традицией и действовало на всей территории покоренных монголами народов. Оно являлось подтверждением официальной идеологии монгольской государственности. Даже такой завоеватель, как Тимур (1370–1405), объединивший под своей властью Среднюю Азию и Персию, не имел никаких наследственных прав на верховную власть и потому остался в истории лишь эмиром, помогая представителям рода Чингисхана всходить на престол, а себя называл представителем «обладателя престола».

Но этому ошеломляющему успеху его рода предшествовала глубокая человеческая трагедия и непрекращающаяся упорная борьба, занявшая две трети жизни будущего Повелителя Вселенной.

Ребенком он пережил раннюю смерть отца, которого отравили татары, когда Темучжину (так звали того, кто стал известен как Чингисхан, дословно — «Повелитель бескрайнего») было всего девять лет. Бывшие «подданные» бросили вдову багатура[2] с малолетними детьми на голодную смерть в степи. Познав предательство, голод, лишения, будущий властелин мира так и не узнал, что такое детство. Он побывал в рабстве, носил кандалы, выполнял всю самую тяжелую и черную работу, терпел побои и унижения, но не сломался, а вырвался из плена и бежал.

Не имея ни кола ни двора, опираясь лишь на личные достоинства, Темучжин сумел собрать свою собственную дружину. Вокруг него сплачивались кочевники, чувствуя его внутреннюю силу, задатки лидера. Упорство и последовательное движение к цели принесли ему многочисленные победы над мощными соседними племенами: татарами, меркитами, найманами, кераитами, что и позволило наконец объединить все племена монгольских степей. Чингисхан — классический случай, когда человек создал «все из ничего» и прежде всего «сделал себя сам». Лучше всего характеризуют личность Темучжина его собственные высказывания — «Билики». В них очевидны такие важные черты характера, как организованность, выдержка, воля, любовь к знаниям и уважение к образованным людям.

«В высоких горах ищите проход,
В широком море ищите переправу.
Если далеко отправился, то, хоть и трудно, но иди до конца! Если тяжесть поднял, то, хоть и трудно, но подними ее!»

«Боишься — не делай, делаешь — не бойся, не сделаешь — погибнешь!»

«Правление ханское не должно блуждать в темноте,
Хан ошибаться не должен!
Поступай по своей совести —
Будь тверд, не склоняйся, точно
Верхушка сосны в сильный ветер,
На чью-либо сторону.
Не пренебрегай словами своими.
Не горячись с почтенными людьми,
Не кричи на людей громким голосом!
Не сплетничай, не болтай по пустякам!
Не ходи растрепанным!»

«Если много говорить станете, то много ли пользы будет от слов?»

«Изучайте разные законы, сравнивая, приноравливайтесь к ним! Для разных дел нужны опытные, ученые люди! Тот человек выше множества множеств людей, который обладает знанием!»

Можно говорить о Чингисхане как о человеке суровом, внушавшем подчиненным ужас. Но не стоит искать объяснение его поведению в хитросплетениях генетики. В его случае, наоборот, поведение объясняет генетику, и одновременно вместе они завязаны на личности, соединившей в себе недюжинные качества стратегического гения и умелого руководителя, безудержную энергию, железную хватку личности. Ее звезда

взошла и засияла в бескрайних монгольских степях около восьми с половиной веков тому назад.

Английский писатель Джон Мэн заметил, что в 1000 г. н. э. во всем мире насчитывалось менее 300 миллионов человек населения (некоторые склоняются к цифре даже в 50 миллионов), и большая часть этих людей не имела никакого представления, где они находятся по отношению к другим нациям и странам. Какое тогда было сообщение? Никто из людей, населявших Евразию, кроме горстки викингов, ничего не знал об Америке, и ни один человек из Северного полушария, за исключением разве что нескольких бесстрашных финикийцев, не сумел добраться до Центральной Африки; полинезийцы, населявшие тихоокеанский регион, не подозревали о существовании Австралии. Несмотря на то что азиаты торговали с восточными окраинами Римской империи, они практически ничего не знали о Европе. В целом каждая культура жила изолированно, будучи ограниченной климатом, географией и неосведомленностью.

А сегодня мир превратился в большую деревню. Как это произошло? К этому вели развитие техники, экономики и множество других безличных сил. Рождались вожди, изобретатели, исследователи, мыслители и артисты, которые сблизили народы и разные технологии в большей степени, чем другие. Чингисхан конечно же относится к их числу. Его завоевания перебросили новые мосты между Востоком и Западом. Он со своими преемниками построил или перестроил основы, на которых зиждятся современные Китай, Россия, Иран, Афганистан, Турция, Сирия, развивающиеся страны Центральной Азии, Украина, Венгрия, Польша.

Применим простую арифметику. Допустим, что, по самым скромным подсчетам, у Чингисхана было 20 детей — а могли быть сотни, — десять из них мальчики, и каждый унаследовал Y-хромосомы одной и той же структуры. Предположим, что у каждого из его сыновей, в свою очередь, было еще по двое сыновей. Удваивая число мужских потомков Чингисхана за 30 поколений, можем допустить, что через пять поколений, где-то к 1350 году, у него должно было бы быть, по самым тривиальным подсчетам, 320 потомков, но еще через пять, в 1450–1500 годах, их стало 10 000, а после 20 поколений эта цифра возросла бы до 10 миллионов, добавим еще 20 поколений и получим невообразимые миллиарды.

У одного из исследователей истории Чингизидов мы находим подтверждение информации о том, что у Джучи — старшего сына Чингисхана — было около сорока детей и, соответственно, сотни внуков. У Чагатая — восемь сыновей, у Угедэя — десять. У Толуя

— четвертого его сына — тоже десять сыновей, а у Кулкана (сына Чингисхана от Кулан-Хатун) — четыре. Получается, что к концу жизни Великого Завоевателя число его потомков мужского пола достигло сотни: пятеро его сыновей, не менее сорока взрослых внуков и много десятков подрастающих правнуков.

В таком случае вполне реально найти сегодня по этой генетической линии вышеупомянутые шестнадцать миллионов потомков. Можно предположить, что этот человек, Чингисхан, вероятно, обладал поистине потрясающей репродуктивной способностью, чтобы оставить после себя такое потомство. Конечно, речь шла об обычных генах, нейтральных, определяющих пол человека. Но все же нельзя упускать из внимания тот факт, что это был мужчина-воин, мужчина-завоеватель. Сильный, неординарный, но все-таки реальный человек.

Такой подход — как к реальному человеку — мы находим в работе историка, этнографа Льва Николаевича Гумилева «Древняя Русь и Великая степь». Речь идет о так называемой теории пассионарности. Сначала нужно разобраться в сути этого понятия, заключающегося в особом свойстве характера людей. По соотношению двух основных «движущих сил» человеческой личности всех людей можно разделить на три категории: пассионарии, гармоничные личности и субпассионарии. Первые — самые главные участники исторических процессов. У гармоников активность и инстинкт самосохранения уравновешены, а субпассионарии — особи, поступки которых мотивированы прежде всего их низшими инстинктами, они, как говорит Гумилев, обладают «отрицательной пассионарностью». Субпассионарии не способны ни на подвиги, ни на сколько-нибудь успешную трудовую деятельность. Но нас интересует, разумеется, именно пассионарии, как яркий пример неуемности духа и энергичности, направленной на развитие, на движение вперед.

Термин «пассионарность» происходит от латинского слова «passio». На латыни «passio» — *претерпевание, страдание* и даже *страдательность*, но также и *страсть, аффект*. Однокоренные слова в европейских языках различаются смысловыми оттенками. «Pasion» у испанцев соответствует латинскому значению. Итальянцы применяют слово «passione» еще и для выражения страстной любви. Французы и румыны также используют термины «passion» и «passione» для характеристики главным образом чувственных пристрастий. «Passionant» по-румынски — это человек, способный увлечь, привести в восторг. Англичане привнесли в понимание пассионарности новый смысл: для них

«passion» — это еще и вспышка гнева, взрыв чувств. У поляков это ярость, бешенство. А для северян — голландцев, немцев, шведов, датчан — «passion» — это просто увлечение.

Существует еще одно толкование: термин означает избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорных целей. С точки зрения науки, пассионарность — это непреодолимое внутренне стремление к деятельности, направленное на осуществление каких-либо целей. Безудержное желание любой ценой осуществить свои планы.

Гумилев подчеркивал, что цель эта представляется пассионарной особе ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни, счастья современников и соплеменников. Однако средства для ее достижения зачастую далеки от романтических представлений. Эта цель не имеет отношения к этике, поэтому одинаково легко порождает подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло, исключая только равнодушие. Она не делает человека героем, ведущим толпу, ибо большинство пассионариев находятся в составе толпы, определяя уровень ее возможностей в ту или иную эпоху развития народа.

Очевидно, что пассионарии характеризуются высокой общей психической активностью и эмоциональностью. Но они не обязательно холерики и сангвиники. Пассионарность — это потребность в самоактуализации, способность изменять окружающую среду и самого себя, потребность в преодолении. Формально она — динамическое свойство психики. Ее уровень оказывает влияние на направленность личности. Обычному человеку присущи поступки, диктуемые законами самосохранения и собственной выгоды, но, когда речь идет о личности пассионарной, здесь все диктуется страстями и пренебрежением личными интересами, безопасностью, даже безопасностью близких. Пути достижения кажутся жестокими, но все логично, когда речь идет о такой активной личности. Пассионарий не может жить спокойно. Для него идея важнее благополучия, самой жизни, наконец. Речь идет, если кратко, об антиинстинкте. Зачастую в голове такого человека рождаются мысли о мировом господстве — такая страсть требует утоления любой ценой. Ярким пассионарием и был Чингисхан с его исключительными личными качествами. Но обо всем по порядку.

История редко стоит на месте. События в ней напрямую связаны с изменением уровня пассионарности. Ее рост способствует процессу оригинального становления культуры и формообразования, свойственного данному этносу. Там, где пассионарность на спаде, но инерция системы велика, обычны

заимствования от соседей. Два новых этноса, перекроивших карту Азии, — маньчжуры и монголы — возникли в XII веке от пассионарного толчка — мутации, изменившей стереотип поведения потомков расселившихся по тайге земледельцев и скотоводов. Предки этих воинственных народов были миролюбивы, и такими же остались их северные соседи в Сибири и на Амуре. Область, охваченная толчком, была невелика — от Приморья до берегов Селенги, на меридиане Байкала. Следовательно, если бы этого толчка не было, то восточная полоса окраины тайги и Великой степи была бы этнографическим продолжением Алтая, Сибири и Приамурья. Там были бы храбрые, добрые, честные, но нетворческие и безынициативные люди. Их участие в глобальном историческом процессе сводилось бы к отражению вторжений пришельцев, обычно неудачному, потому что оборона — худший способ самозащиты. Но когда появился весьма пассионарный этнос — монголы, то произошли события, о которых пойдет речь ниже.

Именно рост пассионарности, что выразилось в увеличении людей этой направленности, у монгольских племен привел к появлению людей с особыми качествами (это так называемые «люди длинной воли»), созданию великой монгольской державы. Эти люди обладали храбростью, находчивостью, удалью, и таким образом в обществе того времени создались условия для появления гениального вождя и полководца. Правильнее будет утверждать, что подлинные предпосылки миссии Чингисхана сложились с появлением и деятельностью множества пассионариев среди монгольских племен. Они, совершенно не раздумывая, шли на смертельный риск, чтобы смыть обиду или выручить родственника, — это они считали естественным и для себя обязательным. В условиях суровой степи без твердого принципа взаимовыручки малочисленные скотоводческие племена существовать попросту не могли. Как пишет Гумилев, это был их способ приспособления к природной и этнической среде в условиях растущего пассионарного напряжения. Не будь его, монголы жили бы относительно спокойно, но в этом и проявилась природа пассионарности. Она давила на них изнутри, заставляла приспосабливаться к этому давлению. Логичной стала необходимость в объединении, в наличии правителя, вождя.

Чингисхан оказался достоин своей великой роли вождя. Бедность и унижения (как сказали бы мы), промысел Небес (как говорил сам Темучжин) толкали его на путь завоеваний, к созданию самой обширной на земле империи и обретению своего рода бессмертия, продолжая жить не только в генах своих потомков, но и в мире, который он изменил ошеломительным

броском своих полчищ воинов-кочевников.

В его представлении добродетелями были верность, преданность и стойкость, а пороками — измена, трусость и предательство, поэтому понятен подход монгольского вождя к окружавшим его людям. Вождь монголов делил людей на две категории: одних он считал «подлыми», «черной костью» (безопасность и благополучие они ставили выше личного достоинства и чести), других называл «белой костью» (они ценили честь выше безопасности, благополучия и самой жизни). Чингисхан делал ставку именно на людей второго типа, он стал их вождем. Что же касается «черной кости», обывателей, то среди них были и родственники будущего хана, и они делали все возможное, чтобы избавиться от его власти и сохранить за собой право быть безответственными.

«Людьми длинной воли» монголы XII века называли пассионариев, не жалевших ни своей, ни чужой жизни ради далекой, но важной цели. Именно в них Чингисхан видел особую породу людей, может быть поэтому кочевой образ жизни казался ему предпочтительнее, тем более это был его родной образ жизни.

Народу, жаждущему перемен, т. е. находящемуся в стадии подъема пассионарности, присуще чувство стихийной инициативы. И Чингисхан считал, что эти свойства его подданных сохранятся вечно. Кроме того, как и всякий пассионарный человек эпохи подъема, Чингисхан придавал особое значение сохранению этнической традиции своего народа. В этом он, скорее всего, видел реальную защиту от возможных потрясений. Но и говорить о презрении Чингисхана к оседлому быту как таковому, на наш взгляд, не приходится. Считая кочевой быт монголов предпочтительным, Чингисхан, однако, ценил достижения культуры оседлых народов: письменность, ремесла, административные навыки. Однако в XIII веке большинство оседлых народов, живших по соседству с монголами, имели гораздо более низкую пассионарность, чем степняки. Соответственно, как утверждал Гумилев, их должен был отличать букет пороков, вызванных падением пассионарности. Монголы же и сам Чингисхан просто приписывали эту разницу между собой и соседями наиболее ощутимому различию — различию в образе жизни.

Джон Мэн очень точно подметил, что исследовать последствия зарождения и существования Монгольской империи — это все равно, что вслушиваться в шепот великой бесконечности. Результаты кажутся загадочными, порой непостижимыми, но, с другой стороны, очевидными. Главной

тенденцией этой империи стало расширение границ. Собственно, это и определяет понятие империи как таковой.

А теперь стоит вернуться в середину XI века. И посмотреть, что из себя в этот период представляли монголы. Как мы помним, у монголов тогда еще не было письменности и их история существовала в народных сказаниях. У них были свои барды, поэты и рассказчики, которые бродили от пастбища к пастбищу между раскинутыми юртами и пересказывали легенды. Так эти завораживающие истории расширяли границы своего влияния. Они не только доставляли радость слушающим и передавали им мудрость предыдущих поколений. Смешивая легенды и историю, сказители толковали традиции, воскрешали в памяти корни и начала начал, описывали подвиги героев. Репертуар их был колоссальным, равно как набор инструментов и стилей. Даже сейчас в ряде районов Монголии все это еще сохранилось.

Репертуар песен был невероятно разнообразен. У монголов есть эпосы, «длинные песни», «короткие песни» и множество песен «между длинными и короткими». Песни, что называется, на любой случай жизни, песни, прославляющие красоту природы, сражения, героев и лошадей.

Во все времена песня — самый искренний и распространенный способ передать настроение. Это жанр, с помощью которого можно серьезные, эпохальные события и мысли донести практически до каждого. Не обязательно иметь абсолютный слух, нет предпочтения полу. Нужно лишь хотеть быть услышанным. Песни монголов — яркое тому подтверждение. Женщины у них могут петь сильными пронзительными голосами, выводя трели и фиоритуры, похожие на болгарскую или греческую манеру пения, которую хорошо знают любители музыки. Мужчины часто пользуются таким же стилем. И к каждому выступлению самое серьезное отношение. К пению относятся как к ритуалу, соблюдая традиционные формальности, ибо музыка и песня обладают огромной силой. Очень может быть, что в раннем средневековье монгольские певцы-поэты, подобно догомеровским сказителям, выполняли роль, если можно так выразиться, национального банка памяти, увековечивая события и героев в традиционной стихотворной форме. И это несмотря на то, что пели они под звуки примитивных щипковых инструментов, дальних предшественников сегодняшней скрипки. В 1220-е годы, когда Монгольская империя еще набирала силу, эти поэты-сказители уже приступили к решению никем не предписанной задачи по увековечению того, что произошло, и того, что все еще происходит вокруг, фиксируя увиденное и услышанное в стихах.

Об одной из таких легенд стоит упомянуть особо. Описана она во многих источниках, в том числе и у французского востоковеда Рене Груссе, а дошла до нас именно благодаря монгольским певцам. В правдивости этой легенды, возможно, сомневались сами монголы, но, тем не менее, она передается из поколения в поколение. Суть сказания в том, что прародительница монгольского народа Алан-Гоа родила двух сыновей от мужа и трех от светлокудрого юноши, приходившего к ней в полночь через дымовое отверстие юрты и уходившего с рассветом, и звала она его Желтый Пес. О прародительнице Алан-Гоа — жене богатура Добун-Мергана, потомка первоначальной пары прародителей, стоит рассказать более подробно. Гоа означает «красивая», Алан является, возможно, этническим именем могущественного иранского народа — аланов. Кланы аланского происхождения существовали среди монгольских племен. Кажется, что у Борджигинов (рода Темучжина), как и некоторых других монгольских родов, была примесь аланской крови. Важно, что монгольский эквивалент слова «слава» (алдар) является заимствованием из аланского. По-осетински «алдар» означает «вождь», «князь». Весьма возможно, что аланские воины древности произвели на праотцов монголов неизгладимое впечатление своими великими делами. Случилось так, что в мегрельском языке «аланы» («алан») означает «герой», «храбрец». В общем, Алан-Гоа можно перевести как «прекрасная аланка». Эта прародительница монгольского этноса утверждала, что зачатие якобы происходило от света, исходившего от юноши и проникавшего в чрево вдовы. Обыкновенное чудо. От этого странного, даже для ее современников, союза родился Бодончар, судя по описанию, типичный пассионарий.

Ему приписывают и изобретение охоты с прирученным соколом, и подчинение какого-то соседнего племени, т. е. установление неравенства, и введение некоего родового культа (правда, описанного крайне расплывчато).

К Бодончару возводили свою генеалогию многие монгольские роды, в том числе вышеупомянутые Борджигины, что значит «синеокие». Это был очень сильный и авторитетный клан. Обычно кланы укреплялись, а потом, со сменой поколений, распадались, и только некоторые из них сохраняли надолго свою идентичность. Но Борджигины обладали особой сплоченностью, что можно проследить за 150 лет их семейной истории. Начинается она с туманного периода, сведения о котором теряются в глубине веков, когда Борджигины были всего лишь одним из пяти монгольских кланов. Ко времени, о котором идет речь, они сплотили вокруг себя восемнадцать других кланов, но

при этом сохранили свою идентичность, выступая в качестве своего рода царского дома (многие монголы до сих пор с гордостью говорят, что они Борджигины). Считалось, что голубизна глаз и рыжеватость волос были следствием происхождения от Желтого Пса. Следует упомянуть, что, согласно свидетельствам летописцев и находкам фресок в Маньчжурии, древние монголы были народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым. Современный облик их потомки будто бы обрели из-за смешанных браков с окружавшими их многочисленными низкорослыми, черноволосыми и черноглазыми племенами, которых собирательно называли татарами.

Конечно, миф о Желтом Псе, рассказывающий о прародительнице Борджигинов Алан-Гоа, вряд ли стоит толковать буквально. Устному творчеству свойственны метафоры. Сами монголы и тибетцы считали светоносного юношу, преображающегося в пса, литературным образом, иносказанием. Значение же его ясно: монголы отметили и датировали путем счета поколений дату рождения своего этноса или смену эпохи. Рождение Бодоначара и стало для них этой исторической вехой.

Но если попробовать опереться на теорию пассионарности Гумилева, становится очевидным, что речь идет о пассионарном толчке, описанном как облучение плода в утробе. Это событие и породило мутацию. А пассионарность, вызванная ею, передалась по наследству, изменила генетику. Далее легенда гласит, что одним осенним днем Алан-Гоа пригласила своих младших сыновей на семейный пир, во время которого и поведала им тайну, долго и тщательно скрывавшуюся, о том, что каждую ночь некто сияющий, как золотой слиток, проникал в дымоход ее юрты и спускался к ней. Во время этих свиданий она трижды была близка с этим неподдающимся описанию существом. А затем он улетел, по ее словам, то ли на луче солнца, то ли луны. Алан-Гоа заметила, что этот некто походил на желтого пса, и попыталась объяснить старшим сыновьям, что три их брата, несомненно, являются детьми самого Тенгри (бога Неба)! И запретила говорить о них, как о простых смертных!..

Произнеся эту загадочную речь, великая вдова как будто предрекла, что дети этих детей, сыновья чуда, однажды станут властителями половины мира. Возможно, она придумала все это, но когда потомки Алан-Гоа захватили власть, стало опасно сомневаться в правдивости сказанного Алан-Гоа. Миф был принят безоговорочно.

Чингисхан — потомок Желтого Пса — даже внешне отличался от остальных монголов: у него были рыжие волосы,

борода и, возможно, зеленые глаза.

Биологи утверждают, что как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции определенного ареала. Изменяются только отдельные немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникла новая порода. У людей при благоприятном стечении обстоятельств появляется новый этнос. Пассионарность — это обязательное условие такого процесса. От момента пассионарного толчка до видимого начала этнических изменений должно пройти, считают сторонники этой теории, как минимум, 150 лет. Для монголов этот период приходится на середину XI века. Это так называемый второй полуисторический, т. е. легендарный, период, ознаменованный появлением легенды, в правдивости которой, как уже было сказано, сами монголы сомневались.

Но герой, который создаст абсолютно новую общность, стремительно ворвался в историю монгольского этноса. Специалисты до сих пор спорят о дате и месте рождения Темучжина. Время, когда все это произошло, волнует и самих монголов. Общепризнанной датой рождения нашего героя считается приблизительно 1162 год, и на этой дате все еще настаивает официальная Монголия. Национальный день Монголии в 2002 году был провозглашен еще одним особым праздником — 840-летием рождения Чингисхана. Таким образом, каждый год, оканчивающийся на «2», является поводом для праздника. Но существуют и иные мнения. Например, Рене Груссе в своей книге «Чингисхан: Покоритель Вселенной» утверждает, что старший сын Есугея и Оэлун, Темучжин, будущий Чингисхан, родился в год Свиньи, а значит, в 1167 году. В ту пору семья находилась в урочище Делюн-Болдок, близ одинокой возвышенности Делюн, на правом берегу Онона.

Рождение ребенка в монгольской семье сопровождалось определенными ритуалами. Внутрь юрты допускались только близкие родственники и шаманка в качестве повитухи. В «Сокровенном сказании» говорится, что рождение будущего Властелина Вселенной произошло на Ононе, неподалеку от места, называемого Делюн-Болдок. Это место с высящейся там десятиметровой статуей Чингисхана было официально провозглашено местом рождения Темучжина еще в 1962 году, когда отмечали 800-летие его рождения.

По существующей традиции шаманка должна была внимательно осмотреть новорожденного и убедиться, что в нем нет никаких изъянов. История сообщает, что ребенок появился на свет со сгустком крови в крошечном кулачке правой руки, что потом, естественно, было истолковано как знак силы. Шаманке не

нужно было обладать богатым воображением, чтобы увидеть в этом благоприятный знак для новорожденного сына могущественного вождя. При рождении Темучжина были соблюдены все ритуалы. Мальчика помазали коровьим маслом, завернули в шкуру ягненка и положили в деревянную люльку с пробуравленными по краям отверстиями, куда пропускалась бечевка, чтобы можно было устроить дитя за спиной сидевшей на лошади матери.

Пришло время дать малышу имя. У христиан принято выбирать его в зависимости от дня рождения. Новорожденный получал имя святого, под покровительством которого ему предстояло прожить всю жизнь. А Есугей Храбрый дал одному из своих сыновей имя побежденного врага — в память о состоявшейся накануне рождения первенца победе над татарами. В ходе сражения их вождь, Темучжин-Уге, был взят в плен и публично казнен Есугеем. Что касается происхождения этого имени, то предположение о том, что оно произошло от тюрко-монгольского слова «кузнец», корнем которого является слово «темур» (железо), вероятно, вполне справедливо. Случай распорядился таким образом, что будущий Покоритель Вселенной был обязан своим званием железного человека и кузнеца новой Азии именно победам отца.

Однако не Небо даровало ему такую судьбу — он сам ее выковал. Кочевник, охотник и пастух стал покорителем трех империй; варвар, никогда не видевший цивилизованного города и не умевший писать, разработал свод законов для пятидесяти народов. Чингисхан появился в нужное для монголов время. Подобно лучнику, напрягающему все свои силы, чтобы натянуть лук и выпустить стрелу, он собрал накопленную в монголах энергию и с невероятно разрушительной силой выпустил ее наружу.

Когда он родился, никому бы и в голову не пришло, что у него когда-нибудь хватит сил на то, чтобы создать Духовное Знамя, пронести его по всему миру. Мальчик, который потом стал Чингисханом, вырос в жестоком мире межплеменных войн, он рано узнал, что такое убийство, предательство и рабство. Сыну из семьи изгнанников, оставленных на медленную смерть в степи, за первые годы жизни ему встретилась едва ли сотня-другая человек. Он не получил никакого систематического образования. Суровая жизнь рано пробудила в нем самые сильные черты характера — целеустремленность и стойкость. Как уже упоминалось, еще ребенком он попал в рабство к соседнему племени, но выжил и сумел бежать из плена. В этих чудовищных условиях мальчик показал недюжинный талант к

самосохранению. Но разве мог он предположить, какие великие деяния ему предстояло совершить? Неужели он уже тогда знал, что не будет подчиняться общепринятым законам, потому что заставит остальных жить по своим правилам? Очень странная трансформация для человека, появившегося на свет в неизвестности.

Суровая жизнь степи заставляет взрослеть рано. Детей в этом уголке Монголии не учили переносить страдания, они были рождены для них. После того как их отнимали от материнской груди и приучали к кобыльему молоку, предполагалось, что они сумеют позаботиться о себе сами. Темучжин не стал исключением — выносливость была первым качеством, которое он унаследовал. Для пропитания семьи Темучжин с братьями охотился за сурками и барсуками. Часто приходилось питаться и растительной пищей, не имея мяса, что у монголов считается крайней бедностью. Но в такой бедственной обстановке закалялся характер будущего воина и великого завоевателя. Впрочем, и при жизни его отца весь быт семьи монгольского кочевника, хотя бы и аристократа, никак не способствовал развитию изнеженности.

Кто не прислушивается к словам матери? А Оэлун была мудрой женщиной и говорила своему первенцу «древние слова», которые знала. Познавшая лишения после смерти мужа, она не пала духом, не позволила эмоциям взять верх. Она поняла, что будущность ее детей зависит от воспитания их в соответствии с их происхождением и положением среди степной аристократии. Она воспитывала их на богатырском эпосе, на историях монгольских ханов: их прадеда, славного Хабул-хана, и его сына знаменитого Котул-хана, которому Есугей-багатур приходился племянником. Она внушала своему первенцу, что его теперешнее скромное положение только временное, что он, когда подрастет, обязан вернуть семье ее прежний блеск, что он должен готовиться отомстить роду тайджиутов, который покинул семью Есугея после его смерти, что он обязан воздать должное и татарам, убийцам его отца (историки считают, что отца мальчика отравили татары). Все это ложилось на душу Темучжина, превратившегося к тому моменту в сильного и даровитого юношу. Его враги начали опасаться, что он в будущем станет багатуром и отплатит им за перенесенные в детстве унижения. И в самом деле, Темучжин уже начинал сознавать просыпающуюся в нем силу.

Время шло. Мальчик вырос, у него было крепкое телосложение, большие блестящие глаза; в нем уже чувствовался сильный характер и в первую очередь — выдержка. Он умел ждать, терпеть и настойчиво стремиться к достижению поставленной цели, он это доказал в свои молодые годы.

Властность также проявлялась в нем. Нрав был крутой, но эта черта уравновешивалась его обаятельностью, притягивавшей к нему преданных людей. При всем том он не был словоохотлив и начинал говорить только после зрелого размышления. В характере Темучжина, кроме того, было заложено великодушие и чувство благодарности к тем, кто ему верно служил. Он был приучен к тому, чтобы хитростью уравновешивать коварство своих врагов, но слово, данное им кому-нибудь из своих, никогда не нарушал.

Даже еще когда был жив отец, у Темучжина было много обязанностей. Мальчики в семье ловили рыбу в бурных речках, которые нужно было преодолевать на пути от летнего пастбища к зимнему. Пасти лошадей тоже входило в их обязанности, и им приходилось скакать в поле, разыскивая заблудившихся животных, и искать новые пастбища. Они следили, нет ли на горизонте вражеских всадников, и проводили ночи напролет в снегу, не разжигая огня. Жизнь заставляла их по нескольку дней не вылезать из седла и обходиться без горячей пищи по три дня кряду, а иногда и совсем без еды. Когда баранины или конины было в избытке, они устраивали пир, наверстывая упущенное, поглощая невероятное, по сравнению с днями недоеданий, количество припасов. В качестве развлечений они устраивали конные скачки в степи или соревнования по борьбе, в которой ничего не стоило получить переломы. Темучжин отличался физической силой. Он был чемпионом по борьбе, поразительно ловко обращался с луком, хотя и не столь искусно, как его брат Джучи. Еще он обладал способностью планировать, что было лишь еще одним способом адаптации к обстоятельствам.

По вечерам, ближе к ночи, бродячие певцы, старики, перебиравшиеся от одной кибитки к другой с однострунным музыкальным инструментом, при свете горящего костра пели баллады. Темучжин любил слушать сказания о славных предках и героях племени. Он осознавал свою силу и право на лидерство. Разве не он первенец удалого Есугея-багатура, хозяина сорока тысяч юрт? Из песенных сказаний он знал, что был высокого происхождения из рода Борджигинов. Он слушал повествование о своем предке Хабул-хане, таскавшем за бороду китайского императора и впоследствии отравленном за это. Он узнал, что названым братом его отца был Тогрул-хан — вождь кераитов, самого могущественного из кочевых племен Гоби.

Судя по всему, у Темучжина была приятная внешность, но в большей степени именно крепость тела и прямота характера привлекали к нему людей. По-видимому, он был высок, широкоплеч и имел довольно светлую для монгола кожу. Его

широко поставленные глаза смотрели прямо. Цвет их радужной оболочки был зеленым или, может быть, голубовато-серым. Заплетенные в косы длинные рыжевато-коричневые густые волосы болтались за спиной. Но больше, чем внешняя привлекательность, ему помогал талант легко приобретать друзей. К тому же непоколебимая твердость характера часто уберегала его от неверных шагов. Напористость плюс рассудительность — самое выигрышное сочетание для того, кому само Небо предначертало особый путь. Пожалуй, он не мог быть иным. В противном случае, он не выполнил бы ту миссию, которая навсегда оставила его имя в мировой истории.

Темучжин проявлял основательность во всем, и в дружбе также. Будучи подростком, он связал себя узами вечной дружбы и преданности с мальчиком, чуть старше его, тем, кто стал его самым близким другом в годы юности и самым страшным врагом в зрелом возрасте. Тогда же он встретил девушку, которую полюбил на всю жизнь и сделал матерью императоров. Джамуха и Борте — отношения с этими двумя людьми в жизни будущего Чингисхана невозможно переоценить.

Темучжин и Джамуха крепко сдружились, когда вместе охотились, рыбачили и проводили время в играх, которым детей учили, чтобы развивать важнейшие навыки для жизни в степи. Большая часть юности Темучжина прошла в тяжелом труде и лишениях. Игры, в которые оба играли на берегах реки Онон, — это единственные известные нам проявления легкомыслия, которые он себе позволял. Когда юные герои впервые поклялись в вечной верности друг другу, Темучжину было около одиннадцати лет. Мальчики обменялись игрушками в знак свершения клятвы. Джамуха отдал Темучжину бабку из кости косули, а Темучжин подарил ему мозаику с небольшим кусочком меди в ней, редкостное сокровище, которое наверняка проделало долгий путь, прежде чем оказаться в его руках. На следующий год они обменялись наконечниками для стрел. Дары указывали на то, что мальчики взрослеют. Джамуха взял два куска бычьего рога и, проделав в них отверстия, сделал для Темучжина свистящие стрелы. Темучжин преподнес Джамухе наконечники, сделанные из кипариса. По одной из версий, Есугей стал свидетелем такого серьезного проявления отношений и приветствовал такой подход к дружбе. Он знал, что сын одинаково способен и на дружбу, и на вражду, что стало определяющей чертой характера. Наверное, именно с этой поры Темучжина волновали сложные, порой мучительные вопросы любви, отцовства. Став лидером, он заставил отвечать на них весь мир, подчиняя свои цели и желания поиску истины.

Страстная цельная натура Темучжина проявилась и в выборе невесты. У монголов принято рано задумываться об этом — обручение, сватание приходятся на время, когда современные дети заканчивают начальную школу. Трудно себе представить ситуацию, когда в таком возрасте нашему среднестатистическому мальчишке вместо игры в футбол пришлось бы вместе с отцом искать достойную невесту. А сына Есугея ждала именно такая участь, и он был готов к ней.

Очень скоро Темучжину было суждено взять на себя ответственность за семью, ведь дети степи взрослеют гораздо быстрее. Поэтому уже в девятилетнем возрасте у Темучжина появилась невеста. Любовь к ней вспыхнула у мальчика мгновенно. Маленькая девочка, ловко хозяйничавшая в юрте Дэй-Сечена, где он гостил вместе с отцом, привлекла внимание Темучжина. Добродушный и искренний Дэй-Сечен с радостью принял предложение отца мальчика. Так состоялась помолвка Темучжина с десятилетней Борте из племени унгират. Будущего зятя принимали радушно. По просьбе хозяина, вероятно, пожелавшего лучше узнать характер и способности Темучжина, Есугей оставил сына в кочевье унгиратов. Только об одном попросил свата: «Побереги моего мальчика от собак. Он их очень боится». Это последнее обстоятельство кажется необычным. Страшные волкодавы, охраняющие овец, никогда не трогают детей. Монгольский мальчишка одним взмахом широкого рукава запросто разгоняет свору псов. Предупреждение Есугея, вероятно, свидетельствовало о повышенной нервной восприимчивости Темучжина, столь часто сопутствующей богатому воображению и предприимчивости.

Есугей остался доволен выбором сына и, заключив сделку, оставил сына у будущего тестя погостить, а сам отправился домой. Путь предстоял долгий. Возвращаясь, он заметил группу пирующих в степи людей. Уставший и томимый жаждой, Есугей подъехал к ним и… увидел, что это татары. Те его тоже узнали, но проявили гостеприимство — пригласили на пир. Этого требовали обычаи кочевников. Есугей поел и выпил, но, уезжая, почувствовал себя плохо. Симптомы не проходили. С трудом через три дня добрался он до дома, будучи уверен, что его отравили за старые обиды. С этой уверенностью он и умер. Позже, после его смерти, наследники тоже посчитали, что виноваты татары. Очевидно, в этой группе татар, проявивших «гостеприимность» в отношении Есугея, были люди, ставшие в свое время жертвами одного из его набегов. Он их не узнал, а они его помнили, решили воспользоваться возможностью отомстить и подмешали яд в питье. Это было единственное объяснение,

казавшееся разумным близкому окружению Есугея. К тому же, так утверждал и он сам.

Остается лишь гадать: правильный ли диагноз поставил себе Есугей? Все-таки после пира он провел в седле три дня, хотя и очень плохо себя чувствовал. Болезнь обострилась лишь на четвертые сутки, когда он был уже дома. Возможно, дело было в инфекции. Важно тут другое: его уверенность в том, что степные обычаи гостеприимства могут быть попраны и забыты. Твердые традиции поведения монголов рушились на глазах.

Перед смертью Есугей позвал к себе одного из своих приближенных, Мунлика, и послал его в стойбище Дэй-Сечена за Темучжином. Отец хотел попрощаться с сыном, быть может, напутствовать его. Наверняка ему было что сказать своему первенцу. Мунлик оказался на высоте — проявил смекалку. Неожиданно появившись в доме Дэй-Сечена, он не стал открыто говорить о причине своего прибытия. Он лишь сказал, что отец скучает по сыну, и, не вызвав никаких вопросов и подозрений, привез мальчика домой. Даже в пути Мунлик был немногословным и уклончиво отвечал на все вопросы своего спутника. Только дома Темучжин узнал об истинной причине его скорого возвращения домой.

Новость была неожиданной и страшной. Впервые Темучжин почувствовал себя беззащитным, слабым. Он позволил чувствам вырваться наружу: упал от горя на землю и бился в судорогах. Детское горе, страх, отчаяние, боль, жажда мести — все это переполняло его. Отец Мунлика, старый Чарха, посоветовал ему не убиваться от горя, а поскорее окружить себя преданными людьми, которые служили его отцу и продолжили бы свою службу у Темучжина. Совет был мудр, но не исполним. Темучжин был сыном не царя или феодального сеньора, а багатура (богатыря), все богатство которого заключалось в его энергии и незаурядных организаторских способностях. Старейшины рода обсудили положение дел, после чего две трети отказались от семьи вождя и отправились на поиски других покровителей. Они боялись доверить свою судьбу и судьбы членов своих семей тому, кого считали неопытным юнцом.

На руках у Оэлун осталось шестеро детей. Всегда проявлявшая мудрость и решительность, она должна была сделать все, чтобы избежать развала племени. Она поняла, что после смерти мужа потеряла всякий авторитет и стала просто бедной родственницей. От нее все отворачивались. Оэлун и ее детей решили оставить на произвол судьбы. Но сильная женщина показала, что ее нелегко сломить. Она не имела права быть слабой — на ней лежала ответственность за оставшихся без

поддержки отца детей. Держа в руке родовое знамя с девятью хвостами яка, она поскакала за дезертирами и стала умолять их вернуться. Вдову не хотели слушать. Только несколько семей повернули в конце концов назад свои стада и кибитки. Темучжин теперь сидел на белом коне, как предводитель, но его окружали лишь немногие из оставшихся представителей рода, и он столкнулся с неизбежностью того, что все заклятые враги монголов воспользовались смертью Есугея, чтобы выместить зло на его сыне.

Готов ли был он к тому, что действительность окажется такой суровой: юный наследник погибшего богатыря был никому не нужен и не интересен. Он понял, что предстоит борьба за лучшие пастбища, за лучшие места для выпаса. Мог ли он противостоять всем? На первых порах его вассалы, как мы могли бы их назвать, были нерешительны и не слишком горели желанием отдавать юному хану положенную десятину от своего домашнего скота. Кроме того, они были разобщены, сновали по холмам, охраняя свои собственные стада от волков и неизбежных ранней весной мелких вражеских набегов. Хроники повествуют, что Темучжин некоторое время горевал в одиночестве в юрте. Оставались еще младшие братья и сестры, которых нужно было кормить, и не покинувший его сводный брат.

Но среди его монгольских знатных родственников нашлись добросердечные люди. Таким оказался глава племени тайджиутов Таргутай-Кирилтух. Он посетил кочевье Есугея, решил взять под свою опеку юного Темучжина и помог ему перенести горечь потери и предательства. Но положение Таргутай-Кирилтуха позволяло ему лишь советовать, а не повелевать; советы же, даже если их выслушивают, редко принимают к исполнению. Именно такую свободу обеспечивал древний родовой строй, при котором общественное мнение направлялось не политическими расчетами мудрых старейшин и энергичных вождей, а часто решающее значение приобретало мнение капризных женщин и их слуг. Они могли безнаказанно совершать безответственные поступки, отнюдь не задумываясь над их последствиями. Так было и в этом случае. Прошла зима, память о заслугах Есугея померкла… и тогда началось.

Судьба Темучжина складывалась непросто — с раннего детства ему приходилось принимать взрослые решения. Власть степного аристократа зависела от поддержки как его свиты, так и рода, а также родов, принадлежащих одной «кости». Его богатство состояло в основном из его стад, равно как и из добычи, полученной в набегах на соперничающие с ним роды и племена. После удачного рейда стада соперника присоединялись к его

собственным. Неудачливый предводитель набега терял свой престиж в глазах сородичей и вассалов, которые могли даже оставить его и перейти к более сильному нойону[3]. Если кони и скот аристократа были истреблены животными или уведены более счастливым соперником, это могло стоить ему жизни. Если даже человек выживал, он и его сородичи могли стать рабами победителя. Даже избежав рабства, он постоянно находился под угрозой нужды и должен был кормиться охотой и рыболовством. Если в это время его оставляли все вассалы и большинство родичей, что часто случалось, у него не было людей для охоты на серьезного зверя, он должен был удовлетворяться ловлей сурков и мышей. Именно это и случилось в юности с будущим завоевателем мира. Только железные люди не поддаются отчаянию в таких обстоятельствах и стремятся вперед даже с малым шансом на успех. Темучжин оказался таким человеком. Его поддерживали в его твердости традиции рода, которые были привиты ему с детства, и вера в свою судьбу.

Традиция — закон орды — позволяла соплеменникам выбрать себе другого лидера, если бы Темучжин оказался неспособным вести бесконечные и беспощадные войны за земли для кочевья. То, каким он вырос, определило его выбор. Благодаря своей хитрости он был жив, благодаря тому, что он становился мудрее с годами, он стал притягивать к себе людей. В нем сочетались отвага и осторожность. Вождям, руководившим воинами своего племени в набегах на плодородный район между Керуленом и Ононом, удавалось иногда заставить Темучжина спуститься с холмов на практически равнинную местность, но никогда они не могли подчинить его себе. Становилось очевидным, что Темучжин и его братья не просто выживают, а становятся все сильнее. И все потому, что в будущем Чингисхане горел неиссякаемый огонь упорного продвижения к своей цели. Мальчик уже тогда знал, что должен стать подлинным хозяином наследства, доставшегося от отца. Ему было с кого брать пример — его мать была достойна того, чтобы ей поклоняться. Ее мужество и стойкость духа не могут не вызывать восхищения.

Оставшись без защитника с шестью маленькими детьми: четырьмя собственными и двумя от «малой жены», чье имя не называлось, — Оэлун знала, что не имеет права быть слабой. Семья, даже братья Есугея, которые должны были, по обычаю, оказывать ей поддержку, ничем не помогали невестке. Неожиданно рухнуло все — их мир, надежды на военные успехи, гарантии от невзгод.

Чтобы показать свое отношение к овдовевшей Оэлун, весной 1172-го или 1173 года вдовы Амбагай-хана Орбай и Сохотай

решили проигнорировать ее. Согласно обычаю, вдовы поехали на кладбище — в «землю предков», чтобы совершить традиционную тризну. Оэлун поехала тоже, но случайно опоздала, и ее никто не подождал. Это крайне удивило вдову Есугея и обеспокоило. Обратившись к женщинам с упреками, она услышала, что не заслуживает приглашения и что они не желают иметь с нею ничего общего. Именно женская ссора показала общее настроение людей, которые не замедлили воспользоваться случаем. Они откочевали вниз по реке Онон, бросив семью Есугея на произвол судьбы.

По сути дела, поступок монголов-тайджиутов был не только гнусной неблагодарностью, но и преступлением. Остаться в степи без помощи и защиты — это перспектива медленной смерти, с ничтожными шансами на спасение. Друг Есугея, старик Чарха, попытался уговорить уходивших людей… и получил удар копьем в спину. Оэлун подняла бунчук[4] Есугея и призвала народ не покидать знамя. Многие усовестились и вернулись, но ненадолго. Вскоре они опять ушли вслед за остальными. Мотив ушедших был простым: они не желали поддерживать слабого, нуждающегося в помощи. Так семья Борджигинов превратилась в «людей длинной воли».

За то, что дети Есугея остались живы, они должны благодарить свою мать. Младшей дочери ее исполнился всего лишь год, а старшему сыну было одиннадцать. Мать Темучжина не собиралась отступать перед обстоятельствами: семья жила с того, что могла найти — ягоды, коренья. Женщина, которая несет ответственность за шестерых детей, не имеет права быть слабой. Проявив всю изобретательность и находчивость, Оэлун смогла найти возможность не умереть голодной смертью. В Забайкалье, в его лесах и на горных лугах, повсеместно встречаются рябинники, земляничники и брусничники, которые в урожайные годы помогали кое-как утолить голод бедных изгнанников. Палкой Оэлун выкапывала из земли съедобные коренья. Ими, равно как диким чесноком и луком, она кормила семью. Старшие дети стали ей помогать. Они делали из колючек крючки и с их помощью ловили рыбу. Из детских луков юные добытчики стреляли дроф и сурков. Но для того чтобы прокормиться таким образом, приходилось забыть слово «отдых», потому что на зиму надо делать запасы. Все добытое отдавалось матери. Дети научились довольствоваться малым, но между собой периодически ссорились — так давало о себе знать напряжение от преодоления постоянных трудностей, нищеты. И этот кошмар продолжался пять или шесть лет.

Пришло время Темучжину проявить твердый характер,

бесстрашие, находчивость. Эти черты характера сослужили будущему Властелину Вселенной добрую службу. Трудности или закаляют характер, или ломают дух. Три или четыре важных для становления человека года Темучжин знал, что такое быть на социальном дне, без семейных связей, без поддержки близких и друзей, не имея достаточно скота, чтобы получать мясо, молоко и войлок для нового покрытия юрты. Вполне вероятно, что его угнетало жестокое полуголодное существование нищих охотников-собирателей, и он мечтал о богатстве и свободе.

Как мог ребенок, живущий в таких условиях, находящийся на самой нижней ступени социальной лестницы, вырасти и стать Великим ханом монголов? Исследуя свидетельства «Сокровенного сказания» о детстве Темучжина, нельзя не заметить очевидные знаки того, какую важную роль сыграл этот ранний опыт предательства и лишений в формировании его характера. Все, что случилось, могло сломать и взрослого человека: затянувшийся период полуголодного существования, туманные перспективы на будущее. Но с Темучжином все было иначе. Трудности лишь закалили его характер и заставили задуматься о глобальных переменах. Трагедия, которую пережила его семья, зажгла в нем неистребимое желание сломать жесткую кастовую структуру степного общества, самому взять ответственность за свою судьбу и полагаться только на помощь доверенных союзников и друзей, а не родственников или клана.

Приблизительно около 1178 года, когда Темучжину было 16 лет, а его брату Хасару — 14, у семьи Борджигинов уже было 9 соловых меринов, луки и достаточное количество стрел. К этому времени подросли и дети Сочихэл, Бектер и Бельгутей, ровесники Темучжина и Хасара. На сегодня нет достоверных данных об отношениях между братьями. Условия, в которых им пришлось выживать, не способствовали возникновению близких отношений между детьми. В это время будущий Чингисхан больше ладил с Джамухой. Крепко сдружившись, они обсуждали самое сокровенное. После дважды принесенных друг другу клятв вечного братства, они стали, согласно монгольской традиции, кровными братьями. Именно с Джамухой Темучжин говорил о том, что жажда перемен помогает ему преодолевать трудности. Но одного желания было мало. Ему нужно было копить силы для того, чтобы подавить неконтролируемую агрессию одного племени против другого. Но пока задача была более прозаичной — обезвредить Бектера, ставшего после смерти Есугея старшим в семье.

Кто в современной семье считается старшим? Мужчина — из-за принадлежности к сильному полу? Женщина — если она выше

своего супруга по статусу? Кто в семье владеет правом последнего слова в споре, в решении возникающих проблем? А их в любой семье предостаточно, и ситуации, требующие решения, возникают изо дня в день. В современных семьях в отношениях между детьми и родителями допускается много вольностей. Сейчас все чаще говорят о воспитании свободной личности, которая не должна подвергаться давлению со стороны отца и матери. Во многих странах можно угодить в тюрьму, если ребенок пожалуется на рукоприкладство со стороны родителей. Можно по-разному относиться к подобной демократии, но факт остается фактом: современные дети обладают большой степенью свободы.

Трудно представить такое положение вещей в монгольской семье тех лет. Из-за сурового климата, тяжелых условий выживания у монголов образовалась не подлежащая оспариванию система строгого подчинения детей родителям. Во время отсутствия отца всей полнотой власти в семье обладал старший сын. Обстановка в семье Темучжина была непростой — одной-единственной женщине приходилось растить детей, у каждого из которых был свой характер. Один из них знал, что обладает правом лидера по закону степи, второй — по велению сердца. Неудивительно, что два старших мальчика, Темучжин и его сводный брат Бектер, вступили в соперничество между собой. Бектер был самым сильным из братьев и, пользуясь своим влиянием на Бельгутея, обращался с Темучжином и Хасаром безобразно. Он отнимал у них пойманную рыбу или подстреленную птицу, а когда братья жаловались матери, та ханжески укоряла их за то, что они не могут жить в мире с обидчиком. Оэлун закрывала глаза на нарастающий конфликт. На этот раз материнское сердце не почувствовало надвигающейся беды. Но однажды осенью, когда Темучжину исполнилось тринадцать лет, это противостояние достигло апогея. Разыгралась трагедия.

Однажды Темучжин и Бектер поссорились из-за пойманных Темучжином жаворонка и пескаря. Мать, услышав о недовольстве старшего сына, в очередной раз сказала, что братья должны ладить между собой. Кроме того, в момент острейшего напряжения семейного конфликта Оэлун гневно напомнила сыновьям историю о легендарной прародительнице монголов Алан-Гоа, которая родила еще несколько сыновей после смерти мужа, живя с приемным сыном. Смысл этого рассказа был очевиден: Оэлун примет Бектера как мужа, как только он подрастет, и сделает его, таким образом, полноправным главой семьи. Кстати, это является одной из версий того, почему непримиримость между двумя братьями достигла наивысшего

накала.

С таким развитием событий Темучжин смириться не мог. Ссора с матерью только раззадорила его. Теперь у него был план. Нужно было действовать. Он позвал с собой одиннадцатилетнего младшего брата Хасара, и, взяв луки наизготовку, они подкрались к Бектеру, который с холма следил за лошадьми. Подкрались незаметно: Хасар — спереди, а Темучжин — сзади. Бектер сразу понял намерения братьев и свою обреченность. Без всякой надежды на спасение он не пытался убежать или защищаться, назвав себя заложником давней обиды, нанесенной тайджиутами. Всем своим видом он показывал, что не собирается противостоять намерениям братьев. Попросил лишь о том, чтобы их месть коснулась лишь его, чтобы не губили Бельгутея. Удивительно, что готовящийся принять смерть даже не упомянул причины ссоры — отнятая рыба. Перед лицом смерти обычно говорят то, что думают, и то, что может спасти. Бектер о рыбе и птице забыл, но вспомнил о «тайджиутских братьях» и заступился за младшего брата.

Судя по словам Бектера, если только они переданы историком правильно, он вполне понимал, что убить его есть за что. Все в его поведении говорило о том, что он виновен. Но ведь за неуживчивость не лишают жизни, особенно когда можно просто разъехаться. Поэтому существует еще одна версия причины столь жестокого убийства. Причем не говорится о том, как реагировала на происходящее мать Бектера, но приведено древнее проклятие, обрушенное на голову Темучжина и Хасара их собственной матерью Оэлун, которая была Бектеру мачехой и, если следовать законам логики, не могла любить злого мальчишку, постоянно обижавшего ее сыновей. Но Оэлун все время защищала его, даже когда он был заведомо не прав, и только причитала, что братья живут неладно. Похоже на то, что она боялась Бектера и стремилась любым путем избежать ссоры. Но противостояние окончилось его смертью.

Оэлун едва не сошла с ума от горя, узнав о случившемся. Она смотрела на Темучжина другими глазами, не до конца понимая, на что еще он способен? Доказать упрямому мальчишке, что он совершил непростительный проступок, она не смогла. Она говорила ему о том, что раньше они были изгнанниками, а теперь, из-за происшедшего, стали преступниками и им нужно бежать, прятаться, поскольку их жизни теперь ничего не стоят. На них имеют право напасть и убить. И тайджиуты не будут медлить. За несоблюдение баланса между побуждением к мести и потребностью в совместных действиях и поддержанию верности придется заплатить.

Этот урок Темучжин усвоил очень прочно. И вряд ли здесь можно видеть «факт, свидетельствующий о мстительности и жестокости характера будущего Чингисхана», который будто бы видел в Бектере соперника. Эту концепцию старательно навязывал читателям автор «Сокровенного сказания», тенденциозность которой несомненна. О каком соперничестве можно говорить, когда речь идет о четырех мальчиках, против которых могучее племя?

Можно предложить еще два варианта истолкования этого странного братоубийства: один — основанный на доверии к источнику, второй — скептический. Допустим, что Темучжин и Хасар убили Бектера за постоянное издевательство, а Оэлун отругала их за то, что они сами лишили себя военного товарища. Но разве можно идти в бой рука об руку с человеком, который даже пойманную рыбу у тебя отнимает? А ну как в бою он выкинет что-нибудь подобное? Ведь это может стоить жизни. Монгол должен доверять тому, кто в бою скачет на своем коне рядом с ним.

И еще один вопрос: имеет ли право человек, стремящийся к власти, допускать, чтобы им помыкали? Такая уступчивость обязательно вызывает презрение тех, кто мог бы быть его последователем. Темучжин не мог выносить постоянного превосходства, которое демонстрировал Бектер. К тому же Темучжину ничего нельзя было внушить. Поэтому и возникает мысль, что его поведение было нарочитым. Создается впечатление, что он ощущал чью-то крепкую поддержку.

Быть может, для братоубийства была скрытая причина, которой не знала даже Оэлун. А ее заявление о том, что она готова принять Бектера как супруга, лишь подтолкнуло Темучжина к решительному шагу. Ведь этого нельзя было допустить! Бектера нельзя было наделить такой властью в семье! Почему? Такой веской причиной неприятия могла быть только измена. Этого монголы не прощали не только в силу характера, но и по догматам своей религии. Врагами Темучжина были тайджиуты, следовательно, именно они были заинтересованы в том, чтобы в стане Борджигинов был их лазутчик. Но откуда мог это узнать Темучжин? Только от Бельгутея, человека искреннего, простодушного и болтливого. Вот поэтому-то Бельгутей оставался спокойным и не негодовал после убийства брата, а Темучжин любил его всю жизнь больше, чем родных братьев. Но если эта догадка правильна, то смерть Бектера не могла остаться неотомщенной. Таков был древний монгольский обычай.

Так что же случилось после смерти Бектера или, точнее, из-за нее? Темучжин ни разу не высказал сожаления об убийстве

Бектера, но семья не распалась. И тут глава тайджиутов Таргутай-Кирилтух со своими стражами нагрянул на становище Борджигинов, но не застал их врасплох. Мать и дети бросились в тайгу и спрятались в укреплении из поваленных деревьев, которое быстро соорудил Бельгутей. Тайджиуты требовали выдать им только Темучжина. Соседнее племя было обеспокоено его незаурядностью, отчетливо проявившейся в столь раннем возрасте. Следивший за ним Бектер был убит, а значит, в стане противника не осталось никого, кто мог бы предоставлять объективную информацию о происходящем.

Хасар тайджиутов не интересовал, а Темучжину пришлось бежать в лес. Десять дней он терпел невыносимый голод и холод, но даже в этом проявился характер будущего Властелина Вселенной. Когда его все-таки поймали, Таргутай-Кирилтух — предводитель тайджиутов — заменил ему смерть ношением колоды на шее. Несчастный мальчик должен был скитаться из юрты в юрту, вымаливая, чтобы его покормили и напоили, потому что колодник не может есть и пить без посторонней помощи.

Тайджиуты хотели сломить строптивого юношу. Они, не без оснований, полагали, что он, попав в плен, скорее всего потеряет самообладание и надежду на спасение. Так бы оно и было, если бы Темучжин был таким, как все. Но ведь тогда его не стоило бы и преследовать. Именно потому что он был человеком незаурядным, Темучжин нашел возможность бежать из плена, воспользовавшись тем, что охранять его остался слабый мальчик. И он бежал с колодой на шее, но с надеждой на свободу.

Без посторонней помощи Темучжина бы наверняка обнаружили, но судьба благоволила к тому, кто станет потом Властелином Вселенной. Сорган-Шира из племени сулдусов помог ему: обнаружив укрывшегося, он не выдал его, не поднял тревогу, а принял в своем доме. Освободив юношу от колоды, он спрятал его в повозке с шерстью. Темучжин должен был обладать какой-то особой привлекательностью или способностями, чтобы эта скромная семья, которая не относилась к его родичам, оказалась способна рискнуть жизнью, чтобы только помочь ему. Это происшествие окончательно убедило самого Темучжина в том, что не следует доверять вождям и ханам. А вот некоторым людям вне твоего клана можно доверять так, как будто это твоя семья. В дальнейшей жизни он будет судить о людях в первую очередь по их делам, а не по тому, в какой степени родства с ним они находятся. Для монгольского общества это было неслыханным новшеством.

Конечно, приютившие беглеца понимали, какой опасности подвергаются. Поэтому Сорган-Шира постарался как можно

скорее отделаться от гостя, который «чуть было не погубил его, словно ветер, развеивающий пепел». Для Сорган-Ширы, как, впрочем, и для всей его семьи, был единственный способ остаться живым: помочь Темучжину спастись. Невзирая на бедность, они предоставили ему лошадь, приготовили ягненка в дорогу, наполнили водой бурдюк и добавили к этим дарам лук и две стрелы. А вот ни седла, ни огнива ему не дали, чему есть простое объяснение. Темучжина могли настичь на дороге, но тогда Сорган-Шира от своего участия в побеге мог отпереться. Лошадь беглец мог поймать на пастбище, мясо и бурдюк — украсть, потому что малоценные предметы часто оставляли вне юрты. Лук вообще запрещалось вносить в чужой дом: его клали на верхний карниз входной двери. Утащить лук оттуда не составляло никакого труда. Но седло хранили дома, а огниво носили при себе, что делало их неоспоримыми вещественными уликами. Поэтому Сорган-Шира оставил Темучжина без огня и седла, но спасенный и благодарный юноша никогда этого не ставил ему в вину и даже, став ханом, запретил произносить упреки по адресу своего спасителя.

Монгольские легенды и письменные источники признают только этот короткий период плена и рабства Темучжина, но китайский хронист того времени пишет, что он провел в рабстве более десяти лет. Возможно, он попадал в плен несколько раз или рабство у тайджиутов заняло куда больший срок, чем сообщает «Сокровенное сказание». Сокращение срока плена вполне укладывается в монгольскую традицию не упоминать о плохом и позорном, зато всячески воспевать героические деяния и благие поступки.

Темучжин нашел свою семью. Борджигины укрылись на южном склоне хребта Бурхан-Халдун, где их не смогли отыскать тайджиуты. Одно это уже показывает, что Бектер был убит не напрасно: некому стало доносить врагам о местопребывании семьи.

Вскоре у семейства Оэлун снова возникли проблемы. На этот раз кто-то угнал у них всех восемь лошадей — это было практически все, чем семья владела. Темучжин бросился в погоню. Его лошадь явно отставала от лошадей тех, кто посмел посягнуть на чужое добро. Шел четвертый день погони, заканчивались запасы скромной еды. Тогда судьба послала ему встречу с юным воином примерно его же возраста. Им оказался Боорчу — юноша, выразивший желание помочь, так как видел тех, кто угнал лошадей Темучжина, и готов был вести его по их следу. Уставшую кобылу юного монгола оставили отдыхать, а для продолжения поиска Боорчу оседлал и предложил Темучжину

коня из табуна, который он пас.

Под покровом ночи еще через три дня вдвоем им удалось отбить угнанных лошадей. Желая отблагодарить своего помощника, Темучжин предложил ему половину найденных коней. Боорчу категорически отказался. Он не мог взять то, что принадлежит его другу. Когда Темучжин заехал домой к своему спутнику, хозяин был весьма великодушен. Выслушав историю приключения сына и его нового знакомого, он выразил желание, чтобы юноши с этого момента стали друзьями и никогда не покидали друг друга. Умевший ценить преданность и верность в людях, Темучжин серьезно воспринял завет старика — отца Боорчу.

После эпизода с кражей лошадей и их успешным возвращением Темучжин почувствовал себя мужчиной, который способен защищать свое добро от разбойников, а свою семью — от ее обидчиков.

В рассказанных эпизодах о спасении Темучжина и появлении в его жизни Боорчу привлекает внимание четкая разница в поведении старого и молодого поколений. Пожилые — Таргутай-Кирилтух, Сорган-Шира и их сверстники — люди добродушные, отзывчивые и довольно инертные. Им легче не сделать, нежели совершить, а начав дело, они его до конца не доводят: убежал Темучжин неизвестно куда — никто не ищет, некогда. Это типичная психология обывателя: в деревне, в городе, в степи она одна и та же.

Молодежь совсем другая. Она способна действовать решительно, без страха. Не только Темучжин и его братья, но и дети Сорган-Ширы инициативны, верны своим принципам, упорны и идут на смертельный риск. Напрашивается мысль, что личные качества Темучжина, вызвавшие ненависть тайджиутов, были присущи и представителям других родов. Боорчу, примкнувший к будущему Чингисхану, принадлежал к племени арулат, считавшемуся одним из коренных монгольских племен. Арулаты происходили от младшего сына Хайду и, таким образом, были в родстве с тайджиутами и Борджигинами. Боорчу попал под обаяние личности Темучжина и был готов верно служить ему. Оба принадлежали к древнему роду, что, однако, совершенно не означало зажиточности и процветания. Для людей «длинной воли» знатное происхождение скорее могло стать обузой — общность судьбы арулатов и Борджигинов была очевидна. Видимо, именно это толкнуло их потомков друг к другу, тем более что Темучжин уже стал известен в Великой степи.

Уже появились и те, кто признал его авторитет, а это было в какой-то мере даже важнее богатства. Так, Боорчу, ставший

одним из вассалов будущего Чингисхана, не мог не восхищаться твердостью характера и благородством своего хозяина, его немногословностью и умением быть благодарным тем, кто верен и предан ему. Но закон орды позволял соплеменникам выбрать себе другого лидера, если бы Темучжин оказался неспособным вести бесконечные и беспощадные войны за земли. А защищать их было одной из его важнейших задач, правдами и неправдами удерживать в своих руках все самые лучшие пастбища.

Были у него и неизвестные враги — конокрады: большое, организованное племя сомнительной доблести. Что же касается безымянности грабителей, то здесь вина автора «Сокровенного сказания». Умолчание нам кажется не случайным. Скорее всего, это были его родные или очень близкие ему люди. Поэтому он решил предать их имя забвению, дабы обеспечить их потомкам покой, не покрывать их позором. Наверняка это было коренное монгольское племя, потому как иноплеменников автор источника не обеляет и не щадит.

Очевидно, что внутренняя борьба раздирала монгольское общество, причем партии создавались не на основе богатства или знатности, а вследствие выделения «людей длинной воли» — пассионариев. Они оказывались выброшенными из жизни своими более удачливыми собратьями. Это становилось толчком к их активным действиям и бесстрашным поступкам. Но если это так, то именно такое явление следует считать пассионарным толчком. Поставленный в тяжелейшие условия выживания, Темучжин стал одним из таких пассионариев-лидеров, в котором горел неиссякаемый огонь стремления добиться своей цели, добиться любой ценой.

Российский писатель А. А. Бушков совершенно справедливо заметил, что не стоит представлять Азию только как необозримые степи, по которым носятся примитивные кочевники. Это великий континент, на просторах которого существовали могучие империи, в иные времена опережавшие Европу по всем параметрам. Чингисхану все его свершения удались как раз потому, что он был не вождем полудикого племени, а наследником тысячелетних культур, существовавших на великом континенте.

Всегда есть те, кто считает, что все происшедшее было неизбежным либо оно произошло из-за доброй или злой воли тех или иных деятелей. Первый вариант удобен потому, что избавляет человека от необходимости думать и искать причинно-следственные связи, второй — потому, что он дает разгуляться эмоциям и заменить анализ симпатиями или антипатиями. Так, один современный автор назвал свою книгу «Жизнь Темучжина,

думавшего покорить мир». Вот уж кто не мог даже мечтать о престоле, когда он таскал на себе тайджиутскую колодку, когда его молодую жену увезли меркиты, когда его покинули родные дядя и брат, предал спасенный им Ван-хан и когда на него напало огромное войско найманов. В эти годы Темучжин думал, как спасти жизнь своей семьи и свою, а то, что он сможет одержать победы над могучими и безжалостными врагами — это тогда было покрыто туманом неизвестности.

Конечно, все можно свалить на судьбу, которую нынче называют «исторической закономерностью». Ход событий порой можно предугадать, но появление на историческом горизонте сильной личности, способной вести за собой, вносит свои коррективы. Тогда и канва событий перестает быть одноцветной — в ней появляется буйство красок. Такие личности, как Темучжин, вносили в уже существующее, застывшее, статичное общество элемент развития, движения вперед. Это и есть пассионарный толчок. К этому понятию приходится возвращаться снова и снова, разумеется, вспоминая Льва Гумилева. Каждый этнос имеет право на свою культуру, свой строй мыслей и свои идеалы. Это база, на которой основывается воспитание будущих поколений, стиль их жизни. Но место под солнцем все время приходится отвоевывать, доказывая право на существование. И кочевники Великой степи не исключение.

С другой точки зрения, понять истинную суть явления непросто. Все, что лежит на поверхности, может сбить с толку и заставить поверить в то, чего не было в реальности. Внешность явлений обманчива. Речь о том, правда ли, что поступки, совершаемые отдельными людьми, лежат в основе исторических событий. На наш взгляд, было бы неверно приписывать этим персонам решающее значение в крупных исторических изменениях. Поступки персон значимы лишь постольку, поскольку их поддерживает и ценит окружение. Такая личность, как Чингисхан, с его энергетикой, страстностью, убежденностью и твердостью духа не могла не собрать вокруг себя единомышленников. Этот незаурядный монгол постепенно стал воплощением назревших перемен.

Все, за что бы ни брался избранник Неба, было обречено на успех. Так, армия, созданная Чингисханом, — пример сплоченности и верности своему полководцу, преданности общему делу. Темп ее роста впечатляет. Монголы воспроизводили потомство в 16–18 лет, после чего быстро уступали место молодежи. Конечно, тридцатилетних воинов не списывали в запас по старости, но, видимо, редкие мужи доживали до этого возраста (они гибли в постоянных войнах). Хорошо, если успевали зачать

сыновей, тоже обреченных на раннюю гибель. Какой же силой духа, способностью выживать и развиваться при столь неблагоприятных условиях обладал монгольский этнос! Он не только не исчез, не стал подневольным племенем у сильных соседей, а разросся и создал могучую империю.

Как создавалась эта империя? Для кочевых народов расширение деятельности вовне — закономерный процесс. Путь от кочевого государства к полноценной империи лежит именно через этап экспансий, то есть военного развития. Другой важной причиной, толкавшей к внешней экспансии, была сама природа жизни кочевников: она возможна лишь при расширении пастбищ. Когда все племена степи оказались вассалами Чингисхана, отбирать пастбища стало не у кого — большая семья нуждалась в новых горизонтах. Ближайшие оседлые соседи и становились объектом нападения, тем более что традиция набегов имеет давнюю историю. Государственный аппарат, созданный Чингисханом, опирающийся на великую военную силу — самое мощное орудие для реализации любых планов и воплощения самых разных стремлений.

Монголы шли от победы к победе, подпитываемые той самой пассионарностью, о которой мы так много рассказывали. Это означает, что монголы имели силы и способности к сверхнапряжению, благодаря чему они успешно проводили кампанию за кампанией. Именно эти качества, как утверждал Лев Гумилев, — следствие возникшей пассионарности на начальном периоде зарождающегося этноса. Толчок на начальном этапе имеет колоссальное значение — от него зависит глубинность перемен, их направленность. Потому в начале XII века монгольский этнос стал фактом всемирной истории, так что жертвенность юных предков, имена которых не сохранились, оказались не напрасными.

Китайские хроники, мусульманские, армянские, грузинские и русские летописи приводят сведения часто неточные, подлежащие проверке, иногда даже ложные, когда пишут об этом человеке — Чингисхане, который вызвал эту монгольскую лавину. Некоторые из хронистов выполняли задание по прославлению героя, преувеличивали его подвиги. Они должны были побуждать читателя оценить героя — этакого гордого аристократа степей. Оценить то, как он с равным успехом мужественно побеждает противника на поле боя и вынашивает в тени своего шатра планы, как обмануть врага и упрочить свою власть. В противоположность им летописцы, которые были бессильными свидетелями захвата их родины ордами кочевников, пишут о терроре, воцарившемся волею Чингисхана на завоеванных территориях.

Какая яркая палитра восприятия героя: от примитивного государя, варвара и грабителя, восточного деспота, снедаемого безмерным честолюбием и вынашивающего планы разрушения и опустошения всего и вся — до великого государственного деятеля, мудрого завоевателя, который даровал монголам достойное место под солнцем. В последнем случае его изображают как личность с обостренным чувством справедливости, верную данному слову, которой присуща подлинная широта ума, благодаря чему этот человек способен превратить варварство в цивилизацию. Так портрет создателя Монгольской империи приобретает все новые оттенки, образ множится до бесконечности, но так и остается неразгаданным.

И стоит отметить, что один из биографов Чингисхана писал о нем как о человеке страстном, целиком отдающимся своему делу, который любил жизнь ради нее самой и не мучил себя поисками ее смысла. Он наслаждался ею со спокойной веселостью, без необузданных страстей, ревниво оберегал свое достояние и свои права, но был щедрым и даже расточительным. Он высоко ценил свое величие и славу, но при этом не был высокомерным и тщеславным.

Чингисхан интересовался верованиями побежденных народов, не отдавая предпочтения тем или другим, считая, что все правила морали хороши, нет такого, которое следовало бы предпочесть другим. Возможно, в этом были корни его успеха и величия; никогда ни один человек не достигал такой степени могущества и не испытывал от этого меньше гордости. Со времени своего восшествия на престол Чингисхан окружил себя советниками и слугами: вместе с его боевыми соратниками и фаворитками они составляли настоящий кочующий двор. Писцы-уйгуры, многочисленные восточные купцы, паломники, китайские артиллеристы, артисты или простые путешественники не упускали возможности нанести ему визит. Озабоченный открытием караванных путей, Чингисхан охотно принимал иностранцев, любил беседовать с ними, расспрашивать об их обычаях, религии, странах, которые они повидали. Много велось разговоров о веротерпимости хана и его преемников. Но, может быть, эта терпимость была всего лишь результатом безразличия? Нет, это было не похоже на Чингисхана. Он не мог проявлять безразличие к территориям, которые собирался захватить. Даже побежденные народы испытывали к нему уважение — в этом был неожиданный отклик на неординарность его личности. Наверняка немалую роль в этом играет его способность достойно принимать удары судьбы.

В наше время все большее число монголов буквально

поклоняется ему, потому что Чингисхан стал для них почти божеством, главной фигурой древнего культа, который удивительным образом перерастает в новую религию. Чингисхан, духовно возрожденный верой своих приверженцев, теперь олицетворяет не столько воплощение веры в прошлое, сколько духовную надежду на будущее.

Осталось ответить на вопрос: хотите ли вы узнать, что в вас, ваших детях течет кровь потомков Чингисхана, если существует высокая вероятность такого положения вещей? Великий завоеватель, жестокий и мудрый правитель, любящий и безжалостный отец и муж — его ген может оказаться в вашей цепочке ДНК. Гены определяют многие наши черты характера и склонности. Они определяют, в какое время откроется какой-то наш талант или склонность. Одним словом, гены — носители наших возможностей и их ограничители. Насколько вы готовы к тому, что вашим предком может оказаться тот, с кого начинается история монгольского народа? Ведь его способности порой казались запредельными. Быть может, стоит присмотреться к себе повнимательнее: многие черты характера Чингисхана очень актуальны в современном мире. Что, если именно этот ген, пришедший из далекого прошлого, заставляет вас упорно идти к намеченной цели, ставить планку все выше и не бояться трудностей. Вам доставляет удовольствие такая связь веков? Выбор за вами.

История Борте: первенец Чингисхана

Институт семьи сейчас претерпевает колоссальные изменения. Наряду с теми, кто придерживается классических взглядов на брак, все больше мужчин и женщин ратуют за так называемый гражданский. Что может означать штамп в паспорте для настоящей любви, искренних чувств? Разве штамп — гарантия верности, преданности, заботы и ответственности в отношениях? В то же время не его ли отсутствие является подтверждением того, что пара не готова к серьезным, долгосрочным отношениям? Молодежь настороженно относится к каким-либо обязательствам, зачастую таким образом пытаясь разобраться в своем отношении к партнеру.

Без регистрации брака невозможно венчание. Церковь объявит вас мужем и женой перед Богом и людьми лишь после официальной церемонии в ЗАГСе. А сейчас многие хотят пройти через обряд венчания. Для одних это — дань моде, а для других — веление сердца, духовная потребность. Кроме того, будущие родители, неформально заботящиеся о здоровье и судьбе своих детей, знают, что после этого ангел-хранитель убережет их от невзгод и бед. Разве только ради этого не стоит пережить эти трогательные минуты в пахнущей ладаном, пропитанной атмосферой любви и христианских добродетелей обители Христа?

Но оставим нашим современникам решать, какие правила, основы, традиции будут заложены в фундамент их семейного союза. Это тема отдельного разговора, а в этой главе мы вернемся на несколько столетий назад. Снова обратимся к бескрайним монгольским степям, где мужчины и женщины, создавая семейные союзы, опирались на совершенно иную систему ценностей. Монгольский род (обог) состоял из родственников по отцу и был экзогамным: брак между его членами был запрещен. Невест сватали или покупали у иных родов. Монгол мог иметь несколько жен. Полигамия была здесь традиционной, так что каждый из мужчин нуждался во многих женах, а это осложняло проблему. Зачастую новая жена появлялась путем умыкания — попросту кражи, и, следовательно, это вело к многочисленным столкновениям между родами. Чтобы не враждовать и сохранять мир, некоторые роды заключали взаимные соглашения: в них регулировался обмен женщинами.

Род разрастался и становился большим, что приводило к ответвлению от него его представителей. Этот процесс естественного роста семей служил основой для формирования

новых родов. Образованные таким образом, они признавали свое происхождение от общего отца: о них говорили как о принадлежавших одной и той же «кости» (ясун). Но браки между потомками всех этих родов были запрещены. Это что-то вроде того, как у нас противились союзу между двоюродными братьями и сестрами. Каждый монгол с раннего детства изучал свою генеалогию и родовые отношения. Эти знания преподавались ему и были для него священными, имея колоссальное значение для будущего. Идти против даже не приходило в голову.

История женитьбы Темучжина на Борте представляет интерес с точки зрения полного соответствия традициям того времени. Свою жену его отец, Есугей, попросту умыкнул, пораженный невероятной красотой девушки по имени Оэлун. Есугей охотился с соколом на Ононе, когда увидел проезжавшего стороной благородного монгола-меркита Эке-Чиледу. Вместе с ним ехала красавица, его молодая жена. Не посмев напасть в одиночку, заручившись поддержкой своих братьев, Есугей отбил у меркита его женщину.

Этот знаменитый эпизод весьма поучителен. Он показывает, что подобные случаи, происходившие постоянно, обрекали племена на вечную вражду. Меркиты и верхнеононские монголы крали друг у друга женщин, и это привело к неистребимой взаимной ненависти, передававшейся из поколения в поколение и — в перспективе — к истреблению одного из двух этих племенных союзов. Кроме того, это является еще одной иллюстрацией безвластия, вызванного падением первого монгольского царства; безвластия, вышедшего за пределы политики и серьезно нарушившего все общественные отношения в стране.

Оэлун выходила замуж по любви, но перед лицом неминуемого проявила всю свою мудрость, смирилась с неизбежным. Она спасла жизнь Эке-Чиледу, уговорив его бежать, оставив ее похитителям, и стала верной женой Есугею. Молодая женщина кроме природной красоты обладала практическим умом и смекалкой. Позднее это спасло от верной гибели и ее, и ее детей. Первенцем в этом союзе стал будущий Чингисхан. После него у Оэлун и Есугея родились еще три сына: Джочи-Хасар, Хачиун и Тэмуге. Последний, поскольку был самым младшим мальчиком в семье, часто упоминается как Тэмуге-Отчигин или просто Отчигин (уменьшительно-ласкательное от «отгон» — «младший», который в семье всегда был «хранителем семьи и очага»). Была еще и дочь по имени Темулун. От другой жены, которую звали Сочихэл, у Есугея было два сына: Бектер и Бельгутей.

Как покажет жизнь, в смысле преданности жена Чингисхана Борте не уступала Оэлун. Юная унгиратка впервые увидела Темучжина, когда ей исполнилось десять лет. Тогда же с согласия отцов, как уже было сказано, и была совершена помолвка. Жениху еще не исполнилось девяти лет, когда отец взял его с собой на поиски невесты, а Борте, соответственно — на год больше. Есугей намеревался начать «турне» с родственников Оэлун, то есть с родни из олхонутского рода, который в ту пору кочевал по Восточной Монголии, в окрестностях озера Буир. По дороге отец и сын сделали остановку у другого унгиратского вождя, по имени Дэй-Сечен (Мудрый). Отвечая на вопрос Дэй-Сечена о цели поездки, Есугей сказал, что он едет в страну унгиратов за невестой для сына. Это заявление собеседника заинтересовало. Он повнимательнее присмотрелся к мальчику.

В книге Рене Груссе «Чингисхан: Покоритель Вселенной» эта встреча описана весьма художественно: «У твоего сына, — заявил Дэй, — взгляд что огонь, а лицо что заря. Снился мне, Есугей, этой ночью странный сон. Привиделось мне, будто слетел ко мне на руку белый сокол, державший в когтях солнце и луну. Это хороший знак. И теперь я вижу, едешь ты со своим сыном. Мой сон подсказал, что едете вы, кияты[5], как вестники счастья…»

Все было сказано предельно ясно. Воистину не напрасно было дано Дэй-Сечену прозвище Мудрый. В те времена было известно, что племя унгиратов заслуженно славится красавицами. Однако то, что ценится не меньше — место на политической арене, — у этого племени было далеко не блестящим. Что не шло ни в какое сравнение с родом киятов, считавшимся «царским». Вот почему унгиратам льстило, когда мужчины-кияты брали их девушек в жены. По меньшей мере, именно это имел в виду Дэй-Сечен, говоря Есугею: «Красоту наших дочерей и племянниц отмечают все, но мы никогда не пытались извлечь из этого выгоду. Когда от вас приезжал очередной хан, мы тут же сажали какую-либо прекрасноликую девушку в одну из наших больших кибиток, запрягали в быстроногого темно-серого верблюда, и она уезжала, чтобы занять свое место на престоле рядом с вашим ханом».

Этими словами Дэй-Сечен недвусмысленно указывал на то, что между родом Борджигинов и племенем унгиратов фактически был заключен «договор о замужестве». Далее Дэй-Сечен пригласил Есугея в юрту посмотреть на дочь-невесту. Юная Борте действительно была хороша. Говоря о ней, монгольский бард повторяет слова, сказанные о юном Темучжине: у нее тоже был пламенный взор и лицо, излучавшее чудный свет.

На следующий день Есугей официально попросил руки Борте для Темучжина. Хозяин дома, как человек умный, знал, что не

следовало ни заставлять себя чрезмерно долго упрашивать, ни слишком быстро соглашаться. Нужно было соблюсти «золотую середину». В конце концов, хотя монголки и выходили замуж рано, Борте была всего лишь девочкой. Произнеся несколько общих фраз («То не женская доля — стариться у родительского порога»), Дэй-Сечен предложил подождать. Он сказал, что согласен отдать дочь, но попросил оставить Темучжина в зятьях-женихах, чтобы присмотреться к нему, узнать поближе. Есугей и Мудрый Дэй — договорились, произнеся положенную в таких случаях фразу, что у их детей «горят глаза и светятся лица». Это означало, что у них прекрасное будущее. Есугей согласился выполнить просьбу и для закрепления договора оставил сына у будущих тестя и тещи. Он был уверен, что мальчик им понравится, пусть узнают его получше. А может быть, Есугей не возражал, чтобы Темучжин отрабатывал будущее щедрое приданое Борте. Это уже не столь важно. Главное — дело было сделано, все шло по плану.

Но хорошим и легким было лишь начало этой истории сватовства. Дальше события развивались по незапланированному сценарию. По дороге домой Есугей, как уже упоминалось, встретил группу пировавших татар; в соответствии со степными законами гостеприимства ему предложили поесть и выпить. К тому времени, когда он через три дня дотащился до своего стойбища, то был совершенно болен и находился буквально на краю могилы. Перед самой смертью он послал в стойбище Дэя человека за Темучжином. Дэй с легким сердцем отпустил будущего зятя, заметив, чтобы тот поскорее возвращался обратно.

Прощание с Борте было недолгим, но трогательным. По сути, еще дети, они не скрывали взаимной симпатии, и оба были огорчены предстоящей разлукой. Им оставалось только ждать того дня, когда состоится свадьба. Темучжин не давал обещаний, не называл сроков. Он знал цену слова мужчины, а потому не разбрасывался ими. Он просто знал, а Борте надеялась, что Темучжин вернется. Расставшись с невестой, он поспешил вернуться к матери.

Но Темучжин уже не застал отца живым. Это была неожиданная серьезная потеря, испытание, которое станет первым в долгой череде проверок судьбы. Неожиданно рухнуло все — их мир, надежды на военные успехи, гарантии от невзгод. Началась борьба за выживание. Будущий Покоритель Вселенной дал понять, что будет помогать семье как это только возможно. Оэлун была благодарна сыну за поддержку и сказала, что не собирается покоряться ударам судьбы. Ее настроение передалось детям. Эта удивительная сильная женщина смогла воспитать их

так, чтобы трудности закаляли их характер, но самым стойким, самым сильным, авторитетным стал все-таки Темучжин.

До того как Темучжин смог вернуться к Борте, прошло несколько лет. Мальчик быстро мужал. В его жизни произошло много судьбоносных событий, много невзгод: жизнь впроголодь, плен, побег. Но он умел привлекать к себе людей. Ему помогли бежать из плена, помогли потом отбить угнанный табун — он вернулся домой живой и невредимый. Радость и покой вновь поселились в его маленькой орде.

На самом деле поступок Темучжина — то, что он с другом отбил табун — в то время вряд ли бы назвали героическим. Это было одно из свершений, которые степные юноши считали обычным проявлением силы. Но именно с эпизода с Бооручу начинается череда подвигов того, кого однажды назовут Покорителем Вселенной. Так или иначе, эта небольшая победа воодушевила Темучжина. Он почувствовал собственную силу и решил, что теперь пришло время жениться на своей невесте. Они не виделись семь лет. Несмотря на это, Темучжин чувствовал себя достаточно уверенным, чтобы попытаться найти ее вновь, что он и не замедлил сделать. Теперь она, должно быть, совсем вошла в возраст, и время свадьбы приспело. Темучжин не забыл Борте. Осталось узнать, не изменились ли намерения Дэй-Сечена.

В один прекрасный день он отправился навстречу унгиратам в сопровождении своего сводного брата Бельгутея за своей суженой, юной Борте, которой к тому времени исполнилось шестнадцать лет. По монгольским меркам, она уже вышла из брачного возраста. Увидев Темучжина, девушка, конечно, обрадовалась. В глубине души, несмотря на такой длинный промежуток времени, она ждала своего Темучжина, верила, что он вернется за ней. Волнение от встречи было взаимным. Борте стала еще красивее. За эти годы из шустрой, симпатичной девочки она превратилась в привлекательную девушку. Любуясь ее прелестями, Темучжин надеялся, что ее отец не откажется выполнить условия договоренности, заключенные с Есугеем.

Не только Борте, но и Дэй был рад появлению того, кому он был готов много лет назад отдать дочь в жены. Несмотря на годы бедствий, несмотря на трагическую гибель Есугея, Дэй Мудрый встретил молодого вождя радушно, подтвердил свой прошлый уговор с ним и, верный своему слову, согласился отдать свою дочь Темучжину. Дэй признался, что в курсе происшедших событий, знает о нелюбви тайджиутов к Темучжину, и очень беспокоился о нем. Дэй не скрывал, что рад возвращению того, кого все эти годы видел своим зятем.

Наверное, мудрый Дэй промолчал о том, что за прошедшее

время не раз пожалел, что отпустил Темучжина. Сколько раз он с негодованием думал о том, что Мунлик так легко обманул его или, скорее, усыпил бдительность, назвав такую естественную причину необходимости вернуться сыну к истосковавшемуся отцу. Дэй ругал себя, что отпустил тогда его, еще такого молодого, со всех сторон окруженного опасностями. Наверняка он не однажды был на волосок от гибели. Кто знает, возможно, Дэй не раз укорял себя за то, что почти ничем не помог будущему зятю в годы бедствий. Он знал, что происходило, но не посчитал необходимым предложить свои услуги, поддержать. Дэй чувствовал себя виноватым…

Но возмужавший, сильный, уверенный в себе, такой изменившийся, внушающий доверие Темучжин стоял сейчас перед ним. И желание взять в жены Борте, кажется, у него не уменьшилось. Эти дети, много лет назад проникшиеся симпатией друг к другу с первого взгляда, были готовы к серьезным отношениям. Зардевшиеся щеки Борте подтверждали, с каким волнением она ждет, чем закончится эта долгожданная встреча. Что бы там ни было, Дэй-Сечен, не колеблясь, отдал Темучжину красавицу-дочь в жены.

Вскоре состоялась свадьба. Дело сладилось, молодые поженились, родственники обменялись подарками — в общем, в монгольской степи появилась новая семья. Истинные детали свадебного ритуала нам не узнать — даже в «Сокровенном сказании» о них не сказано ни слова. Приходится лишь догадываться о том, каким он был. К примеру, итальянский путешественник монах Плано Карпини, как и фламандский монах-францисканец Виллем Рубрук, сообщает, что монголы покупают своих жен и что новобрачный похищает свою невесту, спрятанную семьей, «уносит ее силой и вводит, как будто бы насильно, в свой дом». Возможно, так все и было у Темучжина и Борте.

Однако свадебные церемонии в Монголии изменились после того, как в XVI веке буддизм стал господствующей религией в стране. Но многие древние ритуалы сохранились до самого недавнего прошлого, и поэтому нетрудно представить себе эту сцену. Сначала появлялся жених в сопровождении преданных друзей. Одет он был весьма ярко — в так называемый дээлес, а в руках держал лук и стрелы. Выглядел он весьма воинственно и романтично. Происходила официальная встреча семей. В этот момент подтверждался статус молодых (что жених и невеста принадлежат к разным кланам) и возможность создания семьи.

Далее — торжественный вход в юрту отца невесты, поднесение жениху новой одежды и нового лука со стрелами,

обмен добрыми пожеланиями. Следующий этап — пиршество с поеданием куска особо твердой баранины, символизирующего прочность брачных уз. Все веселятся, снуют слуги, озабоченные забоем баранов и откормленных коней и разделкой их туш для котла. Монгольские воины, оставив свое оружие у входа в юрту, усаживаются по правую руку от ее хозяев, пьют и хлопают в ладоши. Перед каждой чашей слуга спешит окропить напитком четыре стороны света, звучит комуз[6].

Сохранились описания того, как выглядела Борте в этот торжественный момент. Наряженная в длинное платье из белого фетра, с косами, отягощенными серебряными монетами и крошечными фигурками, она сидела по левую руку от Темучжина. На голове невесты — конусообразный головной убор из березовой коры, покрытый дорогим шелком, поддерживаемый косичкой над каждым ухом.

И вот невеста — верхом на одной из низкорослых лошадей Темучжина. Согласно монгольским законам, жена, естественно, должна была жить в нутуге[7] мужа, и потому сразу после богатого свадебного пира молодые отправились в стойбище Темучжина. Дэй-Сечен проводил молодоженов до реки Керулен и вернулся в свое кочевье. И вот Борте скачет, перехваченная вокруг талии и груди голубыми лентами, а ее слуги везут соболью шубу в подарок матери Темучжина. Теперь Борте — жена хана и должна заботиться о его юрте. Ее ожидает много забот и обязанностей: доить скот, следить за стадом, когда мужчины на войне, сбивать войлок для шатров, шить одежду нитками из расщепленных сухожилий, шить сандалии и носки для мужчин. Но, в отличие от других женщин, судьба избрала ее для большего. В истории она известна как Борте Фуджин, императрица, мать троих сыновей, которая впоследствии управляла владениями более обширными, чем Римская империя.

Мать Борте, Цотан, сопровождала дочь до самого урочища Гурелгу, где в тот момент обретались Борджигины. Видимо, новоиспеченная теща хотела познакомиться со свекровью своей дочери, хотела увидеть, какое впечатление на нее и родню Темучжина произведет царский подарок, который она дала Борте в приданое. Борте получила от матери в приданое шубу из черного соболя. Это самый дорогой мех для жителей степи. Вероятно, это была необыкновенно красивая шуба: иссиня-черная, лоснящаяся, как масло, с рукавами, в которых можно было прятать замерзшие пальцы, и с подолом, достающим до середины икр, — неслыханная роскошь в бедном доме Темучжина.

Парадокс: вся история Монголии, да и вообще мировая, могли развиваться по иному пути, если бы не был сделан этот

подарок. Этой дохе из черных соболей посвящены сотни, если не тысячи страниц в трудах монголоведов. Не будет преувеличением заметить, что роскошная, но, в общем, ничем особо не примечательная меховая шуба стала, наверное, самой знаменитой шубой в мировой истории. Она, в известной мере, символ возвышения Темучжина. С нее начинается некий новый отсчет времени для рода Борджигин — начало восхождения из той нищеты, в которую они впали после безвременной смерти Есугей-багатура. Эта богатая одежда стала основанием политической карьеры Темучжина. И дело не в том, что одна эта соболья доха стоила больше, чем все остальное имущество Борджигинов, вместе взятое, а в том, как распорядился этим неожиданно свалившимся в руки богатством новый вождь Темучжин.

Неразлучный друг Боорчу умно заметил, что такой подарок нельзя использовать по прямому назначению. Собственно, основных вариантов, как поступить с дохой, было всего два. Первый: выгодно обменять ее на скот. А скот для любого монгола — реальное богатство. За такую шубу можно было получить хорошую отару овец, и, прими Борджигины такое решение, они были бы надолго, если не навсегда, избавлены от вечно нависающего над ними призрака голодной смерти. Второй вариант: использовать ее как своеобразную инвестицию — с тем, чтобы в будущем это вложение принесло семье некие дивиденды. Такой способ был, конечно, очень ненадежным и по тем временам рискованным.

Кто знает, сколько шли споры об участи собольей дохи. Может быть, изголодавшиеся Борджигины и склонялись к первому варианту, но юный Темучжин сказал, что шубу надо отвезти в подарок кераитскому хану Тогрулу. Соболья доха — это удачный повод напомнить ему о былой дружбе с Борджигинами и предстать перед ним достойным наследником славы Есугея, взрослым женатым мужчиной. Инициативу сына поддержала Оэлун, ведь на самом деле доха принадлежала ей. Она могла выбрать сытую жизнь взамен призрачных надежд, но без сожаления пожертвовала дорогим подарком и приняла идею Темучжина.

События происходили около 1185 года. Не теряя времени даром, взяв меха с собой, он появился при дворе Тогрул-хана, властителя могущественного племени кераитов. В лучшие дни Есугей и Тогрул стали названными братьями (анда). Теперь Темучжин пришел с подарком — меховым одеянием — к своему названому дяде, к которому обратился как к «отцу». То, как Темучжин преподнес свой подарок, растрогало сентиментального хана, да и сам подарок очень понравился — он был поистине

роскошным. Тогрул благородно пообещал юноше свое покровительство и помощь в восстановлении рассеянного улуса, гневно высказался в адрес тайджиутов. Темучжин получил даже больше, чем предполагал.

Вовремя поднесенная соболья доха дала начало целой лавине событий. Юный монгольский вождь, наследник прославленного героя и названый сын владыки кераитов, стал постепенно превращаться в символический центр притяжения всех, кто был недоволен существующими порядками. Речь шла о переменах, идущих вразрез с давними традициями: засильем косных родовых вождей, приниженным положением потомков Хабул-хана после смерти Есугей-багатура. В общественном мнении части монголов, особенно среди молодежи, Темучжин был той фигурой, вокруг которой начали объединяться ради возрождения былой монгольской славы.

Наверняка Борте гордилась своим мужем, не по годам зрелым, хотя и юным. Его возраст не стал препятствием для широты взглядов, смелых решений и далекоидущих планов на будущее. За два года (1179–1180) сторонниками Темучжина стало около десяти тысяч воинов. Они не группировались вокруг его ставки, а жили в верховьях Онона, по-видимому, рассеянно, как подобало «людям длинной воли». Как только весть о милости кераитского хана к Темучжину распространилась по Великой степи, эти люди объявили себя сторонниками нищего царевича. Соболья доха окупилась с лихвой. По сути дела, Темучжин не стал ни ханом, как Тогрул, ни вождем племени, каким был его отец, ни даже богатым человеком, потому что никто из новоявленных сторонников не был его данником или слугой. Темучжин стал знаменем создававшейся, но еще не оформившейся партии, человеком, от которого ждали многого, но не давали ему ничего.

Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что теперь амбиции Темучжина были под стать его аристократическим предкам. Не теряя времени, он принялся использовать свой новый статус женатого человека и главы семьи. Теперь Темучжин стал подумывать об усилении военной мощи рода. Для начала он послал Бельгутея за своим «другом» Боорчу, который и на этот раз ничего не сказал отцу, а, взнуздав коня, помчался к юному вождю. Придет день, и он станет первым «маршалом» великой армии, которая будет сформирована на границе тайги со степью. Рядом с Темучжином оказываются те, кто будет идти с ним по жизни и играть важную роль на каждом этапе его восхождения.

В истории нашего героя и Борте была суждена особая роль. Она стала для него тем, чем Земля была для Антея. Не раз

интуиция Борте помогала узнавать о заговорах с целью покушения на жизнь Чингисхана. Прежде всего — это для средневекового монгола имело огромное значение — она родила ему четырех сыновей: Джучи, Чагатая, Угедэя и Толуя. Кроме того, жена была для Чингисхана советчицей, к словам которой он всегда прислушивался в первую очередь. В критические моменты именно советы Борте подсказывали будущему императору единственно правильное решение. И вообще, жена пользовалась у него непререкаемым авторитетом. Это не означает, что он отказался впустить в свою жизнь других женщин. Разумеется, подобно любому монгольскому вождю, Темучжин, не колеблясь, заводил себе новых жен, которые при необходимости сопровождали его в походах, тогда как Борте оставалась в Монголии, но только ее дети имели право на отцовское наследство. Никто из женщин и мужчин, окружавших Темучжина, не был прославлен больше, чем Борте. Она всегда оставалась высокочтимой «хатун», госпожой, сотворцом потрясающего триумфа завоевателя Вселенной.

Итак, Темучжин, избежав тайджиутских засад, возмужав и окрепнув, став молодым вождем, опасным для одних и необходимым для других, получил возможность приступить к восстановлению прежних союзов. Под покровительством одного из могущественнейших монгольских правителей, став, таким образом, его вассалом, Темучжин обрел определенный статус в феодальном обществе. Постепенно он восстановил свой клан. После долгих лет страданий счастье, казалось, улыбнулось сыну Есугея-багатура. Увы, положение его степных владений было крайне зыбким. В тот самый момент, когда юный вождь решил, что все беды миновали, жизнь подвергла его новому испытанию. Положение его стало еще более острым. И неприятности не замедлили последовать.

Резко возросшая известность Темучжина в степи имела не только положительные последствия. «Длинное ухо» донесло весть о том, что у Есугея-багатура появился достойный наследник, и до воинственных северян — непримиримых врагов Есугея, меркитов. Они посчитали это время самым подходящим для того, чтобы отомстить Борджигинам за старинную (прошло уже двадцать лет) обиду, нанесенную Есугеем. Речь шла о похищении Оэлун — невесты меркитского богатыря Чиледу. Столько лет прошло, неужели старая обида все еще нуждалась в отмщении? Да. Такие были нравы. Среди степных кочевников подобные оскорбления не имеют срока давности. Расплата могла коснуться не только самого обидчика, но и его детей и даже внуков.

Вот в этот момент и начинается один из самых трудных

этапов в жизни героя. Удивительным образом переплелись счастье и радость, боль и потери. Так обычно и бывает: в момент наивысшей радости человек становится особенно уязвимым, беззащитным. И все только потому, что он счастлив, а значит, смотрит на мир другими глазами, не видит очевидного, не готов к испытаниям. Темучжин наслаждался новой для себя ролью мужа, а Борте — жены. Этот союз действительно приносил обоюдную радость и счастье. Соединенные волей судьбы, они полюбили друг друга, и это чувство было проверено временем. Теперь молодые мечтали о первенце, конечно, это должен был быть мальчик, но призраки прошлого не заставили себя ждать.

Когда Есугей умер, кому могли мстить меркиты? Его жене и нищим ребятишкам, чуть ли не умирающим от голода, борющимся за существование в изоляции? А теперь ситуация в корне изменилась. Время пришло. Имя наследника Есугея громко прозвучало в степи, но сам он еще не имел достаточно сил, чтобы противостоять мщению. Он был уязвим. К тому же нападение планировали сделать внезапным, мощным. Меркиты выбрали время обдуманно. Кстати, нельзя отрицать, что они вообще могли до этого считать семью Есугея погибшей. Ведь лет десять о Борджигинах не было ни слуху ни духу. Встреча Темучжина с Тогрулом и молва о ней, пролетевшая по всем степным кочевьям, напомнили меркитам, что у их родового врага вырос сын-багатур. И значит, настало время для мести.

Стан Темучжина по-прежнему находился в Бурги-ерги. При нем была его молодая жена, красавица Борте. Однажды ранним утром, приложив ухо к земле, старая Хоахчин, служанка матери Темучжина, услышала грохот копыт приближавшейся конницы. Мгновение спустя все были на ногах. Эта поспешность лишней не была: вражеское войско летело быстрее смерча. Три сотни вооруженных до зубов воинов, ведомых вождями трех меркитских родов — Тохтоа-беки, Дайрусуном и Хаатай-дармалой, — нагрянули на становище Борджигинов совершенно неожиданно.

Если бы не чуткий сон и хороший слух служанки, расслышавшей далекий топот сотен коней, быть бы мужчинам рода Борджигинов убитыми, а женщинам — уведенными в плен. Но проснувшаяся Хоахчин разбудила Оэлун и тем спасла семью и будущего великого хана монголов. Оэлун, не терявшаяся и в самых экстремальных обстоятельствах, быстро подняла всех домашних, и Борджигины бросились бежать. Семья и нукеры Темучжина, Джелмэ и Боорчу, сразу вскочили на лошадей и помчались в таежные дебри на гору Бурхан-Халдун. Одного коня оставили в качестве запасного, а для Борте и второй жены отца лошадей не хватило. Борджигины были уверены в том, что на них

нападают тайджиуты. Это означало, что женщинам ничего особенно не грозит (кроме, может быть, Оэлун — старой противницы тайджиутских вождей). Но это оказались меркиты — беспощадные враги рода, жаждущие мести. Они решили отплатить вражескому роду его же монетой — похищением юной супруги Темучжина.

Когда меркиты ворвались в лагерь Борджигинов, то никого там уже не нашли. Хоахчин не растерялась, в суматохе усадила Борте в крытый возок и, погоняя запряженную в него корову, умчалась в степь. Но спрятаться на открытой местности от сотен вооруженных всадников было негде. Вскоре разъезды меркитов обнаружили их. Сначала Хоахчин удалось обмануть меркитских воинов, усыпить их бдительность: служанка объяснила, что она ездит по богатым юртам стричь овец. Меркиты поверили и ускакали, а Хоахчин принялась вновь нахлестывать корову в надежде убежать подальше. Но спешка и подвела — сломалась ось, и возок встал. Скоро снова появились меркитские конники, да уже не одни, а с захваченной ими Сочихэл — младшей женой Есугей-багатура. Во второй раз обман не удался, Борте обнаружили и пленили.

Однако меркиты не чувствовали себя отмщенными полностью, потому что в первую очередь им был нужен Темучжин. Долго и тщетно искали его разъяренные воины племени. Они не хотели признать, что упустили врага. Даже то, что его жена оказалась в их руках, не означало, что месть свершилась. Но поиски Темучжина слишком затянулись, и меркиты решили, что пока на этом можно поставить точку. Оказавшись у подножия горы, преследователи трижды объехали ее кругом, пытаясь найти тропу, по которой скрылся Темучжин. Их задачу осложнило то, что подступы к горе преграждали болота и густые заросли. Все попытки меркитов пробраться сквозь них оказались напрасными. И они удовлетворились тем, что отдали Борте Чильгир-Боко (Чильгиру-силачу) — младшему брату Чиледу, у которого Есугей когда-то отобрал Оэлун. Это был хорошо продуманный ход, суровая месть — только так можно было досадить неуловимому Темучжину. Меркиты ушли из лагеря.

Через какое-то время, убедившись, что враги не готовят ему ловушку, Темучжин вернулся и увидел сожженные юрты. Картина разорения была впечатляющей. Но, как ни странно, монгольский эпос говорит, что хозяин улуса смирился со своим несчастьем легко. Из «Сказания» нам известно, что, хотя ресурсы Темучжина увеличились, у него по-прежнему имелось только восемь лошадей — по одной на каждого члена семьи: для матери, для братьев

Хасара, Хачиуна, Тэмуге и Бельгутея, еще два коня — для преданных ему Боорчу и Джелмэ и одна запасная лошадь. Во время нападения меркитов Оэлун посадила к себе малолетнюю сестру Темучжина, а для красавицы Борте, как мы помним, лошади не осталось.

Трудно представить, что настоящий мужчина мог бы поступить подобным образом: оставить любимую женщину на потеху врагу, спасая свою шкуру. Но самое удивительное, что никто из монголов XII–XIII вв. не расценил поведение Темучжина как трусость или слабодушие. Наоборот, его бегство в горы рассматривалось как подвиг, а плен покинутой жены — как большая неприятность, но не больше.

А ведь именно после женитьбы жизнь Темучжина изменилась к лучшему: его статус, материальное положение улучшились, планы на будущее стали более амбициозными. Борте, имевшая, по всей видимости, твердый характер, недюжинную смекалку и изворотливый ум, влияла на становление личности будущего Властелина Вселенной. Достижения мужчины в значительной степени зависят от спутницы, от той, которая рядом, ради которой хочется совершать подвиги и открытия, завоевывать мир. Темучжину в этом плане невероятно повезло. Борте стала для него такой опорой, но, тем не менее, в непростой ситуации он бросил ее на произвол судьбы. В момент, когда он спасал собственную жизнь, он меньше всего думал о том, что предает их только зародившиеся отношения.

После разорения своего лагеря он спокойно дождался, пока враги направились домой. Воздавая дань высшим силам, Темучжин поблагодарил гору Бурхан за спасение своей жизни. Для этого он, сняв пояс и шапку в знак повиновения Небу, после молитвы и девятикратного коленопреклонения совершил возлияние кумысом. Но прошло совсем немного времени, и в сердце потерявшего супругу мужчины поселилась тоска и боль. Ему не хватало Борте. Может быть, в этот момент Темучжин почувствовал угрызения совести. Его мучила отчаянная тоска по супруге, единственному существу в его короткой и суровой жизни, которое принесло ему счастье. Несмотря на принятую среди монгольских мужчин сдержанность, которая полагала непозволительным проявлять сильные чувства, особенно в присутствии других мужчин, Темучжин открыто выражал свою любовь и тоску по Борте. Так хочется думать, чтобы добавить образу смелого и беспощадного воина немного романтичности.

Следующий шаг — поездка к Тогрул-хану. Темучжин не был уверен в том, что сумеет освободить Борте собственными силами. Именно с такой просьбой он решил обратиться к другу своего

отца. Его любимая жена в плену — это очевидно, но знал ли Темучжин, что его юную супругу отдали одному из меркитских вождей, с которым ей пришлось делить юрту? Подобная рана могла лишь обострить его желание возвратить Борте. Вспомним, что она была женщиной совсем молодой, еще не успела родить мужу детей. Итак, прошло совсем немного времени, и Темучжин упрекал себя за то, что пожертвовал женой ради личной безопасности, а не увез с собой вместе с остальными членами семьи, посадив на запасного коня. Эйфория от спасения собственной жизни прошла и сменилась горечью утраты. Темучжин не смирился с потерей. Здесь он, пожалуй, впервые проявил ту черту характера, которая в первую очередь и сделала его Чингисханом: стремление добиваться своей цели любой ценой и всегда идти до конца. Похищение Борте вызвало те же последствия, что и увоз Елены Спартанской Парисом в Трою. Только монголы оказались куда оперативнее ахейцев, и война не затянулась, а Борте, в отличие от Елены, не противилась освобождению.

За помощью Темучжин отправился, взяв с собой Хасара и Бельгутея. Стойбище Тогрул-хана находилось в Черном лесу. Юный вождь рассказал другу отца о внезапном нападении меркитов, о том, что взяты в плен жены и дети. Далее следовала учтивая просьба, как к хану и отцу, — спасти жен и детей!

Вот и пришло время узнать истинную цену подарка, которую в прошлом году получил Тогрул-хан. Удовлетворенный оказанным уважением и признанием своей силы, он ответил, что помнит, когда в знак сыновней любви Темучжин облачал его в соболью доху. Он помнит слова о близком родстве, самом близком, какое только может быть между отцом и сыном. Такое не забывается, а значит, просьба Темучжина услышана: меркиты будут истреблены, а Борте спасена и возвращена…

Война предстояла серьезная. Меркиты к тому времени объединили несколько монгольских племен, живших на границе степи и сибирской тайги, в северной части бассейна Селенги. В это объединение входило три крупных племени: удуит-меркиты, увасы и хааты.

Тогрул-хан знал о силе войска меркитов и предоставил Темучжину военную поддержку — два воинских тумена. Но только этим помощь не ограничилась. Как опытный полководец, он, кроме того, посоветовал Темучжину обратиться к его другу детства Джамухе — вождю рода Джадаран. Джамуха, которого, несмотря на его молодость, многие стали называть «сечен», то есть «мудрый», тоже обладал значительной военной силой и имел среди монголов репутацию выдающегося полководца. Так что его

помощь в столь серьезном деле была не лишней.

Темучжин и Джамуха не виделись больше восьми лет. Канули в лету детские клятвы о кровном братстве, да и велика ли цена детским обещаниям вечной верности, когда речь идет о таком серьезном и трудном деле? Собольей шубы Темучжин Джамухе не дарил, никаких отношений не поддерживал, потому сам к побратиму не поехал, а отправил Хасара с Бельгутеем в качестве просителей. Конечно, он тщательно проинструктировал братьев, что и как говорить. Попросил напомнить о родстве и побратимстве, а главное — сказать, что Тогрул-хан дает на святое дело два тумена и прочит Джамуху в руководители всего похода. Правда, при одном небольшом условии: Джадаран должен предоставить равноценную воинскую силу, то есть два тумена.

«Сокровенное сказание» утверждает, что просьбу своего анды Джамуха принял очень близко к сердцу, пообещал разобраться с меркитами без всякой пощады и освободить Борте. Только предоставить он может не два, а один тумен — хитрый Джамуха берег своих людей, а с другой стороны, хотел проверить авторитет Темучжина. Удастся ли тому собрать вокруг себя столько воинов? Джамуха был удивлен тем, как быстро Темучжин сумел собрать необходимое войско. Слишком многие хотели стать на его сторону, хотя, конечно, этому способствовала поддержка могущественного Тогрул-хана.

До сих пор среди историков ведутся споры по поводу численности туменов. Одна из версий — не десять тысяч воинов, а от двух до десяти. Особо крупные тумены могли приближаться к десяти тысячам человек, но в целом реальный тумен той эпохи, скорее всего, насчитывал 4–5 тысяч воинов. Так что 4 тумена, собранные Тогрулом, Джамухой и Темучжином, в сумме давали армию, едва ли превышавшую двадцать тысяч конников. Конечно, и это было явно неадекватным ответом на набег трех сотен меркитов, но, во всяком случае, двадцать тысяч — не сорок.

Темучжин и Джамуха были названными братьями (андами). Решив помочь своему анде наказать меркитов, Джамуха изложил свой план действий. Как ему было известно, меркитские племена, объединившиеся на время, снова разошлись кто куда. Оставив до поры в покое увас-меркитов, кочевавших в месте слияния Орхона и Селенги, надлежало, по его мнению, обрушить все коалиционные силы на удуит-меркитов — основное вражеское племя.

План боевых действий Джамухи, известный нам из монгольского эпоса, был основан на прекрасном знании местности. Войску Тогрул-хана, после того как оно покинуло Черный лес, надлежало соединиться с отрядом Темучжина на

горе Бурхан, откуда они должны были выйти в степь Ботоган-Бооржи, в окрестностях истоков Онона, куда собирался прийти Джамуха, поднявшись вверх по этой реке.

Операция, в самом деле, была серьезной. Исполняя указание Джамухи, Тогрул со своими двумя туменами кераитов покинул Бурхан-Халдун и двинулся в район Бурги-ерги. Таким образом, Темучжин, Тогрул и Джаха-Гамбу сошлись близ Ботоган-Бооржи, находившегося в непосредственной близости от истоков Онона. Но пришли они позже обозначенного в договоре срока. Джамуха уже с нетерпением ожидал их. Нетерпение, перешедшее в негодование, было вызвано вполне прозаической причиной: тамошние места — это не степь, здесь, в сердце Хентея, пастбища были стеснены горами. Там было трудно выпасать коней.

Теперь представьте себе усиливающееся раздражение, которое испытывал Джамуха: тысячи людей настроились на сражение, спят кое-как, питаются тем, что взяли с собой. Им не терпится вернуться домой к своим стадам и табунам, пастбища сокращаются, местному населению грозит катастрофа. Не говоря уже о том, что такое войско не спрячешь, и любой оказавшийся поблизости меркит мог без труда понять, что тут затевается, и предупредить своих. Даже один день промедления мог быть чреват серьезной угрозой для всей операции как со стратегической точки зрения, так и по экономическим соображениям. Таким способом победы не обеспечишь и не вернешь Борте Темучжину. Об этом говорится в «Сокровенном сказании»: если монгол дает клятву, то он обязан выполнить ее во что бы то ни стало. Никаких оправданий бездействию! Если монголы договариваются встретиться, их не должны задержать ни метель, ни гроза!

«Сокровенное сказание» специально акцентирует эту мысль двустишием: «Изгоним из наших рядов любого, нарушившего свое слово!» Темучжин и Тогрул с опущенной головой приняли упреки Джамухи. Им нечего сказать. Они виноваты. Бранить их последними словами — право Джамухи, а дело будущего вождя нации, да и самой нации, слушающей повествование, — брать его слова на заметку.

Через неделю или чуть больше объединенные войска, тысяч двадцать воинов, пробираясь через путаницу гор в сторону озера Байкал, подошли к стойбищу меркитов. Пришлось вплавь переходить реку, каждый воин сплел себе камышовый плотик и добирался до противоположного берега, держась за лошадь. Операция была слишком масштабной, чтобы надеяться на эффект неожиданности. Охотники, рыскавшие по берегам Хилока, видели, что происходит, и тут же со всех ног бросились

предупреждать меркитов. Те в панике бросились спасаться — к Селенге и далее вдоль ее берегов.

В ночной тьме и суматохе, вызванной внезапной атакой, монгольские всадники не отставали от меркитов, хватая беглецов и отбирая их имущество. Темучжин прошел через многие испытания в своей короткой жизни, но он еще ни разу не участвовал в набеге. И в этой первой своей настоящей войне он показал себя с лучшей стороны. Как это ни удивительно, меркиты совершенно не ожидали этого удара возмездия и были застигнуты врасплох. Скорее всего, меркитские вожди полагали, что нищий Темучжин не найдет союзников, а его собственные силы можно было, по их мнению, не принимать в расчет. Такая недооценка Есугеева сына обошлась им очень дорого. Пленных хватали без счета, и, вероятно, меркиты были бы полностью уничтожены, если бы не счастливая случайность — Темучжин довольно быстро сумел найти Борте.

С самого начала, забыв о бое, он думал только о любимой жене. Цель предприятия была ясна — вернуть ее! Темучжин звал свою Борте, однако его зов тонул среди криков ужаса и предсмертных стонов. Но вот он настиг толпу беглецов, где, может быть, находилась Борте, которую похитители наверняка намеревались увести с собой. И она узнала голос мужа! Трепеща от волнения, молодая женщина соскочила с повозки, увозившей ее вместе со старой преданной Хоахчин, и побежала на голос. Темучжин как безумный крутился в седле, вглядываясь в ночь и вновь и вновь выкрикивая во тьму имя жены. Он так обезумел от отчаяния, что даже не узнал ее, когда она бросилась к нему навстречу. Когда женщина схватила поводья его коня и вырвала их у него из рук, он чуть было не ударил ее, но тут же опомнился, и они «пали в объятия друг друга». Темучжин соскочил с коня, обнял Борте и немедленно оповестил Тогрула и «брата» Джамуху, что нашел ту, которую искал. Остальное не имело для него значения. Он так и сказал своим соратникам: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». В результате многим меркитам удалось спастись.

Итак, «троянская война на Селенге» завершилась полной победой монголо-кераитского союза. Не повезло разве что Бельгутею: он так и не смог найти свою мать Сочихэл. Вернее, Сочихэл, как говорится в «Сокровенном сказании», по известным только ей причинам не захотела вернуться к сыну. Остальные же могли быть вполне довольны и исполненным долгом, и огромной добычей. Темучжин и Джамуха решили еще больше закрепить свою дружбу, завязавшуюся в детстве, и провели еще один обряд побратимства в подтверждение старых клятв. По обычаю, два

анды обменялись подарками, затем устроили пир с плясками и весельем, а ночью, согласно традиции, спали под одним одеялом.

Борте воссоединилась со своим мужем. Но было обстоятельство, омрачавшее радость встречи. Ведь в плену Борте принудили стать любовницей одного из захватчиков. Молодая женщина оказалась заложницей многолетней мести. Она приняла другого мужчину, но не считала это предательством по отношению к Темучжину. Что она, женщина, могла сделать, оставшись без поддержки? Единственное, о чем она наверняка думала не один раз: почему все произошло именно так? Неужели от нее так легко отказались?

Темучжин был счастлив воссоединиться с Борте. Даже то, что она успела побывать в юрте врага, не погасило его привязанности к ней. Видимо, он понимал, что ему следует винить в ее несчастье прежде всего себя. Он не стал упрекать жену за невольное сожительство с меркитом. Это не смущало и саму красавицу: она была уверена в сердце и любви своего мужа. В самом деле, разве не для ее освобождения он перевернул вверх дном всю Монголию, создал союз царей и поставил под оружие целых четыре тумена?

Однако, когда Борте родила первого сына, названного ими Джучи, Темучжин не был уверен, что это его ребенок. «Гость», пришедший в их юрту был признан и любим настолько, насколько это мог позволить себе такой мужчина, как Темучжин — мужчина-воин, мужчина-повелитель и, быть может, в последнюю очередь — отец. Он любил Джучи, любил по-своему, но к трем другим сыновьям от Борте относился иначе. Хотя их дети вообще были дорогими для него. Недаром другие женщины и их дети практически не упоминаются в хронике тех далеких лет.

Трудно однозначно говорить о взаимоотношениях Темучжина и его первенца. Как и многие другие тайны истории, эта может быть разгадана только в случае изобретения машины времени или хотя бы того самого пресловутого «хроноскопа». Сам Рашид-ад-Дин, современник событий, горячо отстаивал версию законнорожденности Джучи. К тому же и сам Чингисхан (тогда еще именовавшийся Темучжином) пресекал всякую болтовню, утверждая, что Борте попала в плен уже беременной. Впрочем, это ни о чем еще не говорит… Рашид-ад-Дин, напоминаю, состоял на службе у Чингисхана и вряд ли стал бы писать нечто «диссидентское». Правда, он сам в своей книге поместил довольно странный абзац, где писал, что сыновья Чингисхана Чагатай и Угедэй всегда считали своего брата Толуя законным сыном Чингисхана. Что до Джучи: между ним и его братьями, Чагатаем и Угедэем, всегда были препирательства, ссоры…» По

какой причине, сегодня установить невозможно, почему-то дальнейшие слова Рашид-ад-Дина не сохранились…

У Чингисхана были дети и от других жен, но только сыновья от Борте стали спутниками его исторической жизни, в то время как остальные жены и дети являются не более как «пустыми именами в летописи». Никакие сомнения в законности появления Джучи на свет не повлияли на его место в государстве Чингисхана. Никто не попрекал его никогда незаконным происхождением. Главой Чингисханова рода Борджигинов стал именно сын Джучи Бату, более известный нам как Батый. А сам Джучи, когда Чингисхан распределял владения меж матерью, младшими братьями и сыновьями, получил самый большой удел…

Что касается меркитов, принявших участие в похищении Борте и в погоне за Темучжином на Бурхан-Халдуне — а было их, как говорят, триста душ, — то монгольский эпос сообщает, что все они были безжалостно истреблены: «…мы мужам меркитским в возмездие в воздух обратили лоно их, ущербили печень у них, истребили и родню их мы, а именье их мы сберегли себе». Победители увели с собой столько меркитских женщин и девушек, сколько хотели, сделав их своими «подругами»; мальчики и девочки стали слугами и служанками, получив «наказ сидеть у дверей».

Понимая, что целенаправленный набег меркитов не мог быть таким удачным без помощи кого-то из Борджигинов, Темучжин раздумывал над тем, кто же мог стать предателем. Подозрения пали на мачеху Сочихэл и ее сына Чильгира — брата Бельгутея. Их бегство только подтвердило догадки. Тяжела была доля Темучжина, окруженного лжецами и предателями! И с каким достоинством он ее нес, не дав понять Бельгутею, которого он любил, чем занимались его брат и мать! Такая выдержка ради стремления к цели и является характерной чертой пассионарного человека.

Темучжин щедро одарил «своего отца и хана» Тогрула и «брата» Чжамуху, выражая признательность за освобождение Борте. Возблагодарил он и Тенгри, бога-Небо тюрко-монголов, а также мать-Землю (эке-этуген), которые помогли отомстить меркитам, «опустошить их сердца и разорвать печень». После этого союзники расстались.

Борте стала первой, но не последней женой Темучжина. И это естественно, если учесть, что монголам позволялось иметь несколько жен. Чингисхан сделал своими женами принцесс Китая и Ляо, дочерей из семейства турецкого султана, а также самых красивых женщин из различных племен Гоби. Он умел ценить

красоту в женщинах в не меньшей степени, чем сообразительность и храбрость в мужчинах и резвость и выносливость в лошадях.

Однако заключение Чингисханом большого количества браков происходило, скорее, из политических интересов, для укрепления связей с другими монгольскими родами, а также элитой покоренных стран. Поэтому наложницами хана (куммами) становились самые красивые монгольские девушки и красавицы из покоренных монголами государств. Согласно указанию Чингисхана, в начале каждого года в племенах происходил отбор самых привлекательных девушек как для него самого, так и для его сыновей. Некоторые наложницы со временем переходили в ранг жен, а некоторые выдавались замуж за высокопоставленных сановников. Как минимум, две тысячи наложниц по очереди боролись за его внимание и ласки. Ему не нужно было удерживать женщин силой — между ними происходили даже кровавые схватки за возможность провести одну ночь с повелителем.

После одного из походов на татар — виновников смерти отца — Темучжин как часть добычи взял себе прекрасную Есуган-хатун, дочь татарского вождя Церен-эке. Историография утверждает, что наш герой очень ее любил. Говорят также, что она была неревнива или, по меньшей мере, чувство семейственности у нее было очень сильно развито. Так, известно, что в брачную ночь, убедившись в преданности сердца господина, она сообщила супругу, что у нее есть старшая сестра по имени Есуй, красавица, тоже весьма достойная царского ложа.

Есуган прямо сказала, что больше нее достойна быть ханшею ее старшая сестра Есуй и что та только что вышла замуж. Чингисхан был удивлен такими речами, но, заинтригованный, велел найти красавицу сестру. Перед тем как начать поиск, он взял с Есуган обещание, что она без принуждения освободит для той свое место. Добрая Есуган ответила утвердительно, и поиски начались. Сестра была обнаружена в лесу, где она пряталась вместе с молодым мужем; тот убежал, а ее доставили к хану. Так она стала его очередной женой. Примечательно, что Есуган, едва увидев старшую сестру, покинула свое место, принадлежавшее ей как царской супруге, и села на место менее почетное (по законам иерархии монгольских цариц). Это благоразумие очень понравилось Чингисхану, и он своего удовольствия не скрывал.

После победы над кераитами число жен Чингисхана снова возросло. Один из кераитских нойонов, Джаха-Гамбу, родной брат Ван-хана, дружеские отношения с Чингисханом поддерживал всегда. У Джаха-Гамбу были две дочери: Ибаха-беки и

Сорхахтани. Первую Чингисхан взял себе, а вторую отдал своему младшему сыну, Толую.

Но Ибаху, которую он взял себе в жены, при себе Чингисхан держал недолго. Никакой привязанности не возникло. Впрочем, как он заявил, поступить так принудили его духи. Якобы ему приснился сон, после которого он и объявил молодой жене, что она ему нравилась всегда, но явившийся к нему ночью Тенгри велел передать ее другому. Указания Тенгри не подлежали обсуждению. Хан попросил на него не обижаться и кликнул того, кто стерег дверь царской юрты. Ему и была отдана в жены княжна Ибаха. От удивления тот потерял дар речи. Вмиг он стал обладателем бывшей ханской жены, юрты вместе с причитающимися слугами, движимым имуществом, табунами и отарами.

Сестра же Ибахи, жена Толуя, осталась в семье Чингисхана навсегда. Благодаря уму, обходительности, такту и политическому таланту она играла там не последнюю роль, и пятьдесят лет спустя именно Сорхахтани определила судьбу монгольской империи как мать великих ханов Мункэ и Хубилая, а также Хулагу, ставшего правителем Персии. К сказанному можно добавить, что, будучи набожной, она спасла от разрушения немало христианских храмов. И то, что христианская церковь в монгольской империи пользовалась уважением, равно как в Китае, Персии и Верхней Азии, в значительной мере было предопределено влиянием императриц кераитского происхождения.

Так что не только Борте оказывала влияние на повелителя и ход истории. Но, справедливости ради, нужно отметить, что к ее мнению он прислушивался чаще, чем к мнению остальных жен. Например, именно ее слова стали причиной разрыва между Темучжином и его лучшим другом Джамухой. О том, насколько они были близки, написано во многих источниках. Это были многолетние отношения, основанные на взаимном доверии. Тем не менее, слишком разными были эти два друга. Темучжин рано, в десятилетнем возрасте, познал, что такое предательство самых близких соратников, и жестокую нищету. А сколько раз он оказывался на волосок от смерти и был спасен простыми людьми или волей Провидения. Его отношение к родовой знати, обрекшей семью отца на голод и страдания, было, мягко говоря, двойственным, хотя сам он по рождению был представителем этой знати.

После пережитых злоключений главным качеством в человеке для Темучжина была верность. Верность в широком понимании этого слова: верность долгу, верность лидеру. Происхождение же

для него значило гораздо меньше. Наверное, именно поэтому среди сторонников Темучжина была в первую очередь не родовая знать, а так называемая «аристократия таланта» — люди верные, сильные духом, способные, хотя многие из них и не могли похвастать знатным происхождением.

Джамуха же типичный аристократ и с ранних лет вел не омраченную ничем жизнь. Его острый ум уживался в нем со всеми предрассудками, присущими знати: презрением и недоверием к простым людям, убежденностью в справедливости вековых родовых обычаев, признанием только аристократического равенства (своего рода «феодальная демократия», когда равными себе признаются все, равные по происхождению).

Эта разница в восприятии окружения, в выборе тех, на кого можно положиться, не могла не сказаться на отношениях между андами. Несмотря на все свои таланты, Джамуха в этом, пока еще скрытом, противостоянии с Темучжином фактически защищал интересы уже отживающего родового строя. А Темучжин был представителем нового поколения монголов — вождем от Бога (и сам он искренне верил в свое высочайшее предопределение), который призван объединить всю монгольскую степь под твердой, но милостивой рукой хана-самодержца.

Эволюция жизненных принципов Темучжина и Джамухи явно шла в этих слишком разных направлениях. Совершенно очевидно, что рано или поздно это должно было привести к кризису в отношениях двух побратимов: тем более, что каждый из них, может быть, даже подсознательно, стремился к установлению единоличной власти. О том, что полного равноправия между андами на тот момент в действительности не было, можно судить по некоторым намекам в «Сокровенном сказании». Вспомнить хотя бы тот факт, что перед набегом на меркитов Темучжин выступал в роли просителя, а Тогрул объявил Джамуху своим названым младшим братом, а Темучжина — сыном. В иерархическом порядке, принятом на Востоке, это означало, что Джамуха стоял выше Темучжина, считался как бы его «дядей». Очевидно, что для будущего Чингисхана такое положение вещей было, мягко говоря, некомфортным.

Разрыв был неминуем. Оставалось лишь дождаться повода, и, конечно, он нашелся. Побратимы ехали во главе кочующего лагеря. Безобидные слова, названные историками «ключевой загадкой Джамухи», приведены в «Сокровенном сказании»: «Друг, друг Темучжин! Или в горы покочуем? Там будет нашим конюхам даровой приют. Или станем у реки? Тут овечьи пастухи вдоволь корм найдут». Не разобравшись в смысле услышанного, Темучжин обратился за толкованием к многоопытной матери. Но Оэлун не

успела ответить: вместо нее неожиданно это сделала Борте. Она объяснила слова Джамухи в том смысле, что тому надоело совместное кочевание с побратимом, а раз так — то нужно, пока не поздно, самим отделиться от него, оставить его первыми. Поразмыслив, Темучжин признал совет Борте разумным и в ту же ночь откочевал от Джамухи со своими самыми верными людьми.

Произошедшее историки так и не смогли объяснить. О том, что же на самом деле могли значить слова Джамухи, спорят уже несколько поколений монголоведов. Конечно, мнение Борте о том, что побратиму стало «скучно», едва ли стоит принимать всерьез: в данном случае она, похоже, просто выразила давно созревшую у Темучжина идею отделиться от побратима, придумав для этого какой-нибудь предлог. Но слова были сказаны, разрыв последовал, и, значит, был в этой речи какой-то скрытый подтекст. Если не усложнять, то, похоже, слова Джамухи объясняются гораздо проще. Они просто отражали нарастающее между друзьями напряжение в вопросе об авторитете и власти и, хотя казались безобидными, несли в себе некоторый внутренний подтекст, который и почувствовал Темучжин. Молодой Борджигин в глубине души был уже готов к разрыву, и эти неосторожные слова привели к самым серьезным последствиям и для двух друзей, и для всей монгольской степи — произошел раздел воинов на сторонников одного и другого. Разрыв с Джамухой стоил Темучжину дорого: бывший друг стал злейшим врагом. Врагом коварным, использующим свои дипломатические способности для устройства заговоров и создания коалиции против Темучжина. Надо сказать, что делал он это весьма искусно.

К новому сильному лидеру потянулась родовая знать. За короткий промежуток времени вокруг Темучжина сплотилась значительная военная сила. В 1186 году лидеры племен решили провозгласить сына Есугея ханом. Вероятно, они рассчитывали, что поставленный ими хан, которого эти влиятельные князья рассматривали в лучшем случае как равного себе, станет послушным орудием в их руках. Однако расчет монгольских аристократов оправдался не полностью. Темучжин согласился стать ханом, но вынудил своих родичей принести весьма серьезную присягу (впоследствии это сыграет очень важную роль в укреплении ханской власти), а главное — должности в ханской ставке раздал не примкнувшим к нему нойонам, а своим старым соратникам.

Впрочем, большинство вождей присоединились к Темучжину и сделали это не по эгоистическим соображениям, а потому что видели в нем настоящего степного богатыря: высокого роста,

представительного. К тому же за ним закрепилась слава того, кому покровительствует Вечное Небо, кто обладает ораторским даром и умеет воспламенять сердца людей.

Однако вновь провозглашенный хан оказался вождем лишь части монголов, притом части далеко не самой большой. Не меньшей, если не большей силой обладал Джамуха. Противостояние двух лагерей было неизбежным. Поводом для войны стало убийство конокрада, угнавшего лошадей Темучжина. Конокрад принадлежал к людям Джамухи, последний решил отомстить за смерть своего сторонника. Противостояние окончилось поражением молодого хана. Последовавший за этим плен длился без малого десять лет.

Освобождение Темучжина стало следствием изменений во внешней политике Китая. Наступил момент, когда таких как он стало выгодно иметь в качестве союзника. Поэтому нуждавшиеся в помощи монголов в борьбе с татарами китайские политики вспомнили о сыне Есугея. Отпуская его из плена, они решали одновременно несколько задач. Например, автоматически получали в союзники и его самого, и Тогрула.

За время плена многое изменилось в окружении Борджигинов. Разочаровавшись в Джамухе, откочевали от него и присоединились к Борджигинам воинственные роды урутов и мангутов. Все это усиливало мощь клана Темучжина. Дальнейшие события показали, что Темучжин может быть разным, в том числе — дальновидным стратегом. Он сумел привлечь на свою сторону еще несколько племен, он работал над сплочением молодого государства. Его возросшая мощь, в союзе с Тогрулом, вызвала опасения у противников. Для противостояния ему был выбран Джамуха. Стало понятно, что сражение неизбежно. Победу одержали войска Темучжина, а его бывший побратим бежал с поля боя, скрывался, но был выдан своими же людьми. Нужно отдать должное Чингисхану. Он казнил предателей, но своего бывшего друга хотел помиловать. Но тот попросил себе иной милости — смерти без пролития крови. Это желание было исполнено, после чего последовали торжественные похороны соперника.

Вот так один неосторожный или, возможно, намеренный комментарий женщины стал причиной глобальных перемен в истории монголов. Правда, речь идет о первой жене будущего Властелина Вселенной, но и обычная монгольская женщина занимала положение, почти равное с мужчиной, тем более в верхах общества. Женщины участвовали вместе с мужьями в управлении; инициатива в решении проблем исходила от обеих сторон, как от тех, так и от других. Даже в наше время не всегда

женщина имеет столько власти, сколько имела монгольская женщина в те далекие годы.

В этой связи нельзя вновь не вспомнить о «Биликах» Чингисхана — так называемом своде правил. Они были составлены им и сохранились до настоящего времени. Так, сказано, что «мужчина не есть солнце, чтобы являться во всех местах людям. Жена должна, когда муж займется охотой или войной, держать дом в порядке, так что, если заедет в дом гонец или гость, увидит в нем порядок, и она приготовит самое хорошее кушанье, и гость не будет нуждаться ни в чем, непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит его имя в собраниях, подобно горе, воздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются по хорошим женам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будут от нее видны дурные качества мужа». Ведь, как вывод из сказанного, в доме все похоже на хозяина.

Такое положение вещей мало отличается от того, с чем ассоциируется хорошая семья в наше время. Женщина-хозяйка — это та, у которой дом — полная чаша, все сияет, дети чистые, накормленные, муж обласкан и окружен вниманием, и, разумеется, гость, попавший в такой дом, получит достойный прием, вкусное угощение, и у него сложатся самые лучшие впечатления. То, что было ценно в те далекие времена, не потеряло актуальности и сегодня.

Для европейского мужчины вопрос об официальном многоженстве никогда не стоял. Любовные треугольники, заканчивающиеся порой трагически, не могли иметь место во времена Чингисхана. Даже имея такую мудрую, такую красивую жену, как Борте, повелитель с удовольствием пользовался правом иметь наложниц и вступал в новые браки. После того как во владении Чингисхана оказалась вся страна найманов, вплоть до алтайских предгорий, схваченная царица Гурбесу была доставлена завоевателю. Ранее она позволяла себе крайне негативные высказывания в адрес монголов. Чингисхан напомнил ей о том, с каким презрением она отзывалась о монголах, о том, что от них дурно пахнет, но, тем не менее, пленница осталась в его доме. Кстати, в «Яссе» говорится о том, что дети от наложниц считаются законными и получают по распоряжению отца соответствующую долю наследства.

Интересна история появления в жизни героя еще одной супруги по имени Хулан. Меркиты, оставшиеся с найманами до конца, избежали разгрома. Их вождь Даир-усун, добиваясь снисхождения Чингисхана, решил отдать ему в жены свою дочь, прекрасную Хулан. По дороге к хану ему встретился его

военачальник по имени Наяа, который вызвался проводить Даир-усуна к своему господину. Осторожный Наяа, прежде чем отправиться к Темучжину, трое суток продержал при себе Даир-усуна с дочерью и лишь затем пустился в путь, чтобы в целости и сохранности доставить их своему господину. Узнав об этой трехдневной задержке, Чингисхан пришел к выводу, что Наяа воспользовался неопытностью Хулан, и постановил прелюбодея «подвергнуть допросу и предать суду». Наяа пришлось оправдываться, а Хулан вступилась за несчастного. Она была подвергнута скрупулезной проверке, в результате которой честь молодой женщины больше не подвергалась сомнению. Успокоенный завоеватель вознаградил Хулан своею любовью сполна (меркитка стала одной из любимейших жен Чингисхана, именно ее взял он с собой в Трансоксианский поход), и именно она, как и Борте, родила ему сына.

Став сюзереном тангутского царства, Чингисхан взял в жены одну из дочерей его властителя. По историческим сведениям, у завоевателя было двадцать шесть жен, но главной всегда оставалась Борте. Она управляла империей, пока Чингисхан был в долгих походах. По его же словам, она всегда «говорила дело».

Еще один эпизод свидетельствует о том, что Чингисхан всегда прислушивался к мнению женщин: накануне выступления в поход против империи Хорезм Есуй убедила его решить вопрос о преемнике. И Чингисхан, победитель татар и кераитов, покоривший императорский Китай эпохи Цзинь, уступил ее доводам. Более того, он публично заявил, что ценит ее слова, ценит ее дальновидность и смелость, ведь эта женщина озвучила то, что никто из его близких никогда не посмел при нем произнести!

Трудно наверняка назвать число женщин, побывавших в объятиях Чингисхана. Обладавший практически безграничной властью, он, как любой смертный, брал от жизни все, что она могла ему дать. Трудно назвать благостью любовь наложниц — женщин, вынужденных принять мужчину-завоевателя. Именно по этой причине некоторые рассказы, проверить которые невозможно, дают понять, что Чингисхан угас в объятиях наложницы, поднесшей ему отравленный напиток.

Поздняя хроника, созданная в XVII веке, называет причиной его смерти красавицу Корбелджин, царицу Си Ся (государства тангутов). В соответствии с первой версией, изложенной в одной из хроник, после того как Чингисхан разделил с ней ложе, его поразила болезнь, которая вскоре свела его в могилу. О какой болезни идет речь? Можно только догадываться. По второй версии, Корбелджин «зажала в своем влагалище нечто маленькое

и острое, что ранило государя». Понимая, что преступление откроется, женщина сбежала и бросилась в Хуанхе. Трагическая история, в которую вряд ли можно поверить. Сомнительная версия, хотя тема «зубастой вагины» очень распространена в разных легендах мира.

Но вернемся к Борте. Понимая, что сердце Чингисхана принадлежит не только ей, она испытывала, конечно, муки ревности. Наверняка они одолевали ее гораздо чаще, чем она давала это понять. Но когда он отправился завоевать Хорезм и взял с собой одну из своих фавориток, юную Хулан, Борте это задело. Она осмелилась отправить супругу недвусмысленно послание, касающееся планов завоевателя, давая понять, что его власти угрожает соперничество между принцами. Тогда Чингисхан решил ускорить свое возвращение в Монголию. В дороге, обеспокоенный приемом, который могла оказать ему жена, он отправил к ней гонца, и Борте, терпеливая и мудрая, послала мужу такой ответ: «На озере с берегами, поросшими камышом, много диких уток и лебедей. Властелин может настрелять их столько, сколько захочет. Среди племен много девушек и молодых женщин. Властелин может по своему вкусу указать на счастливых избранниц. Он может взять новую жену. Он может оседлать скакуна, до той поры неукрощенного». Этот эпизод, такой поэтичный, полный романтики, описан лишь для того, чтобы подтвердить привязанность, которую Чингисхан испытывал к своей первой жене, а она платила ему тем же.

Четверо сыновей и пять дочерей, которых Борте ему родила, стали самыми авторитетными и наиболее известными его детьми. И хотя ни один из этих сыновей не унаследовал высоких дарований своего отца, но все четверо были небездарными, энергичными. Они были умны, отважны и мужественны, их ценил народ. Из всех своих сыновей Чингисхан только этих четверых назвал в качестве своих наследников. Он чувствовал удовлетворение от того, что все они такие разные по характеру и способностям, и «окрестил» их орлукс (орлы) — удостоил чести считаться принцами императорской крови. И им отводилась особая роль в планах повелителя.

Его первенец Джучи стал мастером охоты, от которой монголы все еще получали значительную часть пропитания. Чагатай — блюстителем закона и исполнения наказаний; Угедэй — мастером курултая, самого же младшего — Толуя, получившего номинальный пост главнокомандующего армией, хан держал рядом с собой.

Впоследствии сын Джучи Бату создал Золотую Орду, которая сокрушила Русь, Чагатай получил в удел Центральную Азию, а

его потомок Бабур стал первым из Великих Монголов Индии. Сын Толуя Хубилай, покоривший земли от Китайского моря до Срединной Европы, был любимцем хана, который испытывал особую гордость за этого внука и говорил: «Запоминайте хорошенько слова юного Хубилая, они исполнены мудрости».

Каждому из своих сыновей он отдал в руководство государство, назвав эти населенные уделы улусами. Так Джучи — старшему сыну Чингисхана — досталась территория нынешнего Казахстана. Отношения между ним и отцом, по некоторым источникам, были полны противоречий. Так сложилось с первых дней появления Джучи на свет. Некоторые исследователи считают, что не до конца уверенный в своем отцовстве Чингисхан относился к своему первенцу не слишком хорошо, позволял себе то, чего не допускал в отношениях с другими своими сыновьями от Борте. Джучи не оставался в долгу: он мог игнорировать указания отца, ссылаясь на занятость, плохое самочувствие. Кроме того, между Джучи и его младшими братьями часто возникало непонимание, ссоры. Братья ему не однажды намекали на его происхождение, не считая истинным потомком его великого отца. Один из братьев открыто называл Джучи «меркитским выродком». Так тень меркитского плена матери легла на Джучи бременем подозрений в незаконнорожденности.

О Чингисхане написаны десятки книг, а о его старшем сыне Джучи-хане нет ни одной монографии, вся информация о нем обрывочна и крайне противоречива. Мы знаем о Джучи настолько мало, что до сих пор остается для нас загадкой не только его рождение, но и смерть. Между тем он был первым монгольским ханом на части территории современного Казахстана, стоял у истоков создания мощного государственного образования, известного сначала как Улус Джучи, а много позже — как Золотая Орда. Именно его прямые потомки основали в XV веке Казахское ханство и правили в нем весь период его существования.

Историки до сих пор спорят о том, как же на самом деле складывались отношения между Чингисханом и его старшим сыном. Одни утверждают, что Чингисхан всегда относился предвзято к своему первенцу. Другие — что Джучи был любимцем хана. Этот вопрос нужно рассмотреть с точки зрения негативных последствий, которые имели место из-за неясного происхождения Джучи. Если обратиться к истории, то сомнения в происхождении Джучи отрицательных последствий не вызвали и никак не повлияли на самого первенца Чингисхана и его потомков. Ведь подозрения, высказанные в отношении Джучи, никогда не распространялись на его потомков, включая Бату.

Как прошли детство и юность Джучи, сведений нет. Но

известно, что с молодых лет он проявил незаурядные военные способности. Чингисхан не мог не видеть этого, не замечать очевидного, поэтому его первенец активно участвовал во многих его военных походах. Задачи, которые перед ним ставились, были непростыми и требовали серьезных стратегических решений, смелости. После того как в 1206 году Чингисхан объединил кереев, найманов, меркитов и другие племена в один союз, Джучи-хан в 1207–1212 годы по заданию отца захватил Южную Сибирь, Алтай, Восточный Туркестан.

Далее, в 1211–1215 годах, он участвовал в нашествии монголов на Северный Китай. В 1218-м войско Джучи в погоне за меркитами, не покорившимися Чингисхану, сразилось с 60-тысячным войском хорезмского шаха Мухаммеда на берегу реки Иргиз. Благодаря полководческому таланту первенцу Чингисхана удалось закончить битву вничью. После этого сражения Мухаммед-шах отказался от войны с Джучи-ханом, а последний завоевал все города в Жетысу[8].

Исследователи, высказывающие сомнения в происхождении Джучи, пытаются обосновать свою позицию, в частности, тем, что он, отец Бату, так и не стал преемником своего родителя: мол, отец не доверял Джучи, лишил его права наследовать ханский титул и отправил в самые отдаленные западные владения своей империи. Это односторонний подход к вопросу. Речь идет о важном событии в истории Монгольской империи и в жизни Джучи — семейный совет 1219 года, на котором обсуждался вопрос о наследнике Чингисхана. Вероятно, в самом начале отец высказал мнение о том, что хочет видеть преемником своего первенца. Но сыновья вновь вспомнили о том, что Джучи, возможно, наследник меркитского плена. Чингисхану пришлось утихомиривать не в меру разбушевавшихся сыновей. Ему стало обидно за старшего из его царевичей. Вот так через тридцать семь лет аукнулась неясность происхождения Джучи. А ведь, согласно монгольским обычаям того времени, власть у монголов передавалась, как правило, старшему сыну. Да и по личным качествам Чингисхан, видимо, хотел, чтобы после его кончины создаваемую им империю возглавил именно Джучи. Не получилось. На семейном совете было решено объявить преемником Чингисхана его третьего сына от Борте — Угедэя. Однако необходимо подчеркнуть, что Джучи не стал наследником отцовского трона отнюдь не из-за сомнений Чингисхана в своем отцовстве, а согласно древнему монгольскому обычаю: «Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну», — сказано у Вильгельма де Рубрука. Кроме того, у Чингисхана было несколько приемных сыновей, и одного из них, Чагана, согласно

«Сокровенному сказанию», он сделал начальником своей личной тысячи телохранителей, доверив этому приемному сыну свою жизнь. Анализ источников показывает, что самому Джучи, в отношении которого Великий хан всячески подчеркивал свое отцовство, он доверял не меньше, а гораздо больше.

Значение семейного совета, проведенного перед среднеазиатским походом, отнюдь не сводилось к тому, что на нем был утвержден наследник Чингисхана. Более важным для политической истории Монгольской империи, а после ее распада — для выделившихся из империи государств, оказалось то, что на совете был заложен новый принцип престолонаследия, была фактически утверждена на века любопытная наследственная система: все потомки Чингисхана по мужской линии (от четырех сыновей от Борте: от Джучи, Чагатая, Угедэя и Толуя) имели абсолютно равное право претендовать на престол, и в то же время никто, кроме прямых потомков, не мог стать ханом. Такое состояние дел приводило к тому, что после смерти каждого государя разворачивалась борьба за престол между отдельными партиями царевичей и эмиров.

Однако, если вернуться к завоеваниям Джучи, то его успехи были очевидны. В 1220–1222 годах он покорил Отрар, Сыгнак, Узкент, Баршынкент, Жанкент и другие города. Так он полностью завоевал Хорезмское государство.

В 1223 году Джучи-хан участвовал в курултае, организованном отцом на равнине Куланбасы. На этом курултае Чингисхан решил сам (при жизни) раздать четверым сыновьям от старшей жены Борте захваченные им необъятные просторы. В качестве причитающейся доли Джучи-хану достались земли к западу от Иртыша, северные края Жетысу до нижних берегов Волги, все земли, где «ступали монгольские лошади», весь край Дешт-и-Кипчак[9]. Правда, достался он Джучи номинально — большую часть земель ему еще предстояло завоевать. В результате монгольских походов на огромной территории Дешт-и-Кипчак и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках Улусом Джучи, или Синей Ордой, в русских летописях это государство называется Золотой Ордой, хотя до сих пор не выяснено, как и почему возникло это последнее название. Ставка хана расположилась на берегу Иртыша.

Трудно установить точные границы Улуса Джучи, особенно по линии обширных степей, составлявших основную часть его владений. Судя по данным восточных историков того времени, Джучи был энергичным, отважным, находчивым человеком. Чингисхан и сам опасался ума и необыкновенной смелости своего

сына. Если сравнивать Джучи-полководца и стратега с его отцом, то совершенно очевидна разница. Чингисхан и пощада — практически взаимоисключающие понятия. Зачастую он оставлял жизнь лишь маленьким детям, которых усыновляла его мать Оэлун, и доблестным воинам, которых принимал на монгольскую службу. Чингисхан уважал достойных противников, не терпел предательства, даруя жизнь тем, кто не проявил слабость и не отрекся от своего хозяина. А Джучи отличался гуманностью и добротой. Он был мягче по характеру, что проявлялось в его отношении к пленным, например. Так, во время осады Гурганджа совершенно измученные войной хорезмийцы просили принять капитуляцию, то есть, проще говоря, пощадить их. Джучи был готов проявить милость, но Чингисхан категорически отверг просьбу о пощаде, и в результате гарнизон Гурганджа был частично вырезан, а сам город затоплен водами Амударьи. К сожалению, непонимание между отцом и старшим сыном, постоянно подогреваемое интригами и наговорами родственников, со временем углубилось и перешло в недоверие государя своему наследнику.

Сын все больше отдалялся от отца. Время точного отчуждения между ними до сих пор повод для споров. Одна из версий начала противостояния состоит в том, что до Чингисхана дошли слухи, что Джучи замышляет его убийство на охоте. Разгневанный хан послал в Хорезм доверенных людей с приказом срочно доставить к нему Джучи. «Если он откажется сюда ехать и захочет остаться в Хорезме, тут же молча убейте его», — сказал повелитель. Джучи не приехал, сославшись, что не может сделать это из-за болезни. Доверенные люди, желая окончательно рассорить отца и сына, передали Чингисхану, что Джучи здоров и часто ездит на охоту. Рассерженный вконец отец был готов применить к сыну самые жестокие меры: как тот мог ослушаться! Подумав, он послал вслед за ним войско во главе с сыновьями Шагатаем и Угедэем. Слабо верится в то, что Чингисхан мог отдать приказ убить сына. В противном случае это наверняка было бы сделано, ведь авторитет правителя был непререкаем. Было желание наказать его, гнев рвался наружу, но не более того.

В это время пришла весть о смерти, настигшей Джучи. Чингисхан был потрясен. Он опечалился и решил произвести расследование. Вскоре стало очевидно, что Джучи оговорили: когда тот неоднократно отказывался явиться ставку отца, он действительно делал это из-за плохого состояния здоровья. Настоящий воин признавался в слабости, почему в этом искали некий тайный умысел? Слова человека, которому поверил Повелитель Вселенной, оказались ложью, и выяснилось, что

Джучи в то время болел и на охоту не ходил. Разгневанный Чингисхан велел найти того, кто оклеветал его сына. Стали искать этого человека, чтобы казнить его, но не нашли. Кстати, никак не были наказаны после смерти Джучи-хана сыновья клеветника и его приближенные.

В «Родословии тюрков» говорится, что Джучи умер на шесть месяцев раньше отца. О его смерти в народе ходили разные легенды. В одной из них причиной смерти называется взбесившийся жеребец. По другой версии, его таки убил отец, Чингисхан, опасаясь, что тот перейдет на сторону врага. Смерть Джучи (в результате которой Бату превратился из рядового представителя многочисленного поколения внуков Чингисхана в одного из крупнейших улусных правителей Монгольской империи) неоднократно привлекала внимание хронистов и исследователей. И так же, как по поводу рождения Джучи, ни в источниках, ни в работах исследователей нет единодушия и по поводу его смерти.

Иногда называют и более раннюю дату — 1225-й или 1226 год. Но она не кажется достоверной, поскольку в этом случае Бату в качестве преемника Джучи успел бы утвердить еще Чингисхан, а не Угедэй. Последний вступил на трон в 1229 году. Не говоря уже о более поздней дате смерти первенца Чингисхана, приводимой арабским энциклопедистом Шехабуддином ан-Нувайри. Она противоречит всем остальным источникам.

Итак, можно выделить три основные версии смерти Джучи. И каждая из них имеет право на существование. Первая — болезнь, в которую до самой его смерти не верил Чингисхан, другая — убийство Джучи по приказу его отца и последняя — основанная на степных преданиях. Эта версия стоит особняком: ее авторы вроде бы и склоняются к насильственной смерти Джучи, но вместе с тем никого не обвиняют в его убийстве. Наиболее четко она отражена в «Чингиз-наме», сочинении хивинского автора середины XVI века Утемиш-хаджи. Он сам признавался, что в значительной степени опирался на устные рассказы хранителей степных преданий, а не на официальные хроники: «Однажды, когда Джучи охотился в горах, ему повстречалось стадо маралкийиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер».

Исследователи центрально-азиатского эпоса приводят и другие варианты его гибели во время охоты: либо он был раздавлен стадом куланов, либо стал жертвой… тигра. Этому событию посвящена и небольшая казахская народная поэма «Аксак кулан и Джучи-хан». Любопытно, что косвенно подтверждают эту версию результаты археологических

исследований. В мавзолее Джучи, который расположен в Казахстане на реке Кенгир в пятидесяти километрах от Джезказгана и является памятником архитектуры XIII века, охраняемым государством, археологи обнаружили скелет мужчины, у которого не хватало костей одной руки, кроме того, в захоронении присутствуют кости диких животных.

Легко заметить, что не только третья, но также первая и вторая версии смерти Джучи могут представлять собой распространенный историко-фольклорный сюжет. Они не отражают реальных событий. Недоверие и зависть престарелого отца-правителя к сыну-богатырю, их взаимные претензии, которые нередко заканчиваются гибелью сына по воле отца или при выполнении опасного поручения, — очень распространенный сюжет в персидском и тюрко-монгольском эпосе. Получается, концовка сюжета зависела от отношения того или иного автора к Чингизидам: либо естественная смерть Джучи (у промонгольски настроенных историков), либо насильственная (у тех, кто не имел причин жаловать монголов вообще и Джучидов в частности).

Современные исследователи склонны связывать смерть Джучи с естественной причиной — болезнью, ведь Джучи не успел осуществить планы нашествия на Восточную Европу. Источники сообщают, что в последние годы он много болел, и это было известно его отцу. Предположение же о насильственной гибели первенца Чингисхана — это лишь своеобразная дань высокому положению и значительной роли Джучи в истории. По всей видимости, в сознании историков (даже официальных историографов Чингизидов) просто не укладывался факт, что столь высокопоставленный правитель мог умереть такой «простой» смертью. Кроме того, обстоятельства смерти членов Золотого рода в силу древних монгольских традиций чаще всего не подлежали широкой огласке, что давало дополнительный стимул для возникновения разного рода слухов и самых фантастических версий кончины того или иного Чингизида.

Родители не должны хоронить своих детей. Естественный ход жизни предусматривает обратное, но жизнь порой складывается трагично. Особенно, если речь идет о воинах, полководцах. Чингисхан и в этой непростой ситуации показал, что он человек вселенских масштабов, что он выше горя, которое сбило бы с ног обычного человека. Известно, что весть о смерти Джучи в степи застала его отца во время военного похода на царство Сун. Чингисхан сказал, что хочет побыть в шатре один, и молча горько переживал смерть своего первенца. Он не мог реагировать иначе. Дело в том, что не так давно, когда младший сын Угедэя был убит на его глазах, хан приказал оставшемуся без сына отцу не

показывать своего горя. Чингисхан тогда был категоричен: «Послушайся меня в таком деле. Твой сын убит. Я запрещаю тебе плакать!»

Поэтому он и сам внешне никак не показал, что смерть Джучи волнует его. Орда двигалась дальше, дела шли своим чередом. Однако ему все же не удалось так легко справиться с горем, как он это демонстрировал. Хан реже вступал в беседы со своими военачальниками, и было замечено, что известие о новой победе у Каспия не смогло воодушевить его. Скорее всего, известие о смерти сына ускорило время его ухода в мир иной.

Но, несмотря на то, что Джучи, вероятнее всего, умер от болезни, а не был убит тайными недругами, его натянутые отношения с отцом, дядьями и братьями не обсуждал только ленивый. Поэтому на нового правителя его улуса, кем бы он ни был, лег тяжелый груз — установление с влиятельными родичами отношений, при которых ему удалось бы сохранить владения Джучи. Судьба распорядилась так, что этим правителем стал Бату, которому в год смерти отца исполнилось восемнадцать лет. Этот представитель Чингизидов оставил глубокий след в мировой истории, но об этом позже.

У Джучи было несколько жен и наложниц, около 40 сыновей, у них выросли внуки, которым не было счета. Из его сыновей в исторических документах встречаются Орда-Ежен, Бату, Берке, Шибан и другие. После смерти Джучи западная часть войска признала наследником престола его второго сына, Бату. Чингисхан одобрил этот выбор.

Как уже было сказано, жизнь Джучи до сих пор не стала темой глубоких исследований, хотя периодически появляются работы, посвященные отдельным фактам его жизни и деятельности. Несомненно, его личность, несколько меркнущая на фоне его отца и собственного сына, заслуживает внимания историков. Он был достойным потомком Чингисхана.

И еще раз вспомним о Борте — любимой жене великого Чингисхана. Через полвека именно престарелая Борте закрыла глаза своему усопшему мужу. Где же похоронили создателя величайшей империи? Вероятно, могила Чингисхана находится где-то в лесу у одной из рек в тех краях, где он родился. Ее местонахождение неизвестно и до сих пор является предметом споров историков, почитателей Чингисхана. Никакой надгробной плиты нет и в месте захоронения Борте. В этом тоже таится некий сокровенный смысл. Они словно затерялись в бескрайних степях, чтобы беспрепятственно встречаться в мире ином.

У Темучжина-Чингисхана было много жен и детей, но женой в истинном смысле этого слова, то есть настоящей спутницей

жизни, являлась только Борте. И только ее сыновья, ставшие ханами самостоятельных улусов Великой монгольской державы, могли с полным правом носить громкое имя Чингизидов.

Оклеветанный историей, или Ни одного убийства ради убийства

Когда речь идет о выдающемся человеке, обязательно возникают мифы, которые так переплетаются друг с другом, что невозможно отделить одно от другого. Образ Чингисхана — самое яркое тому подтверждение. Большинство согласится с тем, что это человек, руки которого обагрены кровью сотен тысяч людей. Множество источников описывает его жестоким тираном, идущим на поводу собственных амбиций. Но так ли это на самом деле? Стоит ли настолько однозначно подходить к восприятию его роли в мировой истории? Чем более выдающаяся перед нами личность, тем более контрастны мнения о ее роли в истории. Стоит ли удивляться, что споры о том, кого его современники назвали Повелителем Вселенной, ведутся и по сей день. Возможно, они не утихнут никогда.

Может быть, самую большую роль в этом сыграло место его появления на свет. Мы говорим об Азии, мире мифических историй и легенд, матери всех религий, родине более миллиарда человек. Она много веков существовала словно сама по себе, вне прогресса человечества, погруженная в загадочное оцепенение. Для нее как будто не существовало достижений научной мысли, она в них не нуждалась. А вот в направлении духовного развития и философии продвигалась семимильными шагами.

Мальчику, который впоследствии стал Чингисханом, довелось родиться и вырасти в жестоком мире межплеменных войн. Он рано узнал, что такое убийство и предательство. Школа жизни заменила ему образование и позволила развить устремления, которые ценились в его мире: страстность, гордость, жестокость. Судьба испытывала на прочность юного Темучжина. Как мы помним, еще ребенком он убил своего единокровного брата. Этот проступок напугал его мать. Она была в ужасе от того, что ее сын способен на такое! Он с малых лет проявлял характер, был смелым, неутомимым, упрямым. Но то, что он сделал, ставило под угрозу безопасность всей семьи. События разворачивались по предсказуемому сценарию. Темучжин был захвачен и отдан в рабство соседнему племени, но выжил и сумел бежать из плена. В этих чудовищных условиях мальчик проявил невероятную жажду жизни. Но, даже пройдя все эти испытания, которых хватило бы не на одного взрослого мужчину, он наверняка не предполагал, какие великие свершения ждут его впереди.

Для нас сейчас не столь важно, каким человеком был Чингисхан: хорошим или плохим, жестоким или милосердным. Давая ему оценку, следует исходить из того, что выдающегося он свершил в истории. Искусство ведения войны он постигал на собственном опыте, и постигал очень быстро. Слава о молодом энергичном полководце быстро распространилась по степи. Год за годом он одерживал одну победу за другой над теми, кто был сильнее его. Так он подчинил себе все племена в монгольской степи. Он создал новый порядок в армии: все его соплеменники теперь были очень сплоченными. Согласно новой системе, все члены племени, невзирая на возраст, пол и происхождение, должны были выполнять некие общие функции. Если они не могли служить в армии, их обязывали один день в неделю работать, выполненяя общеплеменные проекты и поручения хана. Чингисхан часто испытывал свою новую систему организации армии. Вместо того чтобы ввязаться в открытый бой с превосходящими силами найманов, он изводил их внезапными и быстрыми атаками.

К пятидесяти годам Чингисхан покинул родные земли и выступил в долгий поход за славой. Теперь у войска Чингисхана была великая цель, такая же великая, как амбиции его главнокомандующего.

Попытаемся дать объективную характеристику боевых возможностей воинов-монголов, так как без этого трудно понять степень совершенства исполнения ими даже самых лучших замыслов полководцев Повелителя Вселенной. Их боевую выучку можно характеризовать, по меньшей мере, по двум направлениям: по степени овладения ими тактическими приемами в составе подразделений и по индивидуальной воинской подготовке. Речь идет о ведении боя монголами в качестве конных лучников, а они были удивительными воинами. Итальянский монах-путешественник Плано Карпини писал о монголах: «Все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два-три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми. И скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы».

Другими важнейшими составляющими боевых качеств монголов была их выносливость и неприхотливость в пище. Они могли не есть и даже не пить одни-два дня. При этом не высказывали раздражения. Для них не существовало плохой погоды, потому что они хорошо переносили как стужу, так и чрезмерный зной. Монголы всю свою жизнь проводили в трудных природных условиях, и дух спартанства сознательно

поддерживался в их среде. Об этом даже говорилось в «Биликах» Чингисхана: ни у кого не появится «войско, подобное татарскому, что терпеливо в трудностях и благородно в спокойствии, что в радости и несчастии одинаково покорно полководцу». Такую политику правителей монголов можно считать «кнутом». Обратная «кнуту» мотивация, то есть «пряник», — добыча, которая за вычетом ханской доли была в полном распоряжении каждого монгольского воина. Это являлось хорошим стимулом для того, чтобы выживать в самых непростых условиях, чтобы проявлять находчивость, выдержку, силу духа. Про это имелись недвусмысленные приказы завоевателей-полководцев: «Все трофеи, найденные солдатом в походе, как-то: пленные, скот, вещи — принадлежат только этому солдату, и запрещается его начальнику конфисковать их путем наказания и угрозы солдату».

Особо примечательными свойствами монгольских воинов были также настойчивость в достижении цели, внутренняя дисциплинированность и умение действовать сообща. Взаимная поддержка — вот главное, чем были пронизаны их отношения.

Значение тактики, ее постоянного совершенствования было осознано монгольскими племенными ополчениями еще в ходе степной войны всех против всех. В то время недостаток в живой силе у сторон компенсировался в первую очередь индивидуальным мастерством бойцов и постоянным поиском лучших тактических вариантов. Непобедимость армии Чингисхана заключалась в соединении большого количества умелых бойцов в организационную структуру, с ее жесткой дисциплиной и твердой иерархией, плюс несомненный талант выдающихся полководцев. Все эти составляющие и дали ошеломляющий нас до сих пор эффект непобедимой армии Чингисхана.

Полководцы разрабатывали тактику и стратегию ведения боев. От правильности их выбора в конечном итоге зависел исход сражения, военной кампании. В «Сокровенном сказании» — а это главный исторический источник — есть прямое указание на принятое у монголов разделение фаз сражения на три части: выдвижение, развертывание и собственно бой. Причем все они имеют свои названия, что является уникальным случаем: обычно про тактику монголов мы узнаем или от позднейших авторов, либо от противников монголов, не приводящих монгольской терминологии.

Обход конницы противника, причем широким походным движением, для нанесения флангового удара — один из главных тактических приемов монгольской армии. Окружение было выгодно тем, что давало преимущество лучшему оружию

монголов — метательному, то есть лукам со стрелами и дротикам. При этом наносились массированные удары сменяющими друг друга волнами, что позволяло на расстоянии, безвредно для себя, осыпать врага стрелами и дротиками. Как говорят эксперты военного дела, монгольские новшества в использовании конницей массированной стрельбы сопоставимы по своему поражающему эффекту с произошедшим позднее переходом от стрельбы из винтовки к использованию автоматического оружия. Следует заметить, что только развитие дальнобойной артиллерии и скорострельного стрелкового оружия завершило век конницы.

Еще один коронный прием монголов — заманивание противника в заранее рассчитанное место, т. е. прием знаменитых ложных отходов монголов, о которых сказано почти во всех источниках. Марко Поло детально описал то, как это происходило: «…убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих они приучили, как собак, поворачиваться во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как если бы стояли лицом к лицу с врагом. Бежит и назад поворачивается, стреляет метко; бьет и вражьих коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает оттого, что кони у него перестреляны да и людей изрядно перебито».

Еще один прием в тактике монголов — раздразнить неприятеля постоянными атаками. Для этого применялась легкая конница, а также маневренные группы, заранее обходящие по широким дугам врага и выходящие в назначенные места и в указанные сроки. Развитие этой идеи — выделение обходных маневренных групп — привело к появлению у монголов резерва, который мог использоваться как засадное подразделение. Огромное значение в тактике монголов придавалось внезапности и, соответственно, скрытности подготовки, сосредоточения и марша атакующих частей. Большую роль в этом играла превосходно поставленная разведка. Такие разнообразные подходы к ведению боя возвышали монгольскую армию над всеми, с кем им приходилось вступать в сражения.

В оставшиеся годы его жизни амбиции вели Чингисхана от победы к победе из пустыни Гоби и долины Желтой реки в древнекитайские царства, а оттуда через населенные турками и персами земли Средней Азии, через Афганистан — к Инду. Чингисхан сделал войну событием континентального масштаба. Способность его войска переносить долгие изнурительные походы не может не вызывать удивления и даже восхищения. Но чья в этом заслуга? Как такому количеству воинов удавалось сохранять

боевой дух, невзирая на трудности как собственного существования в условиях похода, так и связанные с содержанием лошадей? К тому же, кроме проблем физиологического характера, войско должно было каждый раз приспосабливаться к новому противнику. С этой задачей более чем успешно справлялся их великий полководец. Его способность находить актуальные решения впечатляет. Так, Чингисхан ввел новую стратегию ведения боя, противопоставив тяжеловесному рыцарству легкую мобильную конницу. Быстрая, внезапная, она меняла исход боя в свою пользу.

Ведение осады войском великого хана было настолько искусным, что завершило эпоху городов, окруженных стенами. Именно Чингисхан научил своих людей не только вести войну на необъятных просторах, но и поддерживать военные кампании годами и десятилетиями. Все остальные известные великие армии в истории человечества отправлялись в бой хорошо оснащенными. Они выступали с обозами, с запасами пищи и всего, что могло им пригодиться в долгом походе. А вот монголы отправлялись в бой налегке. Их войска не сопровождали обозы. Они дожидались самых холодных месяцев, чтобы можно было пересечь пустыню с минимальными затратами воды, учитывали все природные явления, заставляя их служить себе. Зимой в пустыне по утрам выпадала роса, позволявшая появиться траве, которая становилась пищей для коней и привлекала диких животных, на которых охотились воины-монголы.

Вместо того чтобы везти с собой тяжелые и медлительные осадные орудия, монголы брали с собой мобильный инженерный отряд, который мог соорудить все необходимые машины. За время непрерывных войн монголов успели смениться три поколения. За двадцать пять лет армия монголов покорила больше царств и народов, чем Римская империя за четыре столетия. Кони монгольских воинов пили из каждой реки и озера от побережья Тихого океана до Средиземного моря. В период расцвета империя Чингисхана достигала около 19 млн км^2.

Однако самый удивительный факт состоит в том, что число всех подчиненных ему монгольских племен не превышало одного миллиона человек, то есть было меньше стандартного штата многих современных корпораций. Из этого миллиона он и набирал свою непобедимую армию, в которую входило не более 100 тысяч воинов.

Монгольский метод ведения войны можно назвать квинтэссенцией традиционной степной системы ведения боевых действий, которая развивалась в Монголии более тысячи лет. Успех монголов объяснялся не превосходством в оружии.

Оружейные технологии нельзя долго хранить в секрете, они могут быть переняты противником уже после нескольких первых битв. Успех монголов вырос из их потрясающей дисциплины, сплоченности и беспримерной верности своему хану. Всегда и всюду воинов учили умирать за своих властителей, но Чингисхан никогда не просил своих солдат умирать за него. В отличие от других военачальников и императоров, которые с легкостью отправляли на смерть сотни и тысячи людей, Чингисхан никогда, не имея на то веских причин, не жертвовал ни одним из своих воинов. Самые важные правила, которые он создал для своей армии, касались потерь солдат. На поле боя воину воспрещалось говорить о смерти, ранах или поражении. Одна только мысль об этом могла привлечь неблагоприятный исход. Даже упоминание имен павших товарищей или других умерших воинов считалось серьезным табу. Каждый монгольский солдат должен был вести жизнь воина, верящего в то, что он бессмертен, что ничто и никто не в состоянии навредить ему.

Монголы не видели чести в самом процессе сражения, честью для них была победа. В любой войне у них была только одна главная цель — полная и безоговорочная победа. С этой точки зрения не имело никакого значения, какая тактика применялась против врага, и как именно велись битвы, и велись ли они вообще. Победа, достигнутая благодаря искусному обману или военной хитрости, была все равно победой и никак не пятнала чести и храбрости воинов, поскольку у каждого из них было еще множество возможностей показать свою удаль. Для монгольского воина не существовало такого понятия, как личная честь, если битва проиграна. Легенда приписывает Чингисхану такое высказывание: «Вещь можно назвать хорошей только после того, как она закончена».

Трудно переоценить значение вклада Чингисхана в мировое развитие. Это еще более удивительно, если вспомнить, что он не получил системного образования. Это удивительно, но при отсутствии фундамента было выстроено основательное сооружение. Для более наглядного понимания уровня и масштабности его деяний представьте себе, что Соединенные Штаты создали не богатые торговцы и образованные плантаторы, а один из неграмотных рабов, который благодаря исключительно силе своей личной харизмы и решимости освободил Америку от контроля Англии.

Создание в результате неустанной борьбы единого монгольского государства — самая главная заслуга Чингисхана. Это памятник, воздвигнутый ему в монгольской и мировой истории. Он чувствовал, что новым единым монгольским

государством нельзя управлять старыми методами, которыми прежде управляли вожди монголоязычных родов и племен; он осознал необходимость сильного государства, предложил его новую структуру и форму и сам осуществил задуманное. Объединив народ, он создал алфавит, выработал новые правила существования государства, своеобразную конституцию, установил абсолютную свободу вероисповедания, перевел искусство военных действий на принципиально новый исторический уровень, прошел со своей победоносной армией всю Азию. Через завоеванные им территории пролегли новые торговые пути, протянувшиеся через весь континент. На любом уровне и с любой точки зрения масштаб и величие свершений Чингисхана потрясают воображение.

При нем была установлена власть закона и отменено применение пыток, но в тоже время Чингисхан устраивал рейды по розыску и уничтожению грабителей и убийц. Он отказался от традиции обмена заложниками и стал предоставлять дипломатическую неприкосновенность всем послам, включая представителей стран, с которыми в то время воевал.

Чингисхана обычно ставят в один ряд со многими завоевателями. Можно, конечно, сравнить масштабы их побед и поражений, а можно вспомнить о том, что большинство из них ушли из жизни безвременно. При невыясненных обстоятельствах в Вавилоне в возрасте тридцати трех лет умер Александр Македонский, а его приспешники уничтожили его семью и растащили завоеванные земли. Юлия Цезаря зарезали в Сенате его бывшие союзники и друзья. Наполеон, после того, как все его завоевания и достижения рассыпались прахом, встретил одинокую смерть в качестве пленника на одном из наиболее отдаленных и труднодоступных островов на планете.

В отличие от вышеперечисленных деятелей, Чингисхан дожил до семидесяти лет и умер в своей постели, находясь в походе, окруженный своими близкими, верными друзьями и преданными воинами.

Согласно монгольским поверьям, мертвое тело не нуждается в особых памятниках. Зачем они, если душа уже его покинула? Монголы считают, что душа переселяется в сульдэ — Духовное знамя. Это копье, к древку которого чуть ниже наконечника привязаны пряди гривы лучших коней. Это знамя ставилось при входе в шатер как герб и защитный амулет. Духовное знамя должно было всегда находиться под Синим Небом, которому поклонялись монголы. Развевающиеся на степном ветру конские пряди вбирали в себя силу ветра, неба и солнца, силу, которую затем получал от сульдэ его владелец. Душа Чингисхана

вселилась в его Духовное знамя и осталась в нем жить вечно. После похорон Чингисхан, выражаясь поэтически, растворился в бескрайних степях Монголии, из которых когда-то пришел. Истинное место захоронения так и осталось неизвестным, зато в виду отсутствия достоверной информации зародилось множество легенд, связанных с могилой Чингисхана.

Все тайны империи Чингисхана, казалось, были похоронены вместе с ним, на его таинственной родине. Даже после того, как Монгольская империя пала, а иностранные завоеватели вторглись в эту часть Монголии, монголы не позволяли никому тревожить прах своего великого предка. Они выполнили его завет, иначе быть не могло.

Все, связанное с историей этого народа, всегда разделяло историков да и просто людей, интересующихся историей, на два лагеря. Одни признавали величие степного народа, другие пытались представить его как племя безжалостных варваров. По прошествии столетий многие ученые рассматривали жестокости и зверства, совершенные людьми вроде Александра, Цезаря или Наполеона, на фоне их свершений или их особой миссии в истории. В случае же с Чингисханом и монголами их достижения забываются, а преступления и жестокость раздуваются стократ. Само имя Чингисхана превратилось в синоним кровожадного дикаря, варвара, безжалостного завоевателя, который получает наслаждение от самого процесса разрушения. Чингисхан, его орда и в немалой мере все народы Азии были заменены одномерными карикатурами на все то, что лежит за пределами «цивилизованного мира».

Племя Чингисхана получило множество имен — тартары, татары, мугалы, могулы, моалы, монголы, — но какое бы имя им не давали, оно всегда несло на себе отпечаток ненависти и презрения. Когда ученые XIX века пытались доказать расовую неполноценность азиатских народов и американских индейцев, они ссылались на то, что они монголоиды.

И разумеется, монголы стали козлами отпущения для других народов в деле оправдания их собственных неудач и недостатков. Когда Россия не могла угнаться за техническим развитием стран Запада или военной мощью имперской Японии, виной тому было, конечно, монголо-татарское иго, порожденное Чингисханом. Когда Персия отстала в развитии от своих соседей, это произошло потому, что монголы разрушили там ирригационные системы. Когда Китай оказался далеко позади Японии и Европы, причиной тому оказалась жестокая эксплуатация и репрессии со стороны его монгольских и маньчжурских правителей.

В XX столетии два открытия создали неожиданную

возможность найти ответы на некоторые из этих вопросов. Первым открытием стала расшифровка рукописей, содержащих утраченную историю Чингисхана. В XIX веке в столице Китая Пекине был обнаружен документ, написанный китайскими иероглифами. Ученые легко распознали их, но текст казался абсолютно бессмысленным, так как в нем использовался специальный код, где иероглифами передавали звуки монгольской речи XIII века. Ученым удалось прочитать только небольшие аннотации к каждой главе, написанные по-китайски, из которых можно было понять грандиозную важность этого текста, но сам текст все еще оставался загадкой. Из-за тайны, связанной с этим документом, ученые назвали его «Сокровенным сказанием монголов». Под этим названием он известен и по сей день.

Мы уже упоминали, что на протяжении всего XX века расшифровка «Сокровенного сказания» в Монголии оставалась смертельно опасным занятием. Коммунистический режим не позволял простым людям и ученым работать с этой книгой, опасаясь, что она может создать у тех неверные политические представления. Тем не менее, вокруг «Сокровенного сказания» выросло целое подпольное движение ученых. В кочевых лагерях в степи весть об обнаружении «Сокровенного сказания» передавалась из уст в уста. Вопреки репрессиям, проводившимся официальным коммунистическим режимом, монгольский народ был решительно настроен не потерять это сказание вновь.

За пределами Монголии исследователи многих стран — в России, Германии, Франции и Венгрии — вели работу по расшифровке этого текста и переводу его на современные языки. Их работа была очень затруднена отсутствием доступа к источникам внутри самой Монголии. Даже в переводах текст оставался крайне темным, поскольку он явно был написан для узкого круга людей из близких родственников Чингисхана. Это предполагало не только прекрасное знание культуры монголов XIII века, но еще и точной географии страны.

Второе важное открытие произошло неожиданно в 1990 году, когда распался Советский Союз, закончилась «советизация» Монголии. Советская армия была выведена из страны. Мир Внутренней Монголии вновь открылся для пришельцев извне. Постепенно люди стали пробираться в запретную зону. Монголы были счастливы, получив долгожданную свободу. Одним из символов освобождения стало для них чествование памяти их великого предка Чингисхана.

Что ж, следует признать исторические факты: монголы не совершили никаких великих научных открытий, не основали

новой религии, не создали выдающейся литературы и не дали миру новой системы сельского хозяйства. Их собственные ремесленники не умели ткать, плавить металл и даже выпекать хлеб. Они не изготавливали ни глиняной, ни фарфоровой посуды, не имели ни живописи, ни архитектуры. Но, когда их армии покоряли одну культуру за другой, монголы бережно сохраняли ее достижения и передавали от одной цивилизации к другой.

Единственные сооружения, которые строил Чингисхан, были мосты. Монголы прокатились по материку, как завоеватели, но в то же время стали распространителями науки и культуры. Монголы, которые унаследовали империю Чингисхана, демонстрировали настоящий талант к перемещению товаров и предметов роскоши, но главное — они научились делать из них необыкновенные комбинации, позволяющие улучшить любое из открытий. Каждое ценное само по себе открытие монголы умудрялись улучшать, сочетая его с другим, и получались невероятные комбинации! Так на свет появилась пушка и все виды огнестрельного оружия.

Умение Чингисхана управлять людьми и использовать технические нововведения стало плодом почти сорока лет непрерывной войны. Он не получил, как подарок свыше, свой талант военачальника, умение вселять в людей веру, вести за собой, способность распределять ресурсы и знания на мировом уровне.

Все его уникальные способности и умения пришли постепенно, через постоянные изменения и улучшения, многолетний опыт и трезвый практичный и целеустремленный ум. Причем его путь воина начался задолго до того, как родилось большинство его воинов. В каждой битве он учился чему-то. В каждой схватке он приобретал новых союзников и дополнительные военные умения. В каждом бою он добавлял новые идеи в вечно меняющийся набор тактических, стратегических и боевых приемов. Чингисхан никогда не «повторял» одну и ту же битву дважды.

Здесь следует более подробно остановиться на стратегии ведения боя кочевыми народами. Кочевники-монголы с самого детства учились стрелять, а значит, и сражаться, на скаку. Они воевали с песней, цитируя законы — удивительно! Плюс, как уже было отмечено, отношение к результату боя: для воина-земледельца отступление означало поражение, а погоня за противником — победу. Задача пехотинца всегда заключалась в том, чтобы разрушить строй противника и обратить его в бегство. Кочевники же стремились убить врага. И, выполняя эту задачу, им было совершенно неважно, будет это сделано, когда всадник

мчится на врага или когда он от него убегает. Наступать или отступать — для монголов это было одинаково приемлемым способом нанести противнику поражение. Как только им удавалось выманить противника из-за стен крепости, они использовали те же приемы, что и для перегона больших стад. Чаще всего они либо позволяли преследователям растянуться в длинную линию, которая вскоре становилась совершенно беззащитной, либо разделялись на небольшие отряды с тем, чтобы преследователи тоже разделились на меньшие группы, с которыми потом легче было бы справиться. Даже если монголы и вправду отступали, они использовали множество военных хитростей, которые помогали им спастись.

Заслуживает внимания и то, как монголы относились к завоеванным народам: обещали справедливое обращение тем, кто покорится им, но тем, кто окажет сопротивление, клялись нести только смерть и разрушение. Если люди принимали монголов и вели себя, как родичи, предоставляя пищу воинам и коням, те обращались с ними, как с членами семьи, наделенными определенными базовыми правами, и главное — правом на их защиту. Если же местные жители не хотели стать монголам родичами, они становились врагами. Третьего не дано потому, что в те времена договариваться было трудно. Лев Гумилев отмечал, что понятия дипломатической неприкосновенности тогда не существовало. В случае, если посол передавал неприемлемое предложение, его убивали. Иногда за этим следовала война, но не всегда, и рассматривалась она не как воздаяние за преступление, а просто как решение проблемы, о которой не удалось договориться. Поэтому все войны в мире велись варварски.

Ярлыки чаще навешивают те, кто не владеет вопросом на глубинном уровне. Вряд ли поведение норманнов во время их набегов можно назвать более цивилизованным. Да и поведение крестоносцев в Святой земле было далеким от рыцарского. И гораздо позже членов Тевтонского ордена славяне прозвали «псами-рыцарями». Рыцари — псы? Дух рыцарства жил только на турнирах во имя прекрасных дам, не более того.

Гораздо важнее, что на степных просторах нашлось место такому важному понятию, как взаимовыручка. В бою это ценится гораздо выше знаний придворного этикета и включает в себя гарантию, которая давалась боевому товарищу, ставшему жертвой предательства. Если его не могли спасти, то за него следовало отомстить нарушителям закона гостеприимства. Противники монголов на это возражали, что на войне убивают и что обман, ныне называемый дезинформацией, дозволен, что те, кто не

участвовал в убийстве посла, не виноваты, а следовательно, не несут за чужой поступок ответственности.

На это монгольское правосознание возражало, что смерть на войне действительно естественна, ибо «за удаль в бою не судят». Более того, самым доблестным противникам, попадавшим в плен, предлагалась не только пощада, но и вступление в ряды монгольского войска с правом на выслугу. К сожалению, любая война предполагает насилие. Оно заложено в самой ее сути, поэтому, стоит ли обвинять Чингисхана и его войско в жестокости при ведении боевых действий? Путь воина не устлан цветами. Он покрыт трупами врагов и тех, кто попал в горнило войны случайно. Но говорить о том, что Великий хан получал наслаждение от кровопролития, от необходимости устрашать, однозначно преувеличение. В то время это было необходимостью, и Чингисхан четко придерживался его правил и условностей. К сожалению, монголам обычно принято приписывать полное уничтожение «цветущих земледельческих цивилизаций», тотальное разрушение городов и даже изменение ландшафта — превращение оазисов в пустыни. Однако известно, что сам Чингисхан не раз говорил: «Никогда не используй насилие прежде других мер».

Монголы никогда не стремились к тотальным разрушениям и террору, не проявляли какой-либо особой жестокости. Хотя любые войны во все времена были отнюдь не гуманными. Конечно, были и реки крови, и развалины, и толпы пленных — на войне как на войне. Современники Чингисхана свидетельствуют: он говорил, что высшее наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмутившегося, победить врага, вырвать его с корнем, гнать побежденных перед собой. Отнять у них то, чем они владели, видеть в слезах лица тех, которые им дороги, ездить на их хороших лошадях, сжимать в объятиях их дочерей и жен… Эти слова великого завоевателя показывают, что для Чингисхана были важны результаты победы; его манили не удалые забавы, не слава, даже не власть, а обладание плодами победы над врагами, когда обретаются новые блага жизни.

Чингисхан никогда не практиковал жестокость ради жестокости и своими приказами запрещал бесцельное уничтожение мирного населения. За нарушение этого приказа во время войны в Персии один из лучших его воевод, Тогучар, подвергся строгому наказанию. Население добровольно сдававшихся городов обыкновенно щадилось и только облагалось умеренной данью. Крупные налоги взыскивались лишь с богачей — вот таким дифференцированным был подход. Кстати, духовенство освобождалось от каких бы то ни было налогов и

натуральных повинностей. Но в тех случаях, когда население городов оказывало монголам сопротивление, оно истреблялось поголовно, за исключением женщин и детей, а также художников, ремесленников и вообще людей, обладавших техническими знаниями, которые могли быть полезны монгольскому войску.

Да, террор применялся с беспощадной последовательностью, но исключительно к населению восставших городов и областей в тылу войска. Этому имелось здравое объяснение — только таким образом можно было обеспечить спокойствие в тылу армии, слишком малочисленной для того, чтобы выделить крупные гарнизоны для завоеванных городов. Такой образ действия вызывался «военной необходимостью», которую европейцы практиковали в еще более грандиозных размерах, чем Чингисхан. При этом европейцы почему-то склонны считать своей монополией жесткое отношение в подобных ситуациях. Кстати, другим в таком праве они отказывали.

Поэтому в оценке приписываемых Чингисхану и монголам жестокостей необходимо принимать во внимание два важных обстоятельства. Первое — это то, что он жил не в XIX и не в XX веке, а в XII–XIII. Поэтому судить о нем следует в соответствии с правилами его эпохи. Она, равно как последующие за ней столетия, не была идиллическим веком человечества, об этом свидетельствуют многие исторические факты. Поэтому, сравнивая Запад и Восток, необходимо указывать, о каком периоде идет речь. Ведь так называемые «фундаментальные ценности» появились на Западе только после Второй мировой войны. Если же проследить историю Запада на всем ее протяжении, то сравнение будет явно не в пользу Запада. Взять, к примеру, Филиппа II Августа — короля Франции, который в 1209 году практически уничтожил все население Прованса. В исторических хрониках сообщалось, что общее число его жертв исчислялось сотнями тысяч. Удивительно, что этот король не получил прозвища Кровавого, Ужасного или хотя бы Грозного, подобно Ивану IV, которого назвали так за несравнимо меньшие злодеяния.

Можно вспомнить также живших несколько ранее Бориса и Глеба, невинно убиенных своим братом Святополком, прозванным после этого в народе Окаянным. При этом память о них — ведь они были князьями и стали святыми — дошла до наших дней. А сколько отцов, детей или просто родственников было уничтожено на Западе монархами или претендентами на трон? Сколько страшных интриг привело к мученическому уходу тех, кто оказался на пути к власти? И осталось ли в памяти народной хоть одно имя, подобное Борису и Глебу?

Можно вспомнить и повествование о разгроме Льежа Карлом Смелым (какая ирония — Смелым, а не Ужасным) в 1468 году. Число убитых там составило пятьдесят тысяч человек. А в 1573 году в Гарлеме герцог Альба уничтожил около двадцати тысяч жителей города. И это через более чем три века после Чингисхана.

Невозможно оставить без внимания еще одну, пожалуй, самую жуткую проблему XVI века — охоту на ведьм. Сколько невинных женщин было предано огню только из-за рыжего цвета волос или просто потому, что пришел донос. Исходным пунктом охоты на ведьм послужила жесточайшая «ведовская булла» папы Иннокентия VIII, написанная в 1494 году. Главным в ней была уже не чистота христианской веры, а беспощадное искоренение колдовства. Количество жертв этого папы исчислялось сотнями тысяч. За сто пятьдесят лет в Италии, Испании и Германии было сожжено более тридцати тысяч якобы ведьм. В это страшное число входили даже маленькие девочки в возрасте от семи до десяти лет.

В Нейсе для сжигания людей была построена особая печь огромных размеров. Получается, что палачи Освенцима, Майданека и других фашистских концлагерей ничего нового не придумали, — они лишь наследовали опыт своих прадедов. Уничтожение женщин приняло такие катастрофические размеры, что в некоторых городах на тысячу мужчин оставалось по нескольку женщин. Город Роттенбург оказался под угрозой остаться вообще без слабого пола, такие жуткие масштабы приняло уничтожение «ведьм». Охота на них продолжалась и в XVII, и XVIII веках. В 1715–1722 годах в Баварии была отмечена новая вспышка ведовских процессов, во время которых, как в самые худшие времена, снова жгли девочек. Последний процесс состоялся в швейцарском городе Гларусе в 1782 году, когда была осуждена Анна Гельди. И произошло это совсем не в «мрачное средневековье». И в это же время Европа, несмотря на все эти ужасы, считавшая себя цивилизованной, позволяла себе говорить о монгольском нашествии как о варварском деянии безжалостных кочевников.

А теперь вернемся в XIX век. В 1858 году англичане и французы нашли пустяковый предлог и затеяли войну с Китаем. По Тяньцзиньскому мирному договору европейцам было торжественно предоставлено право распространения христианства через миссионеров и ввоза опиума — этого сильнейшего наркотика и яда для организма. Кроме того, параграф седьмой этого договора воспрещал китайцам называть европейских капиталистов тем, чем были они, — «варварами». Да,

это было прописано в таком важном документе. В то время в Китае бушевало восстание тайпинов, которое подавляли англо-французские войска. Они сожгли двести буддийских храмов и замков, наверное, для того чтобы доказать всему миру, что европейцы не варвары. Хороший пример продемонстрировал осенью 1860 года генерал Кузэн, разграбив императорский Летний дворец близ Пекина. Лорд Эльджин, желая затмить славу этого французского генерала, приказал сжечь этот дворец, который по художественной ценности можно поставить рядом с собором Святого Марка в Венеции. Тогда китайцы поняли, каковы эти носители европейской «общечеловеческой» культуры.

Также множество военных преступлений, приписываемых монголам, — вовсе не их рук дело. Традиционный подход: если датировка развалин приблизительно совпадает с XIII веком, то их появление — «дело рук варваров Чингисхана». Но если более внимательно ознакомиться с письменными источниками, то можно выяснить, что всего десятью годами раньше эти «цветущие оазисы» были разрушены хорезмшахом Мухаммедом II Гази или его сыном, шахом Джелал-ад-Дином, преспокойно разорявшим земли Ирана и Закавказья до тех пор, пока 20 лет спустя он не был остановлен армией, посланной Угедэем. Кроме того, в это же время множество городов и территорий пострадало от междоусобных и религиозных конфликтов, не связанных с монголами.

Когда приходили монголы, они считали, что теперь это уже их земля, а не чужая, и старались показать, что они пришли не на время, а на долгие годы. И, что характерно, после ухода армии в ее тылах, как правило, не начиналась непримиримая партизанская война. На деле получалось, что население не расправлялось с оставленными наместниками и не стремилось к восстановлению прежней династии или системы управления. Возможно, этим можно объяснить, как монголам, которых в начале XIII века насчитывалось всего около 700 тысяч человек (включая женщин, стариков и детей), удалось покорить без современных средств перемещения, вооружений и оружия массового поражения 85 % территории Евразии с населением около 120 миллионов человек. И не только покорить, но еще и удерживать их в течение нескольких столетий. Вероятно, монголам удалось как-то заинтересовать население покоренных стран. Совершенно очевидно, что при таком соотношении сил и в условиях того уровня развития техники ни создать, ни удержать такое огромное государство на насилии невозможно.

После завоевания города монголы проводили одну и ту же процедуру с плененным населением вражеского оплота. Во-

первых, они убивали всех солдат. Объяснение простое: монгольская армия состояла только из всадников, и ей не было никакого толку от солдат, обученных защищать крепостные стены. К тому же, было бы нелогично оставлять позади много врагов — они могли бы перекрыть им путь обратно в Монголию. После этого монгольские военачальники отправляли чиновников, чтобы они разделили мирное население по профессиям. Это было важно и принципиально для того, чтобы двигаться дальше. Профессионалами считались все, кто умел читать и писать на любом языке. Отбирали писцов, врачей, астрономов, судей, инженеров, учителей, представителей религиозных конфессий. Монголам были нужны купцы, караванщики, толмачи, а также ремесленники. Все они могли рассчитывать на службу, поскольку их завоеватели не были знакомы ни с какими ремеслами, кроме войны, скотоводства и охоты. Их быстро растущая империя нуждалась в умелых работниках практически во всех сферах деятельности. Были нужны кузнецы, гончары, столяры, бондари, ткачи, кожевенники, красильщики, кроме того, горняки, стеклодувы, портные, специалисты по производству бумаги, ювелиры, музыканты, брадобреи, певцы, жонглеры, аптекари, повара.

Люди без профессий отправлялись с монголами в следующий поход. Они таскали тяжести, копали рвы и служили живым щитом при штурме. Их жизнями монголы жертвовали в своей войне. Да и в Европе и на Ближнем Востоке, согласно кодексу «благородной войны», который использовался во времена Крестовых походов, враждующие аристократы демонстрировали некое уважение друг к другу, но при этом без зазрения совести уничтожали простых солдат. Они предпочитали брать побежденных врагов в заложники, чтобы затем требовать от их семей и стран выкуп за их освобождение. Монголы поступали с точностью до наоборот: они стремились как можно скорее перебить всех вражеских аристократов, чтобы тем самым предотвратить будущие войны против них. Чингисхан никогда не принимал в свою армию аристократов из стана врага. Уничтожая их, монголы обезглавливали социальные структуры врагов и тем самым предотвращали дальнейшее сопротивление. К слову, Чингисхан признавал только те звания и титулы, которые даровал сам. Даже союзный князь или царь, который хотел сохранить свой титул, должен был получить подтверждение на него от великого хана.

Заслуживает внимания и еще один факт, доказывающий дальновидность Чингисхана. Однажды он понял, что лучшим оружием, нежели мечи, порой бывает бумага и та информация,

которую она несет. Его не интересовали записи его свершений или панегирики в его честь. Он хотел, чтобы все знали о том, какой непобедимой армией он командует, какие замечательные воины находятся под его командованием, о том, что они могут быть и справедливыми, и безжалостными. Да, нельзя отрицать, что воины Чингисхана убивали огромное количество людей и сделали смерть делом политики, направленной на распространение паники и ужаса в стане врагов. Но не менее важно то, что они уклонялись от другой распространенной в те времена военной практики — пытать и калечить пленных. И хотя в этот жестокий век война часто становилась своего рода соперничеством в умении вселить во врага ужас, монголы были выше того, чтобы подвергать пыткам тех, кто не может оказать им сопротивления.

Довольно много городов сначала сдавались на милость монголов, дожидались пока их армия пройдет дальше, а затем поднимали восстания против монгольских ставленников. Ведь общеизвестно, что монголы оставляли в городах только несколько чиновников и совсем не оставляли войск. Горожане воспринимали это как знак того, что монголы больше уже никогда сюда не вернутся. Такие непокорные города карались без всякого милосердия. Монгольская армия быстро возвращалась и полностью уничтожала восставших, ибо город, который разрушен до основания, больше не сможет поднять восстание. Такая политика была вызвана исключительно ответной реакцией на протест — победители не прощали сопротивления. Убийства совершались для устрашения, для того, чтобы другим послужить уроком, а значит — в будущем уменьшить кровопролитие. Да и цифры, описывающие количество убитых, как нам кажется, сильно преувеличены.

О том, что Чингисхан был последовательным в своих действиях, говорит история завоевания тангутов[10]. Как известно, их предводитель отказал великому хану в помощи для похода на Хорезм. И после его успешного завоевания у монголов появилась новая цель: наказать тех, кто когда-то не пожелал помочь. Так сложилось, что война против тангутов стала последней в жизни Чингисхана. Зимой 1226/27 г. во время перехода через пустыню Гоби Чингисхан остановился, чтобы поохотиться на диких лошадей. Норовистый конь сбросил Чингисхана на землю. Не желая прекращать поход, не взирая на лихорадку и боль от сильнейшего ушиба, он пошел дальше. Ни уговоры преданных военачальников, ни советы любимой и мудрой жены не смогли заставить его вернуться домой.

Хотя его здоровье так и не восстановилось, Чингисхан все

равно продолжил войну с тангутским царем. Ирония судьбы — того звали Бурхан, то есть «бог». Он оказался тезкой священной горы Бурхан Халдун. Это имя было настолько свято для Чингисхана, что он приказал сменить царю имя, прежде чем казнить его. Это было высшим проявлением уважения к священному для повелителя месту. А полгода спустя и всего за несколько дней до полной победы над тангутами Чингисхан умер.

Трудно сказать, какую память надеялся оставить после себя Чингисхан. До наших времен дошло одно из писем, в котором говорится о том, как он оценивал свою деятельность. Оно адресовано одному китайскому монаху, ученик которого сделал копию текста. В отличие от «Сокровенного сказания», которое описывает только события и сказанные слова, это письмо — единственное свидетельство размышлений Чингисхана о самом себе и своем месте в мире (письмо доступно только в переводе на классический китайский язык). Чувства и принципы Чингисхана довольно ясно отражаемы в этом документе. Из него становится ясно, что этот великий человек не думал о своих уникальных способностях. Он отмечает, что особыми дарованиями не отличается, не любит заносчивости и развращенности. Несмотря на огромное богатство и власть, которые он имел, Чингисхан продолжал вести простую жизнь: «Я ношу ту же одежду и ем ту же пищу, что и пастухи в степи. Мы приносим одни и те же жертвы, и мы делим богатства поровну». В письме изложено краткое резюме мировоззрения великого завоевателя: «Я ненавижу роскошь» и «Я практикую умеренность». Он старался обращаться со своими подданными справедливо, строго и с любовью, как со своими детьми, а одаренных людей считал своими братьями, несмотря на их происхождение. Он преклоняется перед образованными людьми и уверен, что отношения с ними нужно строить на основе взаимного уважения, привязанности и преклонения перед величием знаний, ума.

Чингисхан был уникален еще и своим желанием править не в соответствии с какой-то известной моделью, а по собственному сценарию, подходящему для степной империи. Но важнее всего то, что в этом письме отражен поворот в политическом мышлении Чингисхана. Признавая свои недостатки, он демонстрирует растущее осознание собственного значения и собственной роли на земле. Он трудился над «великой работой», потому что хотел «объединить весь мир в единую империю». Он был уже не вождем какого-то племени, теперь он хотел стать правителем всех людей и земель от востока до заката. Но все смертны, и этому желанию великого воина не суждено было сбыться.

Более семисот лет назад один человек завоевал почти весь

известный мир. Если так можно выразиться, уровень его завоеваний гораздо выше, нежели всех деятелей на европейской арене. В недавнем прошлом кочевник, он сокрушил могущество трех империй. Даже если сравнить Чингисхана с великим европейским гением в области военных стратегий — Наполеоном, — очевидно, что последний проигрывает ему: одну армию он бросил на произвол судьбы в Египте, остатки другой оставил замерзать в снегах России. Его сын лишился наследства еще при жизни отца.

Пожалуй, Чингисхана в области военной мысли можно сравнить только с Александром Македонским. Они и ушли похоже — в зените своей славы. Только, к сожалению, полководцы Александра Великого сразу вступили в жестокую борьбу между собой за обладание его царством, а потомок Чингисхана мирно вступил во владения империей, простирающейся от Армении до Кореи, от Египта до Волги.

Как любой великий человек, Повелитель Вселенной испытывал недовольство собой. Однако он создал то, что помогло объединить степные народы, поднять их культуру на качественно новый уровень. Конечно, речь идет о своде законов — «Ясе». Идея объединить в юридический кодекс всю совокупность законов, правил и обычаев вполне соответствует тому, что известно о характере Чингисхана. В этих законах отразилось и его стремление к порядку, и склонность к тщательнейшей аргументации. Чингисхан решил, что монгольский порядок будет отныне применяться ко всем покоренным народам. «Яса» — запрет, дополненный «Биликом» (постановлениями), — была официально продиктована уйгурским писцам и записана в «Синих тетрадях», к сожалению, утраченных и восстановленных по записям Джувейни и Рашид-ад-Дина. «Великая Яса» — прославленный законодательный акт, вошедший в историю Монголии, доказательство величия его составителя. По сути, «Яса» всего лишь собрала воедино и закрепила вековые обычаи монголов. Но в своем стремлении положить конец анархии, с которой Чингисхан так долго боролся, он сумел укрепить родовую и семейную иерархию, регламентировать систему собственности и наследования. Кроме того, закон придал официальный статус обычаям и нравам, рожденным в степи. В «Ясе» нет ничего, что шло бы против обычаев кочевников или меняло основу иерархии, родственных отношений между людьми, связанными узами крови или брака. Нельзя не признать, что «Яса» сплотила народы. Иностранные исследователи неоднократно отмечали, что этот документ оказал большое влияние на становление и развитие государственности и

законотворчества не только империй потомков Чингисхана и государств, входивших в них, но и многих иностранных держав.

Появление этих законов не было случайностью. Чингисхан видел шаткое равновесие между племенами, понимал, что достаточно малейшего повода, чтобы оно нарушилось. Задача искоренить привычные для этих мест поводы для раздоров стояла на повестке дня. Ему, тому, кто мечтал завоевать как можно больше земель, хотелось, чтобы между народами степи было как можно больше взаимопонимания. И тогда, чтобы сохранить мир среди своих разнородных племен, Чингисхан провозгласил закон, который ликвидировал традиционные поводы для межплеменных войн и вражды.

«Яса» была провозглашена владыкой монголов на курултае 1206 года, тогда же, когда Темучжин стал Чингисханом. «Великая Яса» — это свод законов, которые должно было соблюдать монгольское общество, причем свод кодифицированный, по приказу Чингисхана записанный, как уже было упомянуто, уйгурским письмом. (Монгольская письменность создана на базе уйгурского алфавита.) «Яса» не отменяла обычное право монголов («торе»), оно продолжало действовать, но с этого времени главным законом стала именно «Яса». Точнее, закон Чингисхана включил в себя и ряд важнейших элементов обычного права, и то новое в законодательстве, что определил уже сам монгольский владыка.

Появление «Ясы» при Чингисхане стало промежуточным этапом к созданию настоящей, структурированной законодательной, правовой системы. Вспомним, что он не был правоведом и в создании свода законов руководствовался исключительно практикой, опирающейся на его опыт, здравый смысл и логику, а не на достижения развитой цивилизации. Этот свод законов был создан на основе существовавшего тогда уровня культуры монгольских кочевников и представления Чингисхана о том, как должны жить народы степи. Потому эта правовая система была, безусловно, важным шагом на пути развития государственности, но в то же время несла в себе черты, присущие родовым обществам. К ним относятся смешение воедино законов, повелений и рассуждений. Все это произрастало из привычной традиции, когда вместо письменного закона опирались на объяснение «мудрыми и достойными» людьми того или иного случая. Введя официальный свод законов, Чингисхан кардинально изменил источник права — это теперь не общие традиции, а его воля.

Сама «Яса» дошла до нас лишь фрагментарно в виде текстов, хронологию которых очень трудно восстановить. Внедрение

кодифицированного права в обществе, до этого не знавшем письменного законодательства, — дело не одного дня. Поэтому окончательное формирование «Великой Ясы» можно отнести уже к временам Угедэя, преемника Чингисхана. По-видимому, на великих курултаях 1229-го, 1235-го и 1240 года «Яса» Чингисхана была расширена за счет формального включения в нее части так называемого «Билика» — записанных изречений Повелителя Вселенной на самые различные темы.

Законы, провозглашенные Чингисханом, играли исключительно важную роль в монгольском государстве. Причем не только во время его существования, но и после его распада на отдельные части. «Яса» стала и фундаментом, и скрепляющим раствором всей державы. Четкие формулировки «Ясы», подкрепленные необычайно жестокой системой наказаний, регламентировали все основы жизни нового государства — от повседневных бытовых правил до принципов дипломатии и ведения войны. Введение «Ясы» породило у монголов исключительное законопослушание и внедрило устойчивый порядок в жизнь этого народа, что было совершенно не характерно для диких кочевников, которыми их считали.

Интересно, что этот свод законов был достаточно легко принят народом. Более того, монголы искренне гордились тем, что только у них есть этот исключительный закон, а все остальные народы находятся в заведомо худшем положении, потому что у них нет «Ясы». Одним из факторов, обеспечивавших спокойное принятие «Ясы» и следование ее нормам, было установление порядка в обществе, до этого находившемся в состоянии тяжелого кризиса. Здесь Чингисхану пришлось снова действовать очень жестко. Тем более, что речь шла уже не о завоеваниях, не о расширении империи, а об укреплении державы. Для того чтобы навести в ней порядок, великий правитель разрешил сурово карать за его нарушение без каких-либо мук совести. Смерть за провинности была узаконена. Волей Чингисхана, опирающегося на могучую военную силу, такой порядок и был установлен. А «Яса» этот порядок окончательно узаконила и фактически придала ему священный характер. Нельзя не отметить, что сами монголы считали свод законов соглашением с высшими силами, соглашением с богом, который передал свою волю через своего наместника на земле — Чингисхана.

«Ясу» приняли все: и простой народ, и воины, и верхушка общества. Объяснялось это достаточно просто: очень важным обстоятельством было то, что суровость законов уравновешивалась их справедливостью. Ведь «Яса»

кодифицировала основные элементы обычного права, то есть вековых обычаев. В них входили и помощь слабому, и уважение к родителям и старшим, и нетерпимость к предательству и много других установлений. Но, наверное, самым важным было то, что «Яса» стала законом, обязательным для всех без исключения монголов, и богатых, и неимущих. Преступление оставалось преступлением, кем бы оно ни было совершено. Лишь один человек, ее создатель, жил словно вне «Ясы», поскольку он ее и олицетворял — Чингисхан. Но нарушить «Ясу» не смел никто! В этих законах было продумано все.

Что же еще было декларировано «Ясой» такого, что объединило всех монголов, — их обязывали не изменять кочевому образу жизни. Вот то главное, благодаря чему эти люди чувствовали себя одним целым, одной большой семьей. Соблюдение этого правила, вне зависимости от того, что вкладывал в него Чингисхан, вело к тому, что монголы, даже живя среди оседлых народов, не растворялись в них. Конечно, в таком искусственном противопоставлении крылись и свои подводные камни: самими оседлыми народами монголы всегда воспринимались как чужаки, захватчики, а следовательно — враги.

Остается только сожалеть о том, что полный текст «Великой Ясы» до нас не дошел, сохранились только отдельные фрагменты, причем в разных источниках они порой не совпадают и даже противоречат друг другу. Однако и то, что сохранилось, позволяет уверенно сказать: «Яса» была чрезвычайно жестоким законодательством. Большинство преступлений каралось смертной казнью. Например, казнь следовала за кражу и скупку краденого, сокрытие беглого раба и даже помощь ему, за прелюбодеяние и троекратное банкротство, конокрадство и чародейство. Даже невозвращение оружия, утерянного владельцем и случайно найденного, и отказ проходящему путнику в воде и пище (то есть нарушение законов гостеприимства) наказывались смертью.

Джувейни в «Истории завоевания мира» писал, что соответственно своему пониманию Чингисхан создал для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило. У него была особенность — он подходил к решению любого вопроса основательно, поэтому все начатое доводил до логического завершения и никогда не ставил задач, в решении которых сомневался. Будучи сам законопослушным человеком, он решил прописать все каноны, по которым должен жить монгольский народ. «И для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров

научили письму монгольских детей, и те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они «Великой Книгой Ясы». В ту пору, как зачиналось его дело и племена монгольские к нему присоединились, отменил он дурные обычаи, что соблюдались теми племенами и признавались ими, — и положил похвальные обычаи которым всепрославленный им путь указывает, и много среди тех приказов есть, что соответствуют шариату».

Великий Закон Чингисхана кардинально отличался от других, которые мы можем найти в истории. Его составитель не обосновывал появление своего законодательства тем, что оно снизошло к нему как послание свыше, как откровение от Бога или как наследство от некой оседлой цивилизации. Чингисхан поступил чрезвычайно мудро. Он заботливо отобрал древние обычаи степных кочевников, но упразднил те из них, которые мешали функционированию нового общества. Он разрешал людям жить по местным законам постольку, поскольку они не нарушали Великий Закон, который становился верховным законодательством для всей империи.

Но все же «Яса» не представляла собой некой единой системы законов. Скорее, она была изменчивым сводом правил, который Чингисхан продолжал дорабатывать. Нужно отметить, что его закон не регулировал обыденную жизнь людей, он касался только самых важных и опасных аспектов существования общества в целом. До тех пор пока мужчины похищали женщин, было невозможно остановить вражду и войны между семьями. Разве мог Повелитель Вселенной забыть собственный горький опыт, когда была украдена его любимая Борте. Поэтому его новый закон запрещал похищать жен, это стало реакцией на похищение его первой жены меркитами. Последствия этого обычая все еще мучили Чингисхана в его собственной семье, так как он не был уверен, кто был отцом первого ребенка Борте, и эта неуверенность принесла много горя впоследствии, когда Чингисхан состарился.

Как бы в продолжение этой темы он хотел уничтожить все источники внутренних конфликтов среди своих подданных. Зная трудности и горести, которые выпадают на долю незаконнорожденных детей, он объявил всех детей законными, вне зависимости от того, были ли они рождены женами или наложницами. Поскольку торговля женщинами часто вызывала споры и разногласия среди его воинов, он запретил ее. Супружеской изменой теперь считалась только связь между женатыми мужчинами и замужними женщинами из разных семей. До тех пор пока такая неверность не приводила к межсемейным конфликтам и стычкам, она не считалась преступлением.

Еще одно нововведение состояло в том, что кража скота теперь каралась смертью. Появился запрет на охоту с мая по октябрь, то есть в период спаривания диких животных, также регулировались методы отлова дичи и способы ее разделки, чтобы ничего не пропадало зря.

Дальновидность, демократичность, толерантность Чингисхана проявились и во введении первого в истории мира закона о свободе совести. Хотя сам он продолжал поклоняться духам своей родины, хан не стал делать это поклонение общегосударственным культом. Чтобы предоставить всем религиям одинаковые права, Чингисхан избавил религиозных деятелей и их имущество от уплаты налогов и всех форм общественных отработок. Веру каждый мог выбирать сам — по велению души.

Еще несколько законов должны были уберечь страну от борьбы за титул хана. Согласно этим постановлениям, хан всегда должен был выбираться курултаем. Дальше — жестче: любой член его семьи, который претендовал бы на этот титул без выборов, должен был быть казнен. Чтобы кандидаты на этот пост не убивали друг друга, он приказал, чтобы смертная казнь членам его рода могла выноситься только по решению курултая, но не по решению кого-либо из родичей. Таким образом Чингисхан объявил вне закона те средства, которыми воспользовался сам в начале своего пути к власти.

Монгольский закон гласил, что преступление, совершенное одним, могло повлечь наказание всех. Точно так же все племя или воинское подразделение было ответственно за действия своих членов, следовательно, все общество, а не только армия или гражданские институты выполняли функцию поддержания закона и порядка в империи. Напомним, закону были подвластны все — от самого бедного пастуха до хана. Таким образом, Чингисхан провозгласил принцип верховенства права.

Следующий закон вновь продемонстрировал фундаментальный подход Чингисхана к созданию Великого закона и, главное, к его реальному влиянию на жизнь народа. Чтобы эффективно управлять своей империей, а точнее, чтобы записывать новые законы и проводить их в жизнь на всем огромном пространстве страны, Чингисхан приказал создать монгольскую письменность. Это при том, что, насколько нам известно, до него ни один монгол не знал грамоты.

Дальновидность Чингисхана проявлялась во всем. Кочевник до мозга костей, уделявший львиную часть внимания лишь тем элементам государственности, которые увеличивали военную мощь, он понимал, насколько важно соблюдение законности и

контроль за этим. Поэтому была создана должность верховного судьи, на которую великий хан назначил своего приемного брата Шиги-Хутуху. Когда-то татарского мальчика с золотым кольцом в носу Темучжин отдал на воспитание своей матери. Она сумела воспитать прекрасного сына. Теперь, по прошествии времени, Чингисхан вменил ему в обязанность «наказывать воров и опровергать ложь», а также обязательно вести записи о своих решениях. Здесь тоже все было четко прописано: записи должны были заноситься на белую бумагу в специальные книги в переплете синего цвета, цвета Вечно Синего Неба. Связь между искусством письма и соблюдением закона в системе управления, которую создал Чингисхан, выражается в монгольском слове, которое обозначает книгу и происходит от греческого «nomos», что значит «закон». В то далекое время в мире монголов тринадцатого столетия записанное слово и закон значили одно и то же.

Созданное государство нуждалось в твердой руке, в законах, которые будут содействовать его укреплению и сплоченности. Раздумья в этом ключе навели Чингисхана на мысль о восстановлении древней традиции набора заложников. Набор производился своеобразно и состоял из детей и близких военных руководителей монгольской армии.

Такой подход коренным образом изменил понятие «заложника» и отношение к нему. Вместо угрозы смерти заложников в случае неверности чиновника Чингисхан взял на вооружение более мудрую стратегию. Он воспитывал из своих заложников хороших управленцев и руководителей. Таким образом, они были всегда наготове, чтобы при необходимости заменить ими провинившегося подчиненного. Получается, что нарушивший закон точно знал, что, если его ошибка или проступок будут раскрыты, его место займет другой. Угроза такого смещения действовала намного эффективнее угрозы убить взятых в заложники родственников. Вот так Чингисхан изменил статус заложников, сделав их необходимой частью государственной системы, которая давала практически каждой семье непосредственный доступ к ханскому двору.

Чингисханом создал также элитный отряд — личный тумен, который был разделен на дневной и ночной дозор. Судя по названию, эти воины несли ответственность за круглосуточную охрану хана и его лагеря, но это были не просто телохранители. Они также осуществляли контроль над юношами и девушками, которые трудились в лагере. Помимо этого, следили за перемещением лагеря вместе со всем оружием и государственными регалиями — знаменами, пиками и

барабанами. Именно они наблюдали за приготовлением пищи и процессом забоя скота, а также под их руководством справедливо распределялись мясо и молочные продукты между людьми. Но и это не все. Поддержание законности тоже входило в их обязанности. Дозоры помогали организовывать собрания суда, приводить в исполнение приговоры и вообще соблюдать законность и порядок. Они были, если можно так выразиться, основой администрации хана.

Этот личный отряд Чингисхана имел привилегию называться «старшими братьями» по отношению к остальным девяти тысячам (туменам). В других армиях каждый солдат имел чин, а в монгольском войске чин давался всему подразделению. Так, даже рядовой воин тумена Чингисхана был выше по чину предводителя других туменов. Точно также внутри туменов любой воин из отряда командира имел чин выше, чем у предводителя остальных девяти минганов (сотен).

Вообще основой организации монгольского войска была десятичная система. Смысл ее заключался в следующем: минимальной единицей стал десяток воинов, десять десятков составляли сотню, десять сотен — тысячу. Тысяча какое-то время была самой крупной военной единицей. После того как все степные племена стали вассалами Чингисхана, возникла необходимость в еще более крупной единице, каковой и стал тумен — десять тысяч воинов. Отдельная армия монголов обычно состояла из двух-трех, гораздо реже — из четырех туменов. Вопрос о верховенстве власти решается просто: назначался один из начальников главным над всеми. Таким образом соблюдался принцип единоначалия, что исключало какую-либо несогласованность в приказах.

Кроме десятичной системы в армии имелась еще и другая, в ней сотня разбивалась на полусотни. Об этой тактической единице сообщается в различных исторических источниках. Более того, есть упоминания о том, что полусотни разбивались на еще более мелкие группы, вплоть до шести-семи всадников. Это способствовало лучшей координации между группами. В бою такие группы выступали очень слаженно, применяя заранее отработанные приемы.

В войске Чингисхана была особая его часть — гвардия-кешиг, которая составляла костяк центра в ходе боя. Были и другие части, например войска батуров — то есть войска особо отличившихся воинов. Важно, что дисциплина в их рядах соблюдалась неукоснительно. Можно только позавидовать такой организации! Но кроме храбрости каждого воина огромную роль играла ответственность командиров монгольской армии. Это они

должны были держать каждый свое войско наготове, чтобы в случае необходимости как можно быстрее выступить в поход.

Вопрос награждения воинов-монголов, особо отличившихся в бою, сначала не был отработан. Но после завоевания крупных государств такая система была отлажена, особенно большое влияние на это оказали китайцы с их давно сформированной традицией награждения героев. При Чингисхане и даже Угедэе наградой считалась уже возможность получить доступ к завоеванной добыче. Существовало такое неписаное правило: кто первым врывался в город, тот втыкал стрелу в двери дома, и это означало, что это его добыча. Никто из пришедших позже не имел права посягать на чужое. Преступившие это правило наказывались смертью.

Но воины, даже отличившиеся в бою, особо не награждались. Главное — не проявить трусость в бою, ибо в этом случае воины безжалостно умерщвлялись. И эти жестокие законы позволяли поддерживать высокий уровень дисциплины в войске, несмотря на его огромную численность. Ведь, если верить «Сокровенному сказанию», в 1206 году она составляла 95 туменов, включая личный тумен Чингисхана, в который входили воины благородного происхождения, а также их сыновья и где все обязательно обладали отменным физическим здоровьем. Кроме того, каждый воин должен был привести с собой еще нескольких, причем со своими средствами передвижения.

К указанной численности 1206 года нужно прибавить и «лесные народы»: бурятов, йоратов, киргизов и других, подчиненных воинами Джучи монгольской державе. Их могло быть несколько десятков тысяч. Таким образом, подтвержденная Рашид-ад-Дином информация указывала на то, что численность войска составляла 130 тысяч воинов. А к моменту войны с царством Цзинь Чингисхан уже располагал армией в 150 тысяч человек. Интересно, что в ходе сражений многие китайские воины переходили на сторону монгольской армии. Было зафиксировано 46 таких формирований. Так что, к концу похода на Цзинь в войско великого хана влилось 50–60 тысяч воинов противника.

После смерти Чингисхана в 1227 году у царевичей насчитывалось около 129 туменов, имевших почти столько же человек в резерве. Таким образом, очевидно, что численность монгольского войска постоянно росла — от 100 тысяч в момент консолидации Чингисханом монгольских племен до 250 тысяч к концу его царствования. Наличие такого войска позволяло вести одновременно две-три крупные захватнические кампании и оставлять, без ущерба для главных направлений, отряды для совершения карательных акций и решения других необходимых в

конкретный момент задач.

Великий хан понимал, что без четко отлаженной системы сообщения многие его планы могут оказаться под угрозой. Его приказы и распоряжения должны быстро доходить до адресата. Для этого Чингисхан создал особую систему гонцов — «посланников стрел». И в этом нововведении проявилось взаимодействие войска и мирных жителей. Армия поставляла самих гонцов, а население обеспечивало для них станции. Почтовая служба считалась такой же важной, как и армия, поэтому служба в ней приравнивалась к службе в войсках на тех же основаниях.

Было определено и расстояние между станциями. В зависимости от ландшафта они располагались примерно в 30 километрах друг от друга, и для обеспечения каждой из них требовались усилия около двадцати пяти семей. Такие почтовые станции были открыты для всеобщего использования. Тем не менее, их общее число составляло государственную тайну, поэтому точная информация об этом до нас не дошла. Работала эта система долго, вплоть до XVIII века, поэтому некоторое представление о ее протяженности можно получить по данным этого времени: для того чтобы пересечь всю Монголию от Алтая до Великой китайской стены, требовалось двадцать шесть таких станций.

Чингисхан использовал в системе передачи информации не только почту как таковую. Он сумел найти дополнительные возможности для решения подобных вопросов. Так, для коротких расстояний применялись факелы, свистящие стрелы, дымовые сигналы, сигнальные костры и флаги. Эти способы обмена информацией обеспечивали практически мгновенную передачу команд в бою, на охоте или в походе, ведь жители степи давно разработали сложный язык жестов, подаваемых руками, когда адресат сообщения уже находился вне зоны слышимости. Чингисхан использовал жестикуляцию для координирования действий различных отрядов в бою. Хан продумывал каждую мелочь, анализировал различные варианты развития событий и не считал затраченное на это время потерянным. Ведь недосмотр или ошибки в каких-то кажущихся неважными вопросах зачастую приводили к тяжелым последствиям.

Созданную «железом и кровью» империю Чингисхана вполне можно считать самой военизированной державой всех времен и народов. Основой империи была война — сначала за объединение степи, а затем за расширение ее пределов до «последнего моря». И такая всеобщая милитаризация работала на нужды этой непрерывной экспансии.

В созданном государстве не было ничего, что прошло бы мимо внимательного и мудрого правителя. И вот в конце концов наступил непривычный для Чингисхана мирный период, без войн и походов. Необходимо было направить все усилия исключительно на развитие и укрепление инфраструктуры всех сфер жизни общества.

Однако, как это ни парадоксально, мир и процветание принесли Чингисхану новые проблемы. Теперь стали заметны многочисленные интриги и мелкое соперничество между его приближенными, которые угрожали свести на нет все усилия хана по объединению племен. Чем большую власть он обретал, тем больше конфликтов возникало среди его ближайших приверженцев, а особенно внутри его семьи, члены которой считали, что недостаточно вовлечены во власть и что их доходы могут быть гораздо выше. Алчность всегда была катализатором ссор, раздоров, войн.

Конечно, ни о какой коррупции в окружении великого хана не могло быть и речи, поскольку в состав его советников практически не входили его родственники. Даже свою мать, которая имела большое влияние на сына, он отослал от себя вместе с ее младшим сыном, в обязанность которого, по монгольским традициям, входило хранить семейный очаг и заботиться о матери. Но своей близостью к носителю власти воспользовался тот, к чьему мнению Чингисхан прислушивался и которому доверял. Речь идет о шамане Чингисхана Тэб Тэнгери. Он снова и снова провозглашал, что Вечно Синее Небо благоволит к Чингисхану и сделает его владыкой мира. Он истолковывал сны и всяческие знаки таким образом, чтобы подчеркнуть удачу хана. Шаман играл его чувствами и доверием, всячески выказывая свою преданность, и в конце концов стал влиять на принятие ханом любых решений.

Тэб Тэнгери всячески использовал свое положение, чтобы обогатиться самому и сделать богатыми своих шестерых братьев, вместе с которыми он создал влиятельную коалицию. Почему-то в этом случае Чингисхан проявлял несвойственную ему слепоту, не замечая, как создается мощный союз, интересы которого противостоят интересам государства. Дело еще было в том, что шаман пользовался такой поддержкой со стороны монголов, с которой могла сравниться только их любовь и уважение к самому Чингисхану. Шаман и его окружение так осмелели, что однажды избили Хасара — кровного брата хана. Тот пожаловался Чингисхану, но вместо поддержки дождался только насмешек: мол, Хасар, который долгие годы считался самым сильным человеком племени, не смог справиться с нападавшими. Как

повествует «Сокровенное сказание», Хасар даже расплакался от стыда. В гневе, страхе и от унижения он не разговаривал с Чингисханом еще три дня. Такая реакция повелителя воодушевила Тэб Тэнгери на дальнейшие интриги.

Расхрабрившись после победы, одержанной над Хасаром, хитрый и вероломный шаман решил поиграть на самых тонких струнах души Чингисхана. В одном из разговоров предсказатель сообщил ему, что он видел сон, в котором хан правил всей империей, но в другом сне он якобы видел на его месте Хасара. Он советовал избраннику Неба немедленно принять меры против своего брата, чтобы устранить угрозу. Словно завороженный словами человека, которому доверял, как самому себе, Чингисхан немедленно приказал посадить под арест Хасара и лишил его власти над воинами отряда. Этого не могли не заметить окружающие.

Первой отреагировала на происшедшее мать Чингисхана. Она жила в одном дне езды от ставки хана. Всю ночь ехала она в ставку к сыну, чтобы раскрыть ему глаза на лжеца, которому всегда такой рассудительный и прозорливый хан слепо доверял. Согласно «Сокровенному сказанию», Чингисхан был крайне удивлен, когда его мать влетела в его шатер, развязала Хасара, надела ему на голову шапку и помогла завязать пояс. После этого она обрушила гневную речь на своего сына, который уже не в первый раз позволял себе жестокость по отношению к родным братьям. Наверняка, отчитывая Чингисхана за неоправданное наказание Хасара, она вспомнила страшное братоубийство. Это были дела давно минувших дней, о которых могут забыть или сделать вид, что забыли все, но не мать. Сердце Оэлун обливалось слезами, когда она вспоминала о смерти Бектера. Тогда она проклинала Темучжина и на этот раз почти в тех же выражениях обвиняла его в плохом отношении к младшим братьям. Чингисхан, пристыженный матерью, отпустил Хасара и вернул ему полномочия. Но боль, причиненная этими событиями, оказалась слишком сильной для Оэлун. Вскоре после этого разговора с Чингисханом она умерла. Хан считал себя виновным в ее скоропостижном уходе. Еще одна смерть, которой могло не быть, которую он мог предотвратить.

По монгольским законам, имущество ушедшей должно было перейти к ее младшему сыну Тэмуге Отчигину, но шаман и здесь сумел оказать влияние на своего господина, и имущество Оэлун стало его собственностью. Кроме того, Тэмуге был подвергнут унижениям, на которые Чингисхан закрыл глаза. Словно околдованный, он не замечал, как шаман и его братья оплетают его невидимой паутиной лжи.

После смерти матери еще одной женщиной, к которой еще прислушивался повелитель, была его первая жена Борте. В отличие от мужа, она ясно видела опасность, которую представлял шаман и его влиятельные братья. Они опасны, потому что держатся вместе и имеют много сторонников среди монгольского народа. И эта история незаметно подрывает авторитет ее мужа. Поэтому, узнав об унижении младшего брата Чингисхана, Борте решила, что молчать больше нельзя. Она гневно объяснила мужу, что из-за того, что он доверил шаману такую власть, он поставил под угрозу не только свое влияние, свой авторитет, но и безопасность своих родных сыновей. Однажды Борте уже была так же категорична. Тогда она настаивала, чтобы супруг порвал отношения с Джамухой, теперь она требовала, чтобы он перестал покровительствовать Тэб Тэнгери и его семье. Она задала хану неожиданный вопрос: «Если шаман позволяет себе такие выходки по отношению к брату великого хана, когда тот еще жив, что же он сделает с его вдовой и сыновьями, когда тот умрет?» Чингисхан не мог не задуматься над словами своей мудрой жены. Никогда прежде она не подводила его, никогда не позволяла себе необдуманных слов. Теперь стало очевидно, что хан допустил ошибку, которую еще можно было исправить. После смерти матери, унижений братьев Чингисхан чувствовал себя уже не так уверенно. На поле боя ему все ясно, все под контролем. А вот мирная жизнь преподносит ему жестокие уроки. Слова Борте подтолкнули его к действию.

В следующий раз, когда Тэб Тэнгери появился при дворе вместе со своими шестью братьями и отцом, Монгликом, Тэмуге Отчигин ждал его внутри ханского шатра вместе с Чингисханом. Едва шаман уселся, Тэмуге подошел к нему и крепко схватил за воротник. Чингисхан приказал им покинуть шатер, мол, если они хотят посостязаться, то пусть борются снаружи. Но Тэмуге не собирался бороться с шаманом — он хотел ему отомстить. Едва Тэб Тэнгери вышел, как его схватили ожидавшие там трое воинов и сломали ему хребет. Чингисхан приказал воздвигнуть небольшой шатер над умирающим и всем покинуть это место.

Так было покончено с последним соперником, с которым Чингисхану пришлось столкнуться среди племен степи. Он нейтрализовал влияние своих родичей, истребил аристократические кланы и перебил соперников-ханов, смешал древние племена друг с другом и, наконец, позволил убить самого могучего шамана во всей степи. Сразу же после этого хан назначил на место Тэб Тэнгери другого шамана, но это был человек старый и опытный, менее амбициозный и куда более сговорчивый. Теперь Чингисхан был осторожнее в выборе того,

кто читал его судьбу и судьбу его державы по звездам.

Как же получилось, что повелитель Монголии словно ослеп, не замечая, как совсем рядом плетутся интриги и разрушается то, что он столько лет долго и упорно создавал? Как могло в одном человеке сочетаться несочетаемое: стратег мирового масштаба и обычный человек, которого неприкрытая лесть едва не лишила всего, чего он достиг за столько долгих лет? Чингисхану пришлось избавиться от того, кому он всецело доверял. Это было еще одно убийство, на которое он пошел ради интересов государства — он бы с радостью решил эту проблему иначе, но был ли у него выбор? К тому же, монголы очень своеобразно восприняли происшедшее. Они увидели в Чингисхане человека, гораздо более сильного, нежели самый могущественный шаман степи. В глазах многих своих последователей Чингисхан показал себя могучим шаманом — многие монголы верят в это и по сей день.

Когда все кочевые племена степи были объединены, а Чингисхан окончательно утвердился как их вождь и предводитель, было не совсем понятно, что же должно произойти дальше. Деятельная натура хана искала новых свершений. Чингисхан жаждал борьбы против врагов, но не мог найти ни одного племени, которое бы оказалось достойно его внимания. Тогда он отправил своего старшего сына Джучи в поход на север, хотя Сибирь с ее лесными племенами и скотоводами не представляла особого интереса, кроме разве что мехов и птичьих перьев. В большей степени внимание Чингисхана приковал к себе юг, где производили куда больше различных товаров — металлов, тканей и украшений. Это была вотчина уйгуров, подданство которых Чингисхан с удовольствием принял и, как обычно, хотел включить их в свою семью. Он отдал свою дочь в жены уйгурскому хану, сделав его своим зятем. Таким образом идея родства постепенно переросла в некое подобие гражданства.

Поскольку Чингисхан продолжал использовать эту практику еще очень долго, она приняла форму своеобразного универсального гражданства, основанного не на религии, как у мусульман и христиан, не на биологическом родстве, а только на принципах верности и преданности. Великий хан продолжал расширять пределы своей империи, что в данном случае носило исключительно мирный характер. Благодаря такой политике кроме территориальных границ изменялось и мировоззрение его народа, поскольку вступление в большую монгольскую семью других народов несло ему культурное, творческое развитие и рост благосостояния.

Так, когда примерно в 1209 году уйгурский хан прибыл ко

двору Чингисхана для женитьбы, он приехал вместе с караваном, груженным дорогими подарками, среди которых было золото, серебро и жемчуга разного цвета, размера и формы. Но не драгоценные металлы и не жемчуг более всего впечатлили монголов. Не владея искусством ткачества, монголы использовали только кожу, меха и войлок, который изготовлялся из спрессованной овечьей шерсти, так что самым драгоценным даром для них были удивительные ткани, такие как шелк, парча и атлас. Эти дары уйгуров подчеркивали контраст между богатством земледельческих цивилизаций и бедностью степных кочевников. Конечно, Чингисхан командовал огромной армией, но правил он весьма бедным народом, в то время как на юге бился пульс Великого шелкового пути.

Чингисхану были нужны богатства юга, и вот формальный повод для начала военных действий у него появился: от него неожиданно пожелал покорности новый Золотой хан, взошедший на чжурчженьский[11] престол. Но теперь великий хан не намерен никому кланяться и становиться чьим-то рабом, он открыто заявил об этом. Вопрос о начале войны он вынес на курултай.

В народе много говорили о войне, получалось, что все были, по-своему, втянуты в процесс подготовки к ней. И для Чингисхана было очень важно, чтобы монголы поняли, зачем эта война им нужна. Хотя от воинов на поле боя требовали беспрекословного подчинения начальству, в жизни даже обычных рядовых считали младшими партнерами. Исходя из этого, было важно, чтобы все понимали общую цель и имели право голоса в решении таких вопросов. Чингисхану не пришлось долго убеждать монголов выступить против чжурчженей. Достаточно было развернуть перед ними красочную перспективу получения неограниченного доступа к несметным богатствам чжурчженьских городов. Согласно «Сокровенному сказанию», когда он убедился, что его воины и союзники согласны с ним, Чингисхан покинул собравшихся, чтобы сделать то, что он всегда делал в минуты принятия важных решений или отчаяния: помолиться на ближайшей горе. Хан появился перед своими подданными лишь через несколько дней, сообщив им о положительном ответе Вечно Синего Неба по поводу вступления в войну. Он якобы получил его как реакцию на все то, чем чжурчжени провинились перед монгольским народом.

Приняв в 1211 году решение пересечь Гоби и завоевать царство чжурчженей, Чингисхан не просто начал очередную пограничную войну: он разжег пожар, которому было суждено вскоре охватить весь мир. Эта кампания положила начало войне, в ходе которой прекрасно обученная и великолепно

организованная монгольская армия прокатилась волной, смывающей все на своем пути, от Инда до Дуная и от Тихого океана до Средиземного моря. Тридцать лет для истории — миг. Так, всего лишь за одно историческое мгновение воины монголов одерживали победу над каждым войском, захватывали каждую крепость и завоевывали каждый город, какой попался им на пути. Христиане, мусульмане, буддисты и индуисты вскоре вынуждены были склониться к ногам неграмотных монгольских всадников.

Загадка удивительного века: вторжение с востока

Удивительный народ монголы — как им удавалось стоически переживать столь долгие походы? Пожалуй, они были очень хорошо приспособлены для дальних путешествий — каждый воин вез с собой только то, что было ему необходимо, и ничего больше. Но в этой войне опытное войско подвел климат. Низины, расположенные близко к большим рекам и океану, овевались теплыми влажными ветрами, и летом жара и влажность становились практически непереносимыми для монголов и их косматых лошадей. Когда они попадали в земледельческие области и города, они тут же начинали страдать от множества заболеваний. Это повлияло на дальнейший ход военных действий, а именно: привело практически к прекращению войны. Но Чингисхану все же удалось осадить самого Золотого хана, который признал себя его вассалом, щедро одарил и отдал одну из дочерей в жены.

Результат был достигнут, к тому же Чингисхан не собирался править этими народами или устанавливать в целях контроля за ними монгольское правительство, поскольку он и так мог получить то, что хотел. У хана уже был большой опыт обращения с народами, принявшими его власть как должное. Так же как в свое время уйгуров и тангутов, он оставил чжурчженей и киданей в покое до тех пор, пока они сохраняли верность монголам и платили им дань. Это было важным условием окончания военных действий. И войско Чингисхана направилось в обратный путь. Покорение народа произошло — значит, не стоит увеличивать количество жертв. Это еще раз подтверждает, что не может быть и речи о маниакальном желании уничтожать, которое приписывают Чингисхану.

Но и на этот раз климатические условия помешали воплотить план в жизнь: наступившая летняя жара стала препятствием для преодоления пустыни Гоби. Так что снова пришлось разбивать лагерь. Пока они ждали наступления прохладной осени, солдаты могли наслаждаться отдыхом, играми, пирами, а также талантом музыкантов и певцов, которых они захватили в походе и теперь везли к себе.

Но как только монголы ушли из только что завоеванных ими земель, чжурчжени тут же изменили своему слову. Золотой хан, которому Великий Завоеватель сохранил трон, не доверял своим подданным. Он чувствовал себя неуютно в собственной столице,

подозревая, что окружение втайне поддерживает монголов. Он эвакуировал свой двор и перенес столицу в южный город Кайфын, до которого, как он думал, монгольской армии не добраться. Для Чингисхана побег Золотого хана был актом предательства, ведь тот заключил с ним союз, поэтому он расценил это как мятеж. Одно из самых неприемлемых качеств для Чингисхана — неумение держать данное слово. Человек, нарушивший обещание, не достоин уважения. Такой поступок не мог остаться безнаказанным. Хотя Чингисхан не был дома уже три года, он стал готовить свою армию к новому походу. Его войска направились обратно из Внутренней Монголии к столице чжурчженей, которая была покорена ими всего несколько месяцев назад.

Золотой хан оставил солдат для охраны старой столицы, но воины, так же как и простой народ, знали, что их покинули на произвол судьбы. Многочисленные победы Чингисхана за прошедшие годы подняли его авторитет даже среди противников. Простые люди понимали, что бесстрашные монголы во главе с их полководцем достойны большего уважения, чем их изнеженные правители. Вот почему целые военные подразделения вместе с офицерами и оружием переходили на сторону монголов. Такая оценка противника дорогого стоит.

У покоренных чжурчженей возможности откупиться не было. По вине их правителя город был наказан и разграблен.

Когда стало ясно, что город скоро падет, Чингисхан оставил своих подчиненных заканчивать осаду. Невыносимый для кочевников климат отбирал у него слишком много сил, восстанавливать которые в этих условиях возможности не было. Чингисхана крайне раздражала летняя жара, а оседлая жизнь вызывала у него отвращение. Хан принял решение покинуть Чжунду и вернуться в земли Внутренней Монголии. Он поручил разграбление города человеку по имени Хада. Такой выбор объяснялся тем, что этот киданьский военачальник был более привычен к городам и смог бы быстрее и эффективнее «извлечь» из столицы все богатства. Монгольские чиновники получили указание ждать на некотором расстоянии от города — им должны были доставить награбленное для описи всей добычи.

Однако все пошло не так, как предполагал Чингисхан. Чиновники отбирали себе львиную долю награбленного. Правило справедливого распределения было нарушено: добыча должна была быть распределена между всеми монголами, согласно их чину, вплоть до последней мелочи, до медной пуговицы или крупицы серебра. Все распределялось согласно простой формуле — от 10 % для хана до особой доли для вдов и сирот.

Рассерженный Чингисхан считал, что дележ добычи — это важное государственное дело, и потому он послал своего верховного судью Шиги-Хутуху в город, чтобы наблюдать за процессом. Когда тот прибыл, ему предложили взятку. Он отказался и вернулся к Чингисхану, чтобы сообщить о неповиновении его приказам. Чингисхан был в гневе. Он конфисковал добычу, наказал виновных. Правда, история умалчивает, каким было наказание, поскольку нет ни единого письменного описания того, что сделал с нарушителями закона повелитель. Наверное, наказание было жестоким, поскольку никто не мог безнаказанно ослушиваться приказа.

То, что получили монголы от Китая, заслуживает особого внимания. Чингисхан сумел сделать так, что караваны верблюдов и повозок, запряженных волами, везли в его страну столько драгоценных тканей, что монголы стали использовать шелк в качестве оберточного материала для других своих ценностей. Это было неописуемое изобилие, праздник красоты. Забыв о своих сыромятных ремнях, воины стали использовать вместо них свернутые жгутом полотна шелка. Они увязывали в тюки одеяния, вышитые золотыми и серебряными нитями, с рисунками, изображающими цветущие пионы, летящих журавлей, крутые волны и мифических животных, а свои тапочки вышивали мелким жемчугом. Монголы наполняли повозки шелковыми ковриками, гобеленами, подушками, одеялами, кушаками, шнурами и кистями. Это было запредельное разнообразие тканей. Подходивших для практически любого вида одежды или украшения, для описания всех цветов ткани в монгольском языке не хватало слов.

Кроме шелка, атласа, парчи и газа они привезли с собой лакированную мебель, бумажные веера, фарфоровую посуду, металлические доспехи, бронзовые ножи, деревянных кукол, кроме этого, железные чайники, медные горшки, настольные игры и резные седла, а еще везли кувшинчики с духами и охрой, индиго, цветочные экстракты, ароматический воск, бальзамы и мускус. Повозки ломились от мехов с винами, бочек с медом, пачек черного чая, а за ними шли верблюды, от которых пахло фимиамом, лекарствами, киноварью и сандалом. Чиновники в поте лица записывали и перепроверяли груз каждого каравана верблюдов и повозок. Все, что могла предоставить китайская культура, прочно вошло в быт подданных Повелителя Вселенной.

За все столетия набегов и войн никто не привозил домой такой богатой добычи, как Чингисхан. Но природа человеческая остается неизменной. Каковы бы ни были объемы захваченных богатств, монголам хотелось большего. Каждый раз, когда они

возвращались из походов с караванами ценностей, у них возникало еще большее желание получить новые богатства и товары. Каждый монгол мог восседать в своем гэре в собственном лакированном кресле, покрытом шелком; каждая девушка пользовалась духами и драгоценностями.

После этого многолетнего удачного похода у Чингисхана накопилось множество проблем, для решения которых требовалось его участие. Это касалось прежде всего его подданных, а также сибирских племен и племен уйгуров на юге. Сибирские племена перестали платить хану дань, и нужно было реагировать на неповиновение. Посол, прибывший в эти края, чтобы разобраться во всем и устранить причину неповиновения, был крайне удивлен. Оказалось, что во главе сибирских племен стояла женщина. Звали ее Ботогуй-таргун, что можно перевести примерно как Большая и Страшная. Выслушав претензии посланника Чингисхана, она поступила неожиданно. Вместо того чтобы передать послу тридцать девушек, которые стали бы женами монголов, она захватила в плен самого посла. Когда тот не вернулся, Чингисхан послал еще одного переговорщика, но и его взяли в плен.

Выступив в поход, чтобы покончить с неповиновением Ботогуй-таргун, монголы вновь попали в ловушку. Эта женщина была настоящим стратегом, к тому же абсолютно бесстрашным. Войска Ботогуй-таргун узнали о приближении монголов задолго до того, как те прибыли на их земли. Как опытный охотник, она послала воинов перекрыть тропу позади монгольского отряда, а сама устроила засаду на пути монголов. Победа осталась за ее воинами — в бою они даже убили военачальника монголов.

Узнав о результате похода, Чингисхан пришел в ярость. Сначала он был настолько зол, что собрался лично участвовать в наказании непокорной северной царицы и ее подданных. Но, поостыв, разработал новую стратегию борьбы, которая, к слову, принесла нужный результат. Обманный маневр отвлек войска Ботогуй-таргун, а основной отряд напал на ее воинов неожиданно с тыла. Послы были освобождены, а само племя в полном составе взяли в плен: мужчины стали слугами, а женщины — наложницами. Чингисхан отдал их предводительницу в жены второму послу, которого она и так уже, вероятно, взяла в мужья, потому что сохранила ему жизнь.

Этот эпизод не слишком обеспокоил Чингисхана. Больше всего его задело то, что противостояла ему женщина. А вот с уйгурами еще предстояло разбираться, и сделать это нужно было в кратчайшие сроки, с минимальными жертвами, чтобы еще раз подчеркнуть непререкаемый авторитет хана. Задача эта была

выполнена, и наступил момент, когда в обширных владениях Чингисхана наступил мир. Казалось, ему предстоит доживать свои дни в покое и благополучии, в окружении своей семьи и любимых коней, купаясь в благодарности за то изобилие и роскошь, которые он принес своим подданным.

Теперь Чингисхан обладал гораздо большими богатствами, чем он мог распределить среди своего народа, и он решил использовать излишки товаров для того, чтобы стимулировать торговлю. Кроме товаров китайского производства, в Монголию просачивались и редкие предметы роскоши с Ближнего Востока. Мусульмане в этих землях выплавляли лучшую в мире сталь. Они выращивали хлопок и делали из него прекрасные ткани, а еще они владели тайнами секретного искусства изготовления стекла. Обширная территория от гор современного Афганистана до Черного моря попала под власть тюркского султана Мухаммада II, властителя Хорезма. Чингисхан хотел получить доступ к этим редкостным товарам и поэтому стал искать торгового союза с далеким султаном. Цели, которые ставил перед собой хан, спустя некоторое время всегда обретали реальные очертания.

Калмыцкий историк, писатель и политический деятель Эренджен Хара-Даван писал, что великий хан и ему подобные — избранники Провидения, призванные на землю совершить то, что необходимо для их эпохи, для верований и желаний этого времени, этого народа. А как определить, что именно важно для народа в конкретный исторический момент? Вопрос серьезный, и для ответа на него как раз и нужны выдающиеся личности. Именно они помогают воле народа превратиться в мысль и волю одного человека, одаренного особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом. Такие люди помогают облечь в живое слово то, что до сих пор созревало и таилось в народной душе. Их гений и умение воспринять ситуацию преображают неясные стремления и желания своих соотечественников или современников в яркие подвиги.

Конечно, как замечает Хара-Даван, место того или иного великого мужа не всегда нам ясно. Поэтому следует разбираться в цепи явлений, сопровождающих его жизнь, и выяснять результат его деятельности. Но жизнь устроена несправедливо. Часто проходят века, а человек остается кровавой и скорбной загадкой, и «мы не знаем, зачем приходил он, зачем возмутил народы». Обсуждения его поступков вызывает самые неожиданные толки, иногда диаметрально противоположные, поэтому трудно определить оказанное им влияние. Порой, чтобы понять смысл отдельных явлений, должно пройти очень много времени. Иногда для этого требуются века и тысячелетия. Даже наука, которая

может объяснить практически все, оказывается тут бессильной.

Вот что пишет о Чингисхане Хара-Даван в своей книге «Чингисхан как полководец и его наследие»: «Можно сказать, что самому народу наверняка была необходима встряска. Он нуждался в деятельной личности, способной воплотить в жизнь потребности общества. Оно ожидало гениального выразителя его интересов, личности, вышедшей из народа. Таким героем для монгольского народа и стал Чингисхан. Более того, никто не станет спорить, что до его появления монгольского народа как единого целого не существовало. В том, каким узнала его всемирная история, есть огромная заслуга того, кто родился со сгустком крови, зажатом в кулаке. Этот кулак — символ смелости, упорства, бесстрашия и в какой-то степени будущности.

Изначально были роды и племена: буйная и богата была их простая, легко предсказуемая жизнь. Страсти были первобытны, не стеснены, ярки, как цветы, покрывающие весною монгольскую степь. Простой народ недоедал, одевался кое-как и был слишком малочисленным. Личность не играла роли, жили все родовой жизнью. С момента появления Чингисхана отдельные роды и племена монгольские, объединившись, стали народом историческим, а его герои пробудили у народов Азии и Европы — у одних сочувственный, восхищенный отклик, у других — ужас и страдание. Все зависит от личного восприятия ситуации.

Чингисхан настаивает на том, что до него в степи не было никакого порядка: младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники не исполняли своих обязанностей относительно подчиненных, и только Чингисхан указал путь для всех и каждого. Прочно утвердившись на престоле, Чингисхан со свойственными ему энергией и организаторским талантом продолжал деятельно работать по устройству своей обширной кочевой державы. У этого гениального дикаря бросались в глаза естественное величие духа, благородное обращение, рыцарство поступков, что приводило в изумление даже китайцев. Он был в душе аристократом и царем. Сам до конца жизни не знавший ни одного языка, кроме монгольского, он сделал все, чтобы его преемники не находились в зависимости от иноземных чиновников; с этой целью он позаботился дать образование своим сыновьям и вообще юному поколению монгольской знати. Считал умение общаться с иноязычными представителями очень важным делом, делом перспективным».

Чингисхана, гениального человека, опередившего свое время, уже при жизни окружали мифы и легенды. В одних он был представлен как жестокий варвар, в других — как дальновидный

политик и стратег. Трудно было найти золотую середину — слишком многогранная это личность. Что же касается разрушений и убийств, то производились они только во время войны и вызывались «военной необходимостью».

В подтверждение можно привести слова одного опытного военного. «Этот не умевший ни читать, ни писать деспот исповедовал культ писаного закона. Не было государя, который соблюдал бы более добросовестно договор, заключенный между ним и государством. Среди самых ужасных репрессий, к которым он прибегал, его самые заклятые враги не могли указать ни на малейший каприз с его стороны». Такое поведение хана, разумеется, шло на пользу развивающемуся государству. Речь не шла о выборе или компромиссе в вопросах соблюдения законности. Нравы, взращиваемые Повелителем Неба, обязывали к ее строгому соблюдению.

Получается, что монгольская держава в свете истории отличалась от тех восточных деспотий, в которых высший закон — произвол верховного правителя и его ставленников. Империя Чингисхана управлялась на строгом основании закона, обязательного к выполнению для всех, начиная от главы государства и кончая последним подданным. Это осталось без изменения и тогда, когда империя, вобрав в себя соседние культурные государства с оседлым населением, перестала быть кочевой державой. Власть монгольских правителей в покоренных странах была ограничена: им не было предоставлено право предания смерти без предварительного суда. Взимание налогов производилось на основании строго определенной системы, несение государственной службы было подчинено особым установлениям, всегда вводились казенная почта, осуществлялись административные реформы.

Конечно, стихией Чингисхана была война. Вероятно поэтому он уделял такое внимание созданию боеспособного войска. Разумеется, железной дисциплине, заставлявшей людей отстаивать вверенное им дело иногда до последнего человека, Чингисхан обязан был успехом во многих своих начинаниях. Но и к каждому своему воину он относился отнюдь не как к бездушной военной единице.

Ведя войну, Повелитель Вселенной всегда старался сохранить как можно больше монгольских жизней. Этим он коренным образом отличался от других военачальников и императоров в истории, которые с легким сердцем отправляли на смерть сотни и тысячи людей. Повторимся, Чингисхан никогда не пожертвовал добровольно ни одним из своих воинов. Самые важные правила, которые он создал для своей армии, касались потери солдат. Как

мы помним, тема смерти и поражений вообще была табу в его окружении. Наверное, Чингисхану каким-то непостижимым образом был известен тезис о материальности мысли. Поэтому он считал, что даже мысль о поражении могла привлечь неблагоприятный исход сражения. Даже упоминание имен павших товарищей или других умерших воинов считалось серьезным табу. Каждый монгольский солдат должен был вести жизнь бесстрашного воина, который верит, что он бессмертен, что ничто и никто не в состоянии навредить ему, помешать выполнить миссию. А в последние мгновения жизни, когда монгол оказывался в безвыходном положении, ему полагалось взглянуть вверх и своими последними словами призвать себе на помощь Вечно Синее Небо. К нему всегда обращался и их великий хан и в минуты большой радости, и в минуты сомнений и бед. Во время войны в степи кочевники оставляли трупы врагов лежать там, где они упали, на милость диких животных и естественного процесса разложения. В дальних землях земледельцев монголы опасались, что тела их павших воинов осквернят местные жители. Наступил момент, когда убитых перестали просто оставлять на поле боя и стали хоронить их в степи. Интересно, что места могил тщательно маскировались — лошади вытаптывали землю в местах захоронений, чтобы враги не обнаружили их и не осквернили.

Насколько видно из исторических хроник, так сложилось, что монголы обещали справедливое обращение тем, кто покорится им, но тем, кто окажет сопротивление, нести только смерть и разрушение. Если люди принимали монголов и вели себя, как родичи, предоставляя пищу воинам и коням, монголы обращались с ними, как с членами семьи, и главное — наделяли их правом на свою защиту. Если же они не хотели стать монголам родичами, они становились врагами. Каждая победа укрепляла миф о непобедимости войска Чингисхана, и вера в его непобедимость росла и ширилась.

Да, монголы внушали ужас, но речь скорее шла не о ярости и жестокости, а в первую очередь о быстроте, с которой они покоряли один город за другим, и абсолютном их презрении к жизни богатых и благородных. Гораздо большего внимания заслуживают уникальные военные успехи монголов в сражениях с огромными армиями и взятия неприступных крепостей, чем проявление кровожадности или проведение публичных казней. Последнее было данью времени, времени жестокого и беспощадного.

Люди в городах, которые покорились монголам, поначалу принимали их мягкое и милостивое обращение за слабость,

настолько оно отличалось от ужасных историй, которые разлетались по миру. Поэтому некоторые города дожидались, пока монгольская армия не пройдет дальше, а затем поднимали восстания против монгольских ставленников. Но покоренные ошибались, армия возвращалась и карала нарушивших договор без всякого милосердия.

К тому же историки склонны преувеличивать количество жертв, приходящихся на одного монгольского воина. Если принять на веру приводимые ими цифры, получается, что на одного монгола пришлось бы 350 убитых. Но тогда получается, что в городах в то время жило столько людей, что они легко бы справились с монголами просто в силу фантастического преимущества в количестве защитников.

На наш взгляд, Чингисхану подходит скорее роль разрушителя городов, чем уничтожителя народов. Он действительно часто разрушал города до основания по стратегическим соображениям или для устрашения врагов. Иногда он делал это, чтобы изменить торговые потоки и направить торговлю туда, где монголы смогут ее легко контролировать.

Чингисхану пошел седьмой десяток. Его авторитет достиг апогея. Его власти никто не пытался оспаривать ни изнутри его племени, ни извне. Но, невзирая на потрясающие военные успехи, его собственная семья уже готова была распасться. Без устали созидая империю, великий хан допустил развал, быть может, самого важного. Он оставил Монголию на попечение своего младшего брата Тэмуге Отчигина и забрал с собой всех своих четырех сыновей в надежде, что они не только овладеют искусством войны, но и научатся жить и работать вместе. В отличие от тех завоевателей, которые возомнили себя богами, Чингисхан отлично понимал, что он смертен, и пытался подготовить наследников.

Согласно древнему степному обычаю, каждый из сыновей получал какую-то часть скота, которым владела семья, а также часть семейных пастбищ. Точно так же Чингисхан планировал наделить каждого из своих сыновей миниатюрной империей, что в некоторой степени отражало бы разнородный состав его огромных владений.

Сыновья Повелителя Вселенной должны были стать ханами большого числа кочевников вместе с их стадами и пастбищами, а также каждый из них получил бы свой надел, в который входила часть территории оседлых стран с городами и деревнями. Выше всех других должен был стоять один из сыновей, великий хан, который бы возглавлял центральное правительство, высшую

судебную инстанцию и вместе с братьями ведал бы иностранными сношениями монголов, в особенности в том, что касалось бы объявления войны. Эта система зависела от умения и желания братьев работать вместе и сотрудничать под началом великого хана.

Для решения этого важного вопроса Чингисхан собрал семейный курултай. Это собрание стало одним из поворотных моментов монгольской истории, поскольку на нем всплыли все прежние конфликты, предвещавшие те мрачные события, которые затем привели великую империю монголов к развалу. Кроме сыновей Чингисхан потребовал присутствия на курултае нескольких своих доверенных людей, поскольку без их согласия не удалось бы после его смерти гарантировать восхождение на престол избранного наследника.

Как мы помним, братья нелестно отзывались о Джучи — первенце великого хана, которому на этом собрании первому было дано слово. Это фактически означало признание его первенства перед остальными братьями и разъярило их не на шутку. Чингисхану пришлось защищать Джучи, но навязать свою волю сыновьям он не мог, поэтому наследником был признан Угедэй — третий сын, который, к сожалению, много пил и не обладал необходимым набором качеств для наследника Чингисхана. У Джучи остался один путь на трон — война, но он согласился на компромисс и признал Угедэя наследником.

Этот неприятный эпизод наложил отпечаток на все оставшиеся годы жизни Чингисхана, особенно в период войны в Средней Азии. Борьба между его сыновьями показала ему, сколько усилий ему еще предстоит приложить, чтобы империя сохранилась после его смерти. Великий стратег поздно вспомнил о том, что он еще и отец. Оказалось, что его сыновья не годились для управления империей. Он слишком много времени уделял своей великой цели — сплотить в единый народ все племена степи, и слишком мало — воспитанию собственных сыновей. Он так и не сумел выстроить систему отношений между своими собственными сыновьями, не подготовил их к тому, чтобы они смогли сменить его.

В последние годы жизни Чингисхан безуспешно искал возможность помирить Джучи и Чагатая. Понимая, что его пребывание на земле идет к закату, он пытался использовать все свое оставшееся время, влияние и опыт. После долгих лет небрежения он попытался обучить своих сыновей всему сразу. Он старался сформулировать и понятными словами передать им опыт своей долгой и полной событиями жизни. К сожалению, он больше привык отдавать приказы, чем объяснять свое видение

устройства великого государства и принципы управления им.

Чингисхан пытался объяснить сыновьям, что первый ключ к власти — умение управлять собой, в особенности умение обуздывать свою гордыню. Поэтому неприемлемы ссоры между братьями. Он говорил им, что подавить собственный гнев труднее, чем приручить дикого льва. Владеть своими эмоциями труднее, чем победить лучшего борца в племени. Он предупреждал их, что «пока не проглотишь свою гордыню, не сможешь вести за собой людей». Великий хан предостерегал от ошибки считать себя умнее или сильнее всех прочих.

Желая сказать о многом, он придерживался еще одного важного правила: говорить только то, что должно быть сказано. Слова остаются словами, если они не подтверждаются делом. Воина характеризуют именно его поступки, а не слова.

Трудно сказать, насколько глубоко проникли в сердца сыновей Чингисхана его откровения. Они касались самых разных сторон жизни. Так, он учил своих сыновей, что есть разница между тем, как победить армию, и тем, как покорить народ. Если вражеское войско можно разбить, используя правильную тактику и верных людей, то чтобы покорить народ, нужно завоевать сердца людей.

Монгольское нашествие завершилось под городом Мультан, в центре современного Пакистана, летом 1222 года. Постаревший Чингисхан отдал дань долгому походу, организовав грандиозную охоту. Она длилась не один месяц, а потом было не менее пышное празднование. Чингисхан хотел таким образом примирить сыновей, но это было уже не в его силах.

Но долго почивать на лаврах не входило в планы великого завоевателя. Он отдавал себе отчет в том, что благосостояние его империи зависит от постоянных завоеваний. Он понимал, что если остановится, раздоры внутри его семьи разорвут империю на части. К тому же его сторонники уже привыкли к постоянному притоку богатств. Чтобы удовлетворить их растущие аппетиты, Чингисхан должен был вновь отправляться в поход.

Он начал последнюю в своей жизни войну против тангутов, тех самых тангутов, которые стали его первыми иноземными противниками в 1207 году. Несмотря на то что они изначально покорились монголам, Чингисхан затаил на них обиду: однажды они отказались помочь ему и свой отказ облекли в весьма обидную форму. Вероятно, он хотел основать безопасную базу на территории тангутского царства, а затем нанести удар на юг — покорить Китай.

Великий воин не думал, что небеса внесут неожиданные коррективы в его планы. Зимой 1226/27 года при переходе через

пустыню Гоби во время охоты Чингисхан упал с коня и получил внутренние повреждения.

Полгода спустя всего за несколько дней до полной победы над тангутами Чингисхан умер. «Сокровенное сказание» сообщает, что он умер в конце лета. Вся его жизнь прошла в седле, и смерть он встретил в седле, как настоящий воин-кочевник.

По словам Э. Гиббона, английского историка XVIII века, крупного специалиста в истории империй и завоеваний, Чингисхан «умер в полноте своих лет и своей славы, со своим последним дыханием заклиная и повелевая своим сыновьям завоевать Китайскую империю». Чтобы исполнить последнее желание Чингисхана, нужно было сделать еще очень многое. Его потомкам предстоял долгий путь, но, к сожалению, он вел к распаду империи, созданной Повелителем Вселенной.

Войны Чингисхана дали повод европейцам заявить о необходимости завоевания Азии от Японии до Индии, придав ему видимость благородной миссии белого человека. Воображаемые ужасы Чингисхана и монголов стали частью оправдания власти цивилизованных белых в колониях. Возможно поэтому одним из первых попытался изменить взгляд на личность Чингисхана Джавахарлал Неру, отец индийской независимости. Сидя в тюремной камере, он поставил перед собой непростую задачу. Она заключалась в том, чтобы понять историческую роль Чингисхана, которого Запад использовал в качестве страшилки.

Неру тогда описал Чингисхана как «осторожного и разумного человека средних лет, склонного тщательно обдумывать любое крупное свое начинание прежде, чем взяться за него». Джавахарлал Неру понял, что, хотя монголы и не жили в городах, они создали замечательную цивилизацию. «Они не знали, конечно, многих из городских искусств, но они развили образ жизни, подходящий для их мира, и они создали сложную организацию». Он заявил, что, хотя монголы были маленьким народом, но «одержали большие победы на полях сражений» благодаря «их дисциплине и организации. И прежде всего это происходило из-за блестящего руководства Чингиза». Судя по тому, что Неру писал о Чингисхане, его совершенно очаровал великий завоеватель, и он изобразил завоевания Чингисхана как часть древней борьбы азиатских людей против европейского господства.

Отношение к великим историческим личностям часто бывает неоднозначным. В описываемом нами случае оно прошло несколько стадий от полного неприятия до восхищения. Нам кажется, что истина, как всегда, где-то посередине.

Монголы — удивительный народ, который, владея лишь бескрайними просторами степей, сумел воспользоваться плодами труда и мысли чуть не всего мира. Их выносливость, верность своим корням, жажда жизни сослужили им хорошую службу. Когда их армии покоряли один народ за другим, одну культуру за другой, они бережно сохраняли достижения разных цивилизаций и передавали их от одной к другим.

Чингисхан не просто вел войны, имея хорошую армию, но обладал системой, которая обеспечивала ее слаженную работу и действенность всех частей его огромного военного государства. Благодаря этому у Чингисхана была сбалансированная армия, с ее обученными и чрезвычайно дисциплинированными воинами, талантливыми полководцами. Монголы обладали самой совершенной, по тому времени, структурой армии и передовой тактикой. Воины имели необходимое вооружение, знали осадные технологии и военное планирование. Действия армии подкреплялись армейской разведкой (ближней, так называемой, тактической) и дальней (стратегической). К этому нужно добавить подрывную деятельность и дипломатию, а именно: внесение раздора между государствами, гибкий выбор временных союзников. Тыл был не менее укреплен удачно составленным законодательством и охранными органами, налогообложением, почтой, устойчивым административным аппаратом, системой управления захваченными территориями. Все эти направления складываются в то, что называется государственным устройством.

К тому же действия Чингисхана не были спонтанными, он придерживался осознанного курса на преобразования. Таким образом, в державе Чингисхана были заложены системные принципы государственного строительства. Само собой разумеется, что по тем временам это давало монголам большое преимущество в завоевательной политике.

У монгольской империи было еще одно немаловажное преимущество — мобилизационные возможности. Дело в том, что воинами считалось все мужское население. Мальчишки уже с трех лет уверенно держались в седле. Бесстрашные, неутомимые, они впитывали жажду завоеваний с молоком матери. Под предводительством такого талантливого полководца, как Чингисхан, возмужавшие воины были обречены на победы.

Напомним, какова была структура войска, одержавшего столько побед, внушавшего ужас и трепет завоеванным народам. Во главе каждых десяти воинов был поставлен один — по-нашему десятник, а во главе десяти десятников тоже стоял один человек, который называется сотником. А во главе десяти сотников так же был поставлен один — тысячник. Далее в пирамиде — командир

тумена, стоящий во главе десяти тысячников, и это число называлось «тьма». Возглавляли же все войсковое подразделение два-три вождя, но один из них был главным, ему подчинялись все.

Монголы проводили всю жизнь в походах. Столь длительные походы, общение изо дня в день в жестких условиях лишений должны быть обеспечены чем-то фундаментально-цементирующим. Конечно, речь идет о железной дисциплине. Она в монгольской армии достигалась жесткими военными законами и твердым контролем за неукоснительным их выполнением. Был в армии Чингисхана жестокий закон, прописывающий, как следует поступать с теми, кто покидает поле боя. Во время военных походов, если из десяти человек побежит хотя бы один, то все воины из этого десятка умерщвлялись, если дрогнет и побежит десяток, то, несмотря на стойкость других десятков, умерщвлялась вся сотня и т. д. Таким образом, если воины не отступают сообща, а именно побегут с поля боя, то они обречены — все равно будут убиты. Точно так же, если один-два воина смело вступают в бой, а другие из подразделения не следуют за ними, то их также умерщвляют. Если кто-то из подразделения (например, один-два воина из десятка) попадает в плен, а боевые товарищи не сумели отбить их, это также карается смертью. Поэтому в монгольской армии каждый воин был ответственен за действия не только свои, но всего воинского подразделения. Из этого следует, что о дезертирстве в монгольской армии можно говорить с большой натяжкой.

Огромное значение придавалось и скорости мобилизации, даже в «Великой Ясе» было специальное распоряжение на этот счет. Оно звучит так: «Каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско, с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда прибудет приказ, безразлично ночью или днем». Снабжение войск не поручалось специальным подразделениям — оно в значительной степени вверялось самим воинам. Речь тут идет прежде всего о конях, запасах продовольствия и хозяйственных мелочах. Монголы были идеально приспособлены для дальних путешествий — каждый воин вез с собой лишь то, что было ему необходимо, и ничего больше. Кроме дэла, традиционного монгольского халата, они носили штаны, меховые шапки с ушами и сапоги с толстой подошвой. Для защиты в любую погоду каждый из них вез с собой кремень, чтобы разводить костры, кожаные фляги для воды и молока, напильник для заточки оружия, аркан, чтобы ловить пленников или животных, иголку для починки одежды, нож, топорик и кожаный мешок, в который

все это паковалось, а также небольшой шатер на случай привалов.

Нельзя не упомянуть о том, что монгольская армия постоянно испытывала недостаток в вооружении. Сами монголы делали только луки и стрелы, а остальное либо привозилось в качестве трофеев, либо было сделано плененными мастерами. Луки были очень мощными (чтобы натянуть тетиву, требовалось усилие в 71,6 кг), но легкими, для их изготовления использовали речную иву. Такие параметры гарантировали большую дальность поражения — можно было запустить стрелу на расстояние свыше 600 метров. Монгольский воин при явке на сбор должен был иметь три колчана с шестьюдесятью стрелами каждый, основной лук и два запасных. Стрелы — с наконечниками, обладающими разной пробивной способностью. Часто черешок стрелы снабжали костяной свистулькой, что вызывало в полете характерный свист.

По данным археологии, в арсенале зажиточного монгольского воина были все виды оружия для ближнего боя: кинжалы, изогнутые сабли. Кроме того, они были вооружены копьями, метательными дротиками и пиками с крюками. Ряд источников указывает на наличие в арсенале палиц, топоров и ламеллярных доспехов[12] — защитных лат, сделанных из бычьей шкуры, прошитой ремнями, или панциря с железными пластинами — в зависимости от достатка воина. Плюс шлем, сверху железный или медный, а часть, прикрывающая шею — из кожи. Скорее всего, у самых богатых и знатных монголов имелись тяжелые доспехи. Такие подразделения, по-видимому, использовались для нанесения последнего удара — в их задачу входило добить противника, уже сломленного изнуряющими атаками конных стрелков. Доспехи в этом случае нужны для того, чтобы выстоять в свалке подобного боя. В серьезном контактном бою невозможно победить, если не иметь подобных доспехов.

Как известно, монголы всегда испытывали недостаток в мастерах кузнечного дела. Ведь основным их занятием было скотоводство, охота и набеги. Недостаток собственного производства восполнялся привозом — ближайшие соседи, обладающие развитой металлургией, охотно вели торговлю с монголами. А в дальнейшем последние использовали таланты и умения мастеров, захваченных в покоренных странах. Был даже создан специальный город мастеров из 10 тысяч человек, населенный китайцами и чжурчженями, специализировавшимися на разных видах ремесел.

Необходимо также отметить, что устройство монгольской армии было органически связано с существующей структурой населения государства. В основание ее были положены начала территориальности и родового быта. Каждому племени

определена была территория, на которой оно должно было кочевать. В каждом таком племени кибитки были объединены в десятки, сотни, а в многочисленных племенах — и в тысячи под управлением особых военно-территориальных начальников. В случае набора войск им спускался определенный наряд: по одному или больше новобранца с десятка. Десяток обязан был снабдить «призывников» положенным количеством продовольствия и всем необходимым для похода. Военно-территориальные начальники при мобилизации становились строевыми начальниками, оставляя на местах заместителей.

Поскольку Чингисхан почти постоянно вел войну, и войну успешную, приносившую войскам славу и значительную добычу, то естественно, что между племенами, служившими в одних сотнях или тысячах, подвергавшихся общей опасности, разделявших общие труды и славу, рождалось подлинное братство по оружию. Таким образом, часто враждовавшие между собою до Чингисхана монгольские племена при нем в обстановке нескончаемых боевых успехов над внешними врагами сливались в одну нацию.

Армия Чингисхана, помимо хорошего вооружения, обладала еще одним несомненным преимуществом: в ней велась постоянная подготовка командного состава, этому придавалось важное значение. Интересно, что в «Биликах» изложены все основополагающие принципы успешной армии. В частности, приветствуются честолюбие и религиозность воинов как импульс для подвигов, принятия смелых решений и поддержания воинского духа.

При этом Чингисхан не одобрял безответственной храбрости, считая, что она приводит к ненужной опасности, а иногда и к неоправданной гибели. При ведении войны полководцу и вообще воину надлежит храбрость и решительность сочетать с осторожностью. Рассудительность исключает отчаянную браваду, а значит, помогает исключить ненужные жертвы. Воспитать настоящего воина нельзя за короткий срок. Опыт в военном деле приходит с годами, поэтому Чингисхан говорил, что будущих воинов военному искусству, даже смелости и храбрости нужно учить так же, как купцы годами обучаются своему искусству.

Подчеркивая значение опыта в военном деле, законодатель требовал обучение начинать с молодости. Получалось, что в мирное время на строевых начальниках лежала обязанность, если так можно выразиться, «допризывной подготовки» молодежи. Воины должны быть всегда готовы выступить в поход и затратить минимальное время на сборы: способность монгольской армии мобилизоваться была всегда на высоте. Все, что расхолаживало и

понижало уровень энергии воинов, например пьянство, не приветствовалось и подлежало искоренению. Вообще практика наказаний за проступки в монгольской армии была весьма разнообразной: от ударов палками до — в крайних случаях — смертной казни.

Как уже не раз говорилось, служба в армии была приравнена к всеобщей обязанности, а тот, кто по уважительной причине не служил, должен был отработать определенный срок на государство без вознаграждения. Поэтому можно сказать, что речь шла о самой настоящей «трудовой повинности» для всех, кто не нес личной службы в войсках в военное время.

Наверняка именно такой подход к дисциплине и законам службы привел к тому, что не бывало случаев, чтобы монгольские воины оставили поле битвы, пока был поднят штандарт (значок) командира. Железной дисциплине, заставлявшей людей стоять до последнего человека, Чингисхан обязан был успехом во многих своих делах. Немаловажным фактором также было доверие и взаимовыручка среди монгольских воинов.

Составленное из кочевников ядро армии продолжало сохранять основные принципы своего устройства, являясь благодаря этому превосходным оружием в руках самого Чингисхана и той плеяды талантливых полководцев, которых он сумел воспитать при жизни и передать своим преемникам на монгольском троне.

Если попытаться провести параллель между организацией монгольской и более поздних армий, то монгольские сотни можно приблизительно привязать к эскадронам (казачьим сотням), тысячи — к эскадронным полкам (такие полки имелись в России еще в царствование Николая I), а тьмы — к кавалерийским корпусам. Некоторые исследователи, правда, сравнивали монгольский боевой порядок с македонской фалангой: тяжелая монгольская конница выступала в качестве тарана, а вот легкая выполняла задачу обеспечения прикрытия ее флангов. Но с этим трудно согласиться, так как тяжелая конница монголов была высокоманевренной силой, да и легкая конница исполняла в бою вовсе не второстепенную роль. Еще одно преимущество монголов: войску не нужны были фуражиры и медленные обозы. Они обходились запасом лошадей, который они всегда брали с собой. Во время переходов воины доили их и забивали, чтобы использовать в пищу, а также кормились охотой и разграблением близлежащих поселений. Они могли существовать на крайне малом рационе весьма длительное время. Один хронист утверждает, что монгольская армия могла расположиться лагерем, не выдавая себя даже дымом, так как

способна была обходиться без костров, чтобы приготовить пищу.

То, как питались воины Чингисхана, выгодно отличало их от солдат других армий. Монголы могли похвалиться хорошим здоровьем, физической силой и выносливостью. Для них двухдневное голодание вообще не являлось поводом для беспокойства. Они безропотно переносили зной и стужу. Они постоянно питались белковой пищей — мясом, молоком, творогом и другими молочными продуктами, которые укрепляли зубы и кости. Как известно, такие продукты перевариваются дольше, давая больший энергетический заряд.

Вся история монгольского народа — история войн и завоеваний, поэтому воинское искусство было доведено ими до совершенства. Они все делали иначе, даже то, как они преодолевали расстояния в походах, отличало их от традиционных армий. Последние передвигались, вытянувшись в одну длинную колонну, за которой шли обозы. Монголы же растягивались шеренгой на большие расстояния, что обеспечивало коням нетронутые впереди идущим войском пастбища, а воинам — большую возможность загнать какое-либо дикое животное. И, конечно, вместе со своим войском ехал главнокомандующий. Обычно он находился в центре, а по обеим сторонам его прикрывали так называемые защитники Правой и Левой руки. Таким же образом охранялись и командиры более низкого ранга.

Кочующее войско с его строгой дисциплиной постоянно меняло расположение своих лагерей. Одно оставалось незыблемым — устройство так называемого центрального лагеря. Это помогало всем, даже вновь прибывшим, найти свое место в обустраиваемом лагере. Как всегда, все было продумано до мелочей: отряд, состоявший из китайских лекарей, расположение шатров и даже всего того, что находится внутри каждого из них. Шатры офицеров разбивались в центре лагеря, их окружали палатками охраны и других солдат. Ночью лошадей всегда держали наготове, а по границам лагеря выставлялись дозорные.

Что же касается большинства простых воинов, то они разделялись на маленькие отряды и свободно располагались по округе. Разжигали небольшие костры, стараясь делать это в сумерках, когда было еще достаточно светло, чтобы огонь был виден только на небольшом расстоянии, но уже достаточно темно, чтобы дыма не было заметно издалека. На огне они торопливо готовили себе пищу. После еды воины не засиживались и уж точно не спали возле костров, а разделялись на еще меньшие группы — человек по пять — и устраивались спать в небольших углублениях, вырытых прямо в земле.

Если говорить об обычных армиях, то они передвигались и останавливались на отдых большими колоннами, а их командиры могли общаться друг с другом при помощи записок и письменных приказов. Но для этого нужно было, по крайней мере, чтобы они умели писать. В войске монголов даже старший командный состав был преимущественно неграмотным, а сама армия была куда больше растянута в пространстве. В таких условиях связь должны были поддерживать устно. Приказы передавались по цепочке от одного к другому. Но могла возникнуть проблема точности передачи приказов. Для ее решения нашли интересный способ. Чтобы исключить ошибки, командиры формулировали свои приказы в стихах, используя стандартную систему, известную каждому солдату. Монгольские воины пользовались набором определенных мелодий и поэтических форм, в которые было легко втиснуть необходимую информацию. Таким образом, солдат заучивал приказ, как еще один куплет давно известной ему песни. Монголы вообще очень любили петь во время езды верхом. Их простые песни были обо всем: о том, что видят вокруг, о покинутом доме, о жене и детях, а заучивание текстов помогало точно передавать приказы.

Теперь стоит остановиться на главной военной силе монголов — коннице. Период средних веков, предшествовавший изобретению пороха, можно вообще назвать временем расцвета конницы и ее господства на полях сражений. Она была тем мощным орудием, при помощи которого монгольский завоеватель навязал миру свою волю.

Что же представляла собой знаменитая «монгольская лава»? Она действовала на манер нашей казачьей лавы, являющейся, по всей вероятности, ее бледной копией. Но речь не идет об одной волне, как у казаков, а о нескольких параллельных (до пяти) разомкнутых волнах. Причем расстрелявшие свой запас стрел всадники первой шеренги, а также выбывшие из строя люди этой шеренги замещались из задних шеренг. С необычайной скоростью маневрируя перед фронтом противника, всадники заскакивая ему во фланги, а при удобном случае и в тыл. Эти ловкие, вооруженные метательным оружием воины, сидящие на своих выдрессированных, как собаки, конях, то размыкались, то собирались в более или менее крупные группы. При этом они посылали в ряды неприятеля тучи стрел и дротиков, угрожая то в одном, то в другом месте атакой, а сами, не принимая сомкнутой атаки противника, бросались в притворное бегство, заманивая врага и наводя его на засады. Такими действиями они изматывали противника физически и морально настолько, что он оставлял поле боя еще до вступления в дело монгольской

тяжелой конницы.

Что касается вооружения монголов, то, как известно из исторических источников, все они должны были иметь по крайней мере два или три лука и три больших колчана стрел. Плюс к этому топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые воины были вооружены саблями, у них имелась защита для голеней, шлемы и латы, у некоторых — латы из кожи.

Подробнее всего защитное вооружение монгольских воинов и их коней описал итальянец Плано Карпини: «У них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириной в руку, заливают их смолою вместе, по три или четыре, и связывают ремешками или веревочками… Прикрытие лошади они делят на пять частей… Латы же имеют также четыре части; одна простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как поката перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела. Сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела. На плечах же эти два куска прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах. На обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, — из кожи…

У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириной в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они приготовляют много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей… Щит у них сделан из ивовых или других прутьев».

Несомненно, важную роль в военных кампаниях играли командиры, которым должны были беспрекословно подчиняться

солдаты. Командный состав монгольской армии при Чингисхане формировался на основе принципа, который нам хорошо известен на примере так называемой «суворовской школы». В это понятие вкладывается искреннее, неформальное отношение командира к рядовому солдату, знание его способностей и нужд. «Билики» самого Чингисхана требовали назначать начальником лишь такого командира, «который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других», такого, «который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы войско голодало и испытывало жажду, а скот отощал». Карьерный рост командира зависел от его способности руководить самой малой тактической единицей — десятком. Поэтому «кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или тумен: он сможет выстроить их бою».

Во время военных действий у монголов существовала особая тактика: вперед шли отряды так называемых застрельщиков. Вот как все тот же Карпини описывает их действия: «Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей. Этот передовой отряд имеет свою задачу. Его воины только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит. Тем не менее, стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках».

Форсирование рек не было проблемой для монгольского войска. Способность монголов переправляться «через воды и большие реки» как самим, так и вместе с большими табунами лошадей, впечатляет. Монголы переправляли свое имущество с помощью больших кожаных мешков, обладающих достаточной плавучестью. Происходило это следующим образом: монгольский воин «плывет рядом с лошадью, которой управляет, все же другие лошади следуют за той».

Мы уже не раз упоминали, что монгольская армия зачастую уступала в количественном отношении войскам противника. Но часто этот недостаток в живой силе компенсировался как индивидуальным мастерством бойцов, так и поиском лучших тактических вариантов и мастерством полководцев. В главном источнике информации о монголах — «Сокровенном сказании» — фиксируется три фазы боя: походный строй, затем его развертывание (в этот период происходило разделение на обходные и окружающие части, части атаки и резерва), а затем переход в непосредственное соприкосновение с противником.

Если говорить об основных тактических приемах, то это в

первую очередь обход массами конницы противника. Цель — нанесение флангового удара. Этот прием сковывал движения неприятеля стрельбой издалека. Ливень стрел в таких сражениях сопоставим «по своему поражающему эффекту» с переходом в более позднее время от стрельбы при помощи винтовки к автоматическому оружию.

Имея колоссальный опыт ведения боя в степи, монголы к тому же эффективно сокрушали крепости и города в государствах с оседлой культурой. Этот опыт они получали постепенно, год за годом — от преодоления сопротивления слабого противника до осад более сильных крепостей. И не стоит оценивать успехи монголов на этом поприще как исключительную заслугу китайской инженерной мысли, которую они использовали при осаде завоевываемых городов (а такова точка зрения многих исследователей).

Переход монголов к армии, оснащенной новейшей по тем временам осадной техникой, занял почти десять лет. Постепенно опыт осадных кампаний становился богаче. К тому же монголы, как всегда, творчески перерабатывали все приемы, которые попадали им на вооружение. Так уже через два года после первого опыта взятия крепости осадой воины Чингисхана научились разбивать крепостные стены. В их арсенале появились разнообразные приспособления для этого, подробно описанные в исторических источниках, в частности у Храпачевского.

Кроме техники, монголы при осаде искусно применяли человеческую силу — осадную толпу, хашар. Это очень известная на Востоке тактика, которая заключается в использовании завоеванного населения на вспомогательных работах, чаще осадных. Особенно этот прием был востребован при рытье подкопов и создании осадных валов. Такая работа требовала больших трудозатрат и являлась частью общего плана осады. Кроме того, хашар использовался при осаде как живой щит и как непосредственное орудие штурма — бесчеловечно, но действенно.

К тому же монголы часто прибегали к другой тактике — выманивали гарнизон противника в поле, чтобы его разгромить и взять уже беззащитный город. Если сделать это не получалось, тогда был выбор между штурмом, технической осадой и осадой на измор. Арсенал средств для любой из этих тактик был достаточно велик. Поэтому монгольскому полководцу приходилось думать, чтобы применить именно то средство, которое подходит к конкретной обстановке. Под его командованием находились дисциплинированные воины. Хорошо и быстро обучаемые монголы прекрасно справлялись как с

задачами рядового, так и командного состава. И основу этих взаимоотношений заложил Чингисхан. Его умение находить людей с командным и административными способностями стало одним из важных факторов в утверждении у монголов искусства взятия городов и крепостей.

Монголы, которые всегда проигрывали в численности завоеванным народам, использовали эти огромные массы населения для своих целей. Монгольские воины слегка изменили древнюю степную тактику, согласно которой воины гнали скот врага на его позиции, вызывая тем самым смятение и замешательство. В кампании против чжурчженей они использовали в этом качестве огромные толпы захваченных крестьян. Большинство армий того времени оставляли после себя толпы беженцев, которые остались без крова. Монгольская армия гнала их перед собой.

Монголы особенно внимательно относились к тем, кто обладал инженерными знаниями. После очередного боя они щедро вознаграждали всех инженеров, которые готовы были перейти на их сторону. Их отделяли от остальных пленных и принуждали служить монголам.

Единственные сооружения, которые строил Чингисхан, были мосты. Хотя он с презрением отвергал строительство замков, фортов или городов, он, наверное, построил больше мостов, чем любой другой правитель средневековья. Его воины возвели мосты через сотни рек, чтобы ускорить передвижение своих армий и товаров. Монголы осознанно открыли миру новую форму торговли, где товаром выступали не вещи, а новые идеи и знания.

Они привезли немецких горняков в Китай, а китайских врачей — в Персию. Торговля велась на всех уровнях. Всюду, куда бы они ни пришли, они распространяли моду на ковры. Монголы принесли персидские лимоны и морковь в Китай, а китайские лапшу, чай и игральные карты — в страны Запада. Они привезли мастера из Парижа, чтобы возвести фонтан в засушливых монгольских степях, наняли в свои войска английского дворянина в качестве переводчика, и научили персов китайскому методу дактилоскопии.

Монголы финансировали строительство христианских церквей в Китае, буддистских храмов и ступ в Персии и мусульманских медресе в России. Они прокатились по материку, как завоеватели, но в тоже время как несравненные распространители науки и культуры.

У монголов был настоящий талант к перемещению товаров и объектов роскоши, но главное — они умели создавать из них невиданные и высокоэффективные комбинации. Как отметил в

XIII веке английский философ и ученый Роджер Бэкон, монголы одерживали победы не столько благодаря своему военному превосходству, сколько «благодаря методам науки». Он отмечал, что, хотя они и «склонны к войне», но достигли столь многого, потому что «посвящали часы досуга принципам философии». Они активно анализировали самую разную информацию и извлекали из нее пользу, применимую к собственным нуждам.

Когда их искусные инженеры из Китая, Персии и Европы соединили китайский порох и мусульманскую машину «греческого огня» и применили европейскую технику отливки колоколов, они произвели на свет пушку — принципиально новое вооружение, от которого происходят все современные виды оружия, от пистолетов до ракет. Кроме того, еще во время войны с тангутами Чингисхан узнал, что китайские инженеры умеют строить осадные орудия, которые способны разрушать стены городов. Это была новая стратегия для войск великого хана, и он посчитал необходимым использовать ее в своих военных походах. Китайцы к тому времени уже изобрели несколько таких машин. Например, катапульта могла перебрасывать огромные камни и воспламеняющиеся вещества за стены; требушет (катапульта, которая работала благодаря тяжелому противовесу) мог запускать снаряды даже с большей скоростью, чем катапульта. А баллиста, представлявшая собой огромный лук, могла стрелять тяжеленными бревнами, способными разрушать здания и уничтожать все живое на своем пути. Хотя все эти изобретения уже довольно давно присутствовали в истории войн, для монголов они были в диковинку, но вскоре стали неотъемлемой частью арсенала Чингисхана, который высоко оценил их эффективность.

Каждое изобретение было ценно само по себе, но монголы достигали невиданных результатов, выбирая и комбинируя их, чтобы получить необычные сочетания. Они последовательно проводили интернационалистическую линию в сфере своих политических, экономических и интеллектуальных преобразований. Практически в любой стране, которая испытала на себе монгольское влияние, изначальный ужас и потрясение от нашествия неизвестного варварского племени быстро сменялись невиданным ростом международной торговли, расширением культурных горизонтов и скачком в техническом развитии.

К примеру, Китай поразил монголов гораздо больше, чем Европа. Именно поэтому она пострадала от нашествия в меньшей степени. Но в любом случае, в Европе практически все стороны жизни — техника, военное искусство, одежда, торговля, пища, искусство, литература и музыка — подверглись в эпоху

Возрождения серьезным изменениям в результате монгольского влияния. Изменилось многое: появились новые формы ведения войны, новые машины и блюда. Изменились самые обыденные аспекты каждодневного быта, когда европейцы переключились на монгольские ткани, одели штаны и кафтаны вместо туник и балахонов, стали играть на своих музыкальных инструментах при помощи маленького степного лука-смычка, вместо того, чтобы щипать струны пальцами, и начали писать картины в совершенно новом стиле. Европейцы даже подхватили монгольский боевой клич «ура!» в качестве возгласа одобрения и восторга.

Многочисленные военные кампании, которые возглавлял Чингисхан, непременно заканчивались его победой. Она достигалась каждый раз иными способами, но неизменным было умение монголов выжать все из завоеванных земель и народов. Очень показательна в этом плане осада Золотого хана в его столице Чжунду (современном Пекине) в 1214 году. Чжурчженьский двор только-только оправился от очередного дворцового переворота, и новый Золотой хан уже так настрадался от внутренних распрей, что, не желая выносить еще и затяжную осаду и войну, предпочел откупиться от монголов, признал себя вассалом Чингисхана. В ответ Чингисхан снял осаду с Чжунду и отправился в долгий путь во Внешнюю Монголию на северном краю пустыни Гоби.

Как мы помним, последующее предательство Золотого хана вынудило Повелителя Вселенной возобновить боевые действия против него. Этот поход стал индикатором огромных возможностей монгольской армии, которая оказалась способна успешно действовать за тысячи миль от своей центральной базы, да еще и без личного участия Чингисхана. Но важнее, чем приобретение новых подданных, важнее укрепления имиджа защитника угнетенных религий, было то, что теперь во власти монголов оказался весь Великий шелковый путь из Китая в мусульманские страны.

История сохранила для нас сведения о множестве древних путей, служивших потребностям людей. По ним продвигались большие армии, города, расположенные вдоль них, подвергались нападениям, а в мирное время эти пути служили исключительной связующим звеном торговой и культурной жизни. Именно в этом и заключалась ценность этих путей. Сегодня известен путь «из варяг в греки», долгое время существовавший между Византией, Русью и скандинавскими странами. Известен «соляной путь», который проходил по африканскому континенту, большей частью через Сахару. Один из древнейших путей, так называемый «лазуритовый», сложившийся еще в III–II тысячелетиях до н. э.,

соединял Среднюю Азию и Средний Восток со Средиземноморьем и Индией.

Тем не менее, мы можем с уверенностью сказать, что самым важным, самым значительным и широко известным в мире был так называемый Великий шелковый путь. Он соединил обширные территории, от Тихого и Индийского до Атлантического океана — что может быть масштабнее! Он пересекал Евразию и соединял Дальний Восток со Средиземноморьем. Это была не просто система торговых путей. Великий шелковый путь можно рассматривать как сложнейший культурно-экономический мост между Востоком и Западом, соединивший народы в их стремлении к миру, сотрудничеству и взаимодействию. Ученые датируют образование Шелкового пути II веком до н. э. А сам термин был введен в научное пользование в XIX веке, после появления в 1877 году труда «Китай», написанного немецким путешественником и историком Рихтгофеном.

Протяженность Великого шелкового пути составляла 12 тысяч километров, поэтому мало кому из торговцев удавалось пройти всю дорогу полностью. В основном они предпочитали путешествовать посменно, до определенных центров торговли, где и обменивали свои товары.

На всем протяжении Великого шелкового пути в городах и селениях, через которые проходили караваны, располагались караван-сараи (так назывались постоялые дворы). В них обязательно были комнаты для отдыха купцов и обслуживающего караван персонала, помещения для верблюдов, лошадей, мулов, необходимый фураж и еда. Постоялые дворы были местом, где можно было купить интересующий купца товар, купить оптом и при этом узнать последние новости. Именно поэтому Фергана, Согдиана и Хорезм стали преуспевающими торговыми центрами. Шелковый путь стал стимулом в потреблении таких товаров, как лошади, кормовые культуры, хлопок и виноград.

Этот торговый путь на протяжении многих столетий служил сближению различных народов, обмену идеями, знаниями, опытом, взаимному проникновению и обогащению культур. Конечно, в результате политических конфликтов вспыхивали войны, но постепенно обстановка налаживалась и Шелковый путь возрождался. Тяга к разумной выгоде и росту благосостояния все-таки брала верх над политическим и религиозным противостоянием.

Неудивительно то, что дальновидный Чингисхан понял, насколько можно расширить возможности его империи, если контролировать Великий шелковый путь. Его вассалами стали тангуты, уйгуры, черные кидани и северные чжурчжени. И хотя он

не контролировал ни главный центр производства шелка в китайском царстве Сун, ни главные страны-покупатели на Ближнем Востоке, ему принадлежала власть над путями. С получением контроля над потоком китайских товаров монголам открылись широкие возможности торговли со странами Средней Азии и Ближнего Востока.

Теперь, понимал великий хан, у него было куда больше богатств, чем он мог распределить среди своего народа, и он решил использовать эти излишки товаров для того, чтобы стимулировать торговлю. На Ближнем Востоке производилась лучшая в мире сталь, из выращенного хлопка они делали прекрасные ткани и владели тайной изготовления стекла. И повелевал всем этим богатством тюркский султан Мухаммад II, властитель Хорезма. Чингисхан хотел получить доступ к этим редкостным товарам и потому стал искать торгового союза с далеким султаном. Поэтому он послал в конце лета 1217 года трех послов к нему с богатыми дарами и предложением утвердить построение мира в союзе друг с другом и о мирной торговле их народов.

В этом предложении Чингисхан в очередной раз показал себя мудрым и дальновидным политиком, для которого мирное решение вопроса всегда стояло на первом месте. Его привычная к ратным подвигам армия всегда готова к войне, но, если есть выбор, лучше мирного договора ничего быть не может. С некоторым подозрением и неохотой султан согласился на предлагаемый договор. Поскольку сами монголы никогда не были торговцами, Чингисхан обратился к мусульманским и индийским купцам, которых и послал из Монголии в Хорезм с караваном товаров. Это было сказочное разнообразие: белая ткань из верблюжьей шерсти, китайский шелк, серебряные слитки и необработанный нефрит. Одного индийца Чингисхан поставил во главе каравана и доверил ему еще одно слово дружбы к султану, приглашая его к взаимной торговле, чтобы «впредь злые мысли между нами более не вставали, изгнанные добрыми взаимоотношениями между нами, и мерзость бунтарства и мятежа была очищена».

Однако произошло то, чего Чингисхан не ожидал. Когда караван вошел на территорию Хорезма в северо-западной провинции Отрар, которая теперь находится в южном Казахстане, заносчивый и жадный наместник захватил все товары и перебил торговцев и погонщиков. Глупец и представить себе не мог, какими чудовищными последствиями обернется для него этот необдуманный шаг. Чингисхан обратился к султану с просьбой наказать своего наместника за такой поступок. Но султан

отреагировал иначе: он отчитал хана за намерение командовать его подданными, казнил нескольких посланников и обезобразил лица остальных, которых и отослал затем к их правителю. Чингисхан был в ярости. Он не хотел такого развития событий, но теперь ничто не могло остудить его гнев, кроме мести.

Чингисхан с войском выступил против Хорезмского царства. Уже до конца года монголы захватили все большие города Хорезма, а покинутый всеми султан остался умирать на крошечном островке в Каспийском море, куда он бежал, спасаясь от разыскивающих его воинов Чингисхана.

Монголы продолжали развивать свой военный успех. За четыре года они покорили Среднюю Азию, затем прилегающие территории. Пали города Бухара, Самарканд, Отрар, Ургенч, Балх, Банакат, Ходженд, Мерв, Нису, Нишапур, Термез, Герат, Бамиян, Газни, Пешавар, Казвин, Хамадан, Ардабил, Марагэ, Тебриз, Тбилиси, Дербент, Астрахань. Ни один из властителей не сумел откупиться от захватчиков. Ничто не могло не то что остановить, но даже замедлить монгольское нашествие — это было стремительное наступление.

Монгольская экспансия быстро охватывает всю Азию, за исключением Японии, Индостана и Аравии, потом монголы переключаются на Европу и сокрушительно обрушиваются конницей на все страны до самого Адриатического моря. Так образуется Великая Монгольская Империя от устья Дуная, границ Венгрии, Польши и до Тихого океана, от Ледовитого океана до Адриатического моря, Аравийской пустыни, Гималаев и гор Индии. Эта империя не имеет себе равных не только по величине, но и по влиянию на мировую историю.

Монголы кардинально изменили мир за пятьдесят лет, прошедших с тех пор, как их войска вторглись в Европу. Это вторжение носило, как ни удивительно, объединительный характер. Цивилизации, которые раньше были отдельными мирами сами в себе и в значительной степени оставались неизвестны друг другу, стали частью единой глобальной системы связи, торговли, технологии и политики. Даже после смерти Чингисхана, когда время монгольских завоеваний закончилось, эпоха Монгольского мира еще только начиналась. Западные ученые позже называли XIV столетие Pax Mongolica или Pax Tatarica.

По мере увеличения Монгольской империи, цели монгольских ханов кардинальным образом менялись. Теперь они касались торговых и дипломатических связей, которых нельзя добиться силой оружия, а только с помощью мирной торговли и дипломатии. Причем коммерческое влияние монголов

распространялось намного дальше, чем их военное присутствие, а вот переход от Монгольской империи к, если можно так выразиться, Монгольской корпорации произошел уже во время правления хана Хубилая. В XIII–XIV веках монголы охраняли торговые пути, идущие через всю империю. Они создали сеть станций на расстоянии 30–40 километров друг от друга. На этих станциях можно было получить ездовых животных, а также проводников, которые могли провести караван через труднопроходимую местность.

Несмотря на политические разногласия между разными ветвями Чингизидов из-за титула великого хана, экономическая и торговая система продолжала работать бесперебойно. Со времен Чингисхана монголы поняли, что товары, доступные в одном месте, становятся роскошью в другом. Последние десятилетия XIII века стали временем лихорадочного поиска новых предметов потребления, которые могли быть проданы где-нибудь в расширяющейся сети монгольской торговли. В дело шло все — от красок, бумаги и наркотиков до фисташек, фейерверков и яда. Удовлетворяя потребности мирового рынка, мануфактуры монголов в Китае, в конечном счете, производили не просто традиционные китайские товары для мирового рынка, но создавали совершенно новые товары для специализированных рынков, включая изготовление изображений Мадонны с младенцем, вырезанных из слоновой кости для экспорта в Европу.

Даже самые обычные товары могли давать большую прибыль. С удивительной скоростью по миру распространились карточные игры. По сравнению с более тяжелыми фигурами и досками, необходимыми для игры в шахматы и другие настольные игры, карты были куда более удобны и легки для перевозки. Новый рынок потребовал ускорить и упростить производство карт.

Каждая из империй оставила в истории свой культурный отпечаток на завоеванных странах. Так, римляне принесли латинский язык, своих богов и любовь к вину, оливковому маслу и сельскому хозяйству. Каждый римский город от Эфеса в Турции до Кельна в Германии был построен по одному и тому же шаблону и в том же архитектурном стиле. В другие эпохи британцы строили здания в стиле Тюдор в Бомбее, голландцы — ветряные мельницы на берегах Карибского моря, испанцы — свои соборы и площади от Мексики до Аргентины.

По сравнению с ними монголы мало меняли мир, который они завоевали. Они не принесли никакого особого архитектурного стиля, не стремились заставить говорить на своем языке или исповедовать свою религию. Наоборот, они часто запрещали немонголам изучать монгольский язык, не меняли

радикально образ жизни покоренных народов. Они вообще очень демократично относились к культурному наследию каждой из завоеванных стран.

Навыки и умения монголов в области перемещения большого количества людей и использования новых технологий в военных целях сослужили им службу и во время Монгольского мира. Удивительная способность приспосабливать к собственным нуждам достижения тех, кто волей судьбы оказался завоеванным великой армией, выражалась конкретно в том, что монголы распределяли между своими родичами лекарей, астрономов и математиков, а также музыкантов, поваров, ювелиров, акробатов и живописцев.

Отношение к богатству в традиционных империях выражалось тем, что богатство накапливалось в одном, главном городе. Исторически складывалось, что все пути вели к столице, поэтому все лучшее там и оставалось. Значимость столицы отображалась даже в ее названии — оно становилось названием всего государства, как в Риме или Вавилоне. В империи монголов никогда не было единого главного города, и в пределах империи люди и товары постоянно перемещались с одного места на другое.

Еще одно достоинство монголов-завоевателей проявилось после покорения Китая. Это произошло уже при внуке Чингисхана Хубилае. Еще до завоевания Китая большинство крестьян в пределах любой провинции выращивало одинаковый набор зерновых культур — такова была традиция, — которые могли изменяться от одной провинции к другой, но никогда — внутри одного региона. Монголы изменили подход к засеванию земель. Это был довольно революционный для этих мест способ: крестьян поощряли выращивать те зерновые культуры, которые казались наиболее подходящими для местного климата, типа почвы и системы орошения. Такие перемены не могли не дать положительных результатов и привели к разнообразию культур и повышению производительности.

Если говорить о самых традиционных китайских культурах, таких как чай и рис, то монголы способствовали распространению их в новых землях, особенно в Персии и на Ближнем Востоке. Культура возделывания почвы тоже претерпела прогрессивные изменения. Благодаря монголам в Китае стали использовать улучшенный треугольный плуг, завезенный из Юго-Восточной Азии.

Захватив Персию, монголы и здесь совершили революцию в земледелии. Цель простая — увеличение урожайности, а значит, и доходов. За многие тысячи лет обработки почвы в Персии были

разрушены, а урожаи — низки. Монголы нашли способ бороться с этими проблемами при помощи обширного ввоза разнообразных семян из Китая. Иногда они доставляли даже побеги, ветви и целые деревья, которые сажали в недавно созданных сельскохозяйственных угодьях. Рынок земледелия изменялся к лучшему. Индия, Китай и Персия выращивали некоторые цитрусовые и раньше, но монголы старались создать максимальное разнообразие культур в каждой области.

Кроме потребности в зерне власти монголов испытывали постоянную необходимость в разных видах хлопка и других культур и материалов для изготовления тканей, производства веревок, красок, масла, чернил, бумаги, а также лекарств. Спрос на бумагу и ткани был очень велик, что способствовало увеличению урожайности хлопка, расширению зоны его посевов, изменению условий его культивации. В этой связи были изобретены новые способы выращивания хлопка в более холодных северных областях и новые технологии производства тканей. Хотя шелк всегда пользовался более высоким престижем, хлопок, как оказалось, тоже стал ценной культурой. Каждое новшество в той или иной области вызывало нововведения в других. Ранее не известные зерновые культуры требовали иных методов вспахивания, сбора урожая, молотьбы, помола, транспортировки, хранения. Этот широкий спектр измененных методов требовал использования новых инструментов и орудий, которые, в свою очередь, нуждались в новых методах изготовления. Вот пример того, как монголы постепенно, шаг за шагом поступательно изменяли мир.

Сочетание несочетаемого — лозунг, пожалуй, всей долгой и глобальной кампании, начало которой было положено Чингисханом. Раньше был важен просто обмен товарами, а теперь этого было недостаточно. Объяснение очень простое: нельзя, например, продавать лекарство там, где не знают, как его использовать.

Шло очень тесное взаимопроникновение культур разных народов, оно было взаимопродуктивным. Монгольский двор выписывал персидских и арабских лекарей в Китай, а китайских врачей посылали на Ближний Восток. Опыт показал, что китайцы обладали превосходными знаниями фармакологии и медицины. Лекари мусульман, в свою очередь, имели намного более сложные познания в области хирургии, зато китайцы лучше разбирались в устройстве и функциях внутренних органов. Монголы создали больницы и учебные центры в Китае, используя лекарей из Индии и ближневосточных стран, а также китайских целителей.

Следует отметить, что китайское иглоукалывание, учитывая особенности этого региона, не обрело последователей на Ближнем Востоке, потому что требовало слишком близкого контакта между врачом и пациентами, среди которых были и женщины. А на Ближнем Востоке это неприемлемо. В то же время китайская практика определения диагноза по пульсу оказалась весьма популярной на Ближнем Востоке и Индии. Заключалась она в том, что врач просто касался запястья пациента и после исследования его пульса сразу ставил диагноз, назначал лечение. Используя этот новый метод, лекари могли осматривать женщин, не оскорбляя чести их семей.

Монголы желали освоить те области знания, к которым раньше относились равнодушно. Все тот же Хубилай решил, что ему, как повелителю Синего Неба, необходимо точно знать фазы Луны, смену времен года и время лунных и солнечных затмений. Так же он озаботился составлением календаря. Дело в том, что в империи монголов многочисленные столицы и провинции использовали разные календари. Нужно было привести их все к единому знаменателю, чтобы управлять движением армий и потоком товаров. Поскольку Монгольская империя быстро превратилась в подобие торговой корпорации, монголам был необходим универсальный календарь, который бы работал на территории абсолютно всей империи. Для решения этой задачи монгольские власти искали астрономов и книги по астрономии на всех подконтрольных территориях.

Управляя многомиллионной империей, монголы нуждались в новой системе счета. Они рассматривали разные счетные системы, отвергая и вновь озадачиваясь поиском решения. В конце концов они много полезных новшеств взяли у арабских и индийских математиков, быстро поняли преимущества счета в столбик и вообще использования арабских цифр, они нашли применение нулю, отрицательным числам. Не только календари и счет требовали обновления, в унификации нуждались почти все уровни внутренней жизни новой империи.

Теперь в огромной Монгольской империи объем информации настолько вырос, что требовались новые формы ее распространения. Писцы больше не могли справляться с потоком новой документации. Они собирали отчеты, писали письма и послали информацию тем, кто нуждался в этом, но у них не было времени, чтобы переписывать сельскохозяйственные руководства, медицинские трактаты, атласы и астрономические таблицы. Информация должна была стать массовой, и поэтому монголы вновь нашли решение — обратились к технологии, то есть к книгопечатанию. Этому была еще одна предпосылка — рост

грамотности среди населения. По всей империи печатали книги на темы сельского хозяйства, альманахи, священные писания, законы, истории, медицинские трактаты, новые математические теории, песни и поэзию на многих языках.

Надо заметить, что такой универсальный подход ко всем сферам жизни не может не вызывать уважения. Поскольку собственной развитой культуры у монголов не было, они были готовы принимать и объединять все другие. Они искали самые эффективные изобретения и методы, а когда находили, распространяли их по территории всей империи. Монголам принадлежит множество нововведений, начиная с создания новой системы ведения войны, заканчивая формированием ядра новой универсальной культуры и мировой системы. Интересен тот факт, что эта новая глобальная культура продолжала развиваться и после упадка империи монголов.

Больше всех от нового порядка, установленного монголами, выиграла Европа. Европейцы получили все выгоды свободной торговли, обрели новые технологии и при этом сумели избежать потрясений монгольского нашествия. Были летописцы, которые писали о вторжении монголов в 1240 году, но европейцы легко забыли об этом. Теперь монголы приезжали, чтобы привезти европейцам новые предметы роскоши и открыть для них новые удовольствия. Пришедшие перемены носили фундаментальный характер. Они коснулись самых разных сфер жизни. Новые инструменты, машины и механические устройства помогали строить все, от кораблей и доков до складов и каналов, быстрее и лучше. Это были новшества созидания в противовес тому, как монгольская военная технология позволила армиям овладеть разрушительной огневой мощью.

Раньше даже подготовка одностраничного документа требовала длительных усилий большого числа людей. Процесс складывался из определенной последовательности, цепочки действий. Пастух пас овец, мясник их резал, кожевенник обрабатывал снятую шкуру, чтобы получить пергамент. На это уходило много времени. Затем пергамент разрезали на страницы подходящего размера. Потом из него делали книгу. Для этого нужно было изготовить и чернила. Следующий этап — кропотливая работа по переписыванию текста, его иллюстрированию, и наконец — кожаный переплет, производство которого тоже требовало сложных усилий и особых процедур.

Замена пергамента бумагой значительно упрощала процесс изготовления конечного продукта. Бумага — китайское новшество, которое уже было известно в Европе до монголов, но редко использовалось. Ее производство требовало особых навыков

от работника, зато значительно упрощало весь процесс. Брали рваные тряпки и прочие волокнистые материалы, натягивали их на каркас, который опускали в чан с определенным составом, а затем высушивали уже готовую бумагу. Процесс стал короче и проще.

Производство бумаги способствовало увеличению объема выпуска книг. Кроме того, оно сделало книготорговлю одним из самых мощных стимулов к возрождению греческой классики. Песенный эпос, передаваемый из уст в уста, сменился развитием письменных форм народных языков.

Наступала эпоха великих перемен. Новые идеи, приживавшиеся в Монгольской империи, влияли на способы организации общественной жизни, способствовали появлению новых теорий и развитию науки в Европе. Часть общих принципов империи монголов стали попросту незаменимыми, определяющими развитие — бумажные деньги, верховенство государства над церковью, свобода вероисповедания, дипломатическая неприкосновенность и международное право определили развитие Европы на века вперед. Оно шло семимильными шагами, используя три самых важных новшества — книгопечатание, порох и компас. Эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира: сначала в литературе, затем в войне и, наконец, в навигации. Не будет преувеличением отметить, что никакая империя с ее растущим влиянием, расширением границ и установлением своих порядков не оказала большего влияния на развитие человечества, чем эти открытия. Все они были принесены на Запад во времена Монгольской империи. Именно под влиянием этих изобретений в Европе и началось Возрождение. Но Ренессанс не стал эпохой возрождения античного римского или греческого наследия, он был воскрешением принципов и идей, положенных в основу Монгольской империи. Это было очевидным, как и то, что все эти принципы европейцы охотно приспособили для своих целей.

Влияние коснулось и искусства. Так, художники стали изображать монголов на своих картинах, с их особой одеждой, головными уборами и луками. Живописцы стали рисовать лошадей. Полотна писались в духе китайских рисунков, которые получили популярность благодаря торговле с монголами. В картинах также чувствовалось сильное азиатское влияние в изображении скал и деревьев. Европейская живопись, которая была плоской и одномерной, изменилась. Возник своеобразный стиль, в котором появились глубина, свет, стиль, который впоследствии стал отличительной чертой искусства Возрождения.

Не только в изобразительном искусстве, но и в литературе, в

философских работах явственно проступало влияние монголов. Одним из примеров такой философской мысли стали работы философа Николая Кузанского — провокационность идей монголов нашла выход в его трудах. Автор продемонстрировал глубокое понимание монгольской идеологии. Особенно четко в его работах прописан вопрос об отношении монголов к разным религиозным концессиям — в этом и есть истинная мудрость и терпимость. Не понимая, не приветствуя ни христианства, ни религии арабов и индусов, монголы принимают возможность их существования. И никакого противостояния между ними не должно быть, поскольку каждый в этом мире ищет свой путь общения с Богом. Такой подход характерен для народа с высокоразвитой культурой, но в данном случае речь шла о толерантности, предписанной «Ясой». Монголы утверждали, что религиозное согласие достижимо только в том случае, если объединить все веры под властью светского государства, что они и пытались сделать.

Однако в этот устоявшийся порядок пришло то, чего не ожидал никто. Наверное, в момент наивысшего развития история обязательно запускает механизм торможения. На этот раз он оказался настолько разрушительным, что поставил под вопрос существование человечества как такового, а значит, и Монгольской империи — его немалой, влиятельной части.

Именно налаженное торговое взаимодействие и слияние, положительные моменты которого были налицо, стало причиной великой беды. Совершенно здоровый человек мог лечь спать, а проснуться с ужасными симптомами, буквально за несколько дней умирал мучительной смертью. Болезнь расширяла сферу своего воздействия с огромной скоростью, быстро превратившись в эпидемию. Кровь замедляла свой бег, появлялись нарывы и опухоли под мышками и в паху. Эти опухоли стали называть греческим словом «бубоны», а болезнь стала известна медицине как бубонная чума. Когда опухоли достигали большого размера, они разрывались. Кровь сворачивалась прямо в жилах, и поэтому лица умирающих чернели, по этому признаку болезнь стали именовать Черной Смертью. Но она могла протекать и иначе: в некоторых случаях поражала легкие, а не лимфоузлы, в результате больные задыхались. Умирая, они заражали сам воздух. Результат был всегда один — мучительная смерть, от которой не спасали ни звания, ни богатство, ни глубокая вера.

Согласно документам того времени, а это примерно 1332 год, болезнь началась именно в Китае. Точнее, на юге Китая, а воины-монголы принесли ее на север. Всему виной крохотные насекомые, полчища которых и способствовали распространению

болезни. Блохи, которых в северные регионы привезли на себе крысы, сопровождавшие караваны с продовольствием и другими товарами, разносили чуму.

Как только зараженные блохи достигли Гоби, они нашли убежище в норах сурков и обширных колониях грызунов, где с тех пор и обитают. Чума не потеряла своей силы в открытой степи Монголии, но здесь из-за небольшой плотности населения она не была столь опасна. Даже сегодня чума уносит там несколько жизней в год, но монгольский образ жизни не дает ей перерасти в эпидемию. А вот в густонаселенных городских областях Китая, а позднее и других территорий, ситуация сложилась другая — болезнь свила себе гнездо в поселениях крыс, которые жили в непосредственной близости от людей уже так давно, что никто не видел в них источник болезни.

Масштабы гибели людей от чумы поражали — Китай потерял от половины до двух третей населения. Число жителей сократилось со 123 миллионов до 65. Поскольку товары шли из зараженного Китая, болезнь быстро распространялась во всех направлениях сразу. Итак, как свидетельствуют исторические документы, в 1338 году чума вышла из Китая, пересекла Тянь-Шань и уничтожила христианское торговое сообщество около озера Иссык-Куль в Кыргызстане. Торговля и чума стали взаимозависимыми понятиями. Те же самые монгольские дороги и караваны, которые пронизывали евразийский мир XIII и XIV столетий, перевозили теперь не только шелк и пряности. Дороги и почтовые станции, построенные монголами для облегчения торговли, стали перевалочными пунктами для блох и таким образом — для эпидемии.

У Джека Уезерфорда описан путь, который проложила себе страшная эпидемия. В 1348 году она добралась и разорила города Италии, а к июню того же года пришла и в Англию. Это было безостановочное смертоносное шествие. К зиме 1350-го чума пересекла североатлантическое побережье от Фарерских островов через Исландию и достигла Гренландии. Она, вероятно, погубила 60 % жителей Исландии и стала самым важным фактором в заключительном исчезновении последней колонии викингов в Гренландии.

Согласно некоторым оценкам, по всему миру, исключая Америку, до которой чума добралась позднее, население за сто лет уменьшилось примерно на сто миллионов человек — ужасающие цифры, а Европы — приблизительно с 75 до 52 миллионов.

Чума практически полностью опустошила некоторые области, в то время как несколько городов остались почти незатронутыми.

Одна из редких эффективных мер была принята в Милане. Как только чума вспыхивала в доме, чиновники запечатывали его со всеми обитателями внутри — больными и здоровыми, друзьями и слугами. Другие города пробовали менее эффективные средства, и это приводило к распространению болезни. Чума фактически разрушила общественный строй, который доминировал в Европе со времен падения Рима, и оставила континент в опасном беспорядке. Болезнь убивала тысячи горожан и таким образом уничтожала класс образованных людей и квалифицированных мастеров. Внутри городов, в монастырях чума выкашивала всех обитателей до единого. Масштабы смертей служителей церкви были настолько велики, что от этой трагедии европейское монашество и сама католическая церковь так и не смогли оправиться. Опасность грозила также густонаселенным деревням, закрытым замкам и уездным владениям. Умерших было так много, что могильщики не успевали выкапывать могилы и трупы сваливали в кучи.

Не понимая истинной причины болезни и способов ее передачи, общество все-таки осознало ее связь с торговлей и передвижением людей между городами. Поэтому реакцией на происходящее было желание покинуть город, если возможно, или, по крайней мере, закрыть его для посторонних. Любой из этих вариантов означал немедленную остановку торговли, сообщения и транспортировки грузов. Прекратился обмен дипломатическими делегациями и письмами. Наступил экономический и информационный коллапс. Без монгольской транспортной системы католическая церковь потеряла контакт со своими миссиями в Китае. Напуганные люди всюду обвиняли иностранцев в распространении заразы, что еще больше повредило международной торговле.

Страшная болезнь внесла свои коррективы в то, что создавалось десятилетиями. Она не принимала во внимание важность торгового общения да и самой человеческой жизни. Чума не только изолировала Европу, но и отрезала монголов в Персии и на Руси от Китая и Монголии. Правители-монголы в Персии больше не могли получать товары из своих земель и мануфактур в Китае. Рушилась устоявшаяся система доходов. Черная полоса казалась бесконечной. Чингизиды в Китае не могли получить свою долю дани с Руси или Персии. Совершенно разрушилась взаимосвязанная система собственности. Чума опустошила страну, деморализовала население и, оборвав торговлю, обмен данью, лишила Чингизидов первичного источника их доходов. В течение почти ста лет монголы использовали свои взаимные материальные интересы для

преодоления политической раздробленности. Создавшееся положение вещей грозило уничтожить империю как таковую. Этому было простое объяснение: она зависела от быстрого и постоянного передвижения людей, товаров и информации всюду по территории империи. Без этих связей не было уже никакой империи.

Монголы завоевывали государства и правили народами, превосходящими их по численности в тысячи раз. Но подданные мирились с их властью и после того, как сила монгольской армии истаяла, поскольку империя продолжала производить огромный поток товаров. Из-за чумы прекратилась торговля, а надежды на военную помощь со стороны других ветвей семьи не было, так как им тоже приходилось противостоять враждебной среде покоренных народов. Эпидемия лишила монголов их двух главных преимуществ — военной силы и коммерческой прибыли. На Руси, в Средней Азии, Персии и на Ближнем Востоке они были вынуждены искать новые способы сохранить власть и законность. Нужно отдать им должное, они быстро поняли, как это сделать. Самым логичным и простым было вступать в браки со своими подданными и сознательно подражать им в языке, религии и культуре. Дальше больше — монголы фактически отказались от традиционного шаманства, буддизма, христианства и фактически приняли ислам, который был главной религией их подданных, или, в случае Золотой Орды на Руси, религией тюркской армии, которая помогала Чингизидам сохранять власть.

Вот здесь и начались серьезные разногласия. Разное вероисповедания стало причиной раздоров в правящих монгольских фамилиях. Кроме того, увеличивалась пропасть между монголами и китайцами. Это была целенаправленная политика: чиновники решили, что они наделили китайцев слишком большой свободой и что монголы позволили себе слишком привязаться к китайской жизни. Принявшись исправлять «ошибку», они еще больше отделили себя от китайского языка, религии, культуры и смешанных браков. Ограничения, введенные для китайцев, были неоправданно жесткими и привели к их недовольству и страху перед своими правителями-монголами. Распространялись слухи о массовом истреблении монголами китайских детей или о готовящемся приказе казнить всех носителей той или иной китайской фамилии.

Теперь монголы старались как можно меньше походить на китайцев. Была забыта традиционная монгольская политика веротерпимости, вместо этого широкие привилегии получил буддизм в виде его тибетской ветви, противопоставив буддийский канон традиционным конфуцианским идеалам китайцев.

Складывалась новая ситуация, в которой монгольские ханы Китая все более отдалялись от своих подданных. Не сумев остановить распространение эпидемии, они нашли спасение в духовности тибетских монахов, которые поощряли новые формы религиозной практики. Особое распространение при дворе получил тантризм[13]. Так изменились приоритеты. Теперь монгольские правители Китая сосредоточились на выражении своей духовности и сексуальности, а в это время общество за стенами Запретного Города разваливалось на части. В экономической сфере монгольские власти потеряли контроль над денежно-кредитной системой, которую они так долго и тщательно создавали. Принципы, согласно которым использовались бумажные деньги, оказались более сложными и непредсказуемыми, чем мог понять рядовой чиновник. В создавшейся ситуации система постепенно вышла из-под контроля. Доверие к бумажным деньгам падало, увеличивая ценность меди и серебра. Инфляция росла отчаянно, а в 1356 году бумажные деньги просто потеряли всякую стоимость.

Сложилось так, что империя Чингисхана была последней великой племенной империей в мировой истории. Это был очень долгий и непростой путь. Повелитель Вселенной стал наследником десяти тысяч лет войны между кочевыми племенами и цивилизованным миром, древней борьбы охотника и пастуха против земледельца. Это была история такая же старая, как история бедуинских племен, которые следовали за Мухаммедом, чтобы пресекать языческое идолопоклонство в городах, римских кампаний против гуннов, греческих — против кочевых скифов.

Хотя Чингисхан и был порождением древнего племенного прошлого, его вклад в формирование современного мира торговли, коммуникации и больших светских государств больше, чем любого другого человека.

Добиться такого резонанса в истории можно было только великими свершениями. Темучжин-Чингисхан всей своей жизнью доказывал, что не боится работы, и трудился не покладая рук, чтобы создать что-то новое и лучшее для своего народа. Его армия была непобедимой, планы — грандиозными, упорство — достойно уважения. Его армия, конечно, уничтожала уникальность цивилизаций вокруг себя, но при этом связывала эти культуры воедино, создавая своеобразное сообщество, аналогов которому не было и уже не будет.

О великих деятелях истории трудно говорить однозначно. Их жизнь, поступки порой противоречивы и выглядят по-разному в зависимости от точки восприятия героя. Их действия зачастую непредсказуемы, спорны, но обязательно судьбоносны. События,

связанные с ними, происходят внезапно и длятся долго, оставляя шлейф последствий мирового масштаба. Результаты действий таких неординарных личностей переживают их на века. Чингисхана уже давно умер, но то, что он совершил, повлияло и на нашу жизнь, а значит, и на наше время.

Хочется взобраться на вершину той самой священной горы, где великий хан искал утешения, ждал озарения, просил помощи у Вечного Неба. Каждый раз по окончании похода Чингисхан возвращался сюда, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Он изменил мир, но не позволил ничему изменяться на земле его рождения. Подняться бы по скалистому склону Бурхан Халдун, и взглянуть на мир, оставшийся у ее подножья, великолепный мир из застывших озер и извилистых рек.

Мир устроен так, что нет в нем ничего вечного. Рушатся империи, города стираются с лица земли, исчезают целые народы и страны. Что говорить, если даже такие титаны, как Чингисхан, рано или поздно оказываются на пороге смерти. Ослабевший за последние месяцы, предчувствуя, что смерть близка, великий хан Темучжин призвал двух бывших при нем сыновей и самых верных полководцев, чтобы продиктовать им свое завещание и дать последние наставления. В течение многих дней хан совещался со своими приближенными. Больше всего его занимали война и состояние империи. Прежде всего он хотел решить мирным путем проблему наследования, преемственности власти — вопрос, который его очень волновал. Но пока великий хан умирал, все были согласны в одном — в абсолютной необходимости скрыть его неотвратимый конец. В интересах политики нужно было сфальсифицировать факты.

Перед шатром императора в землю была воткнута длинная пика с черным войлоком на острие в знак того, что болезнь поразила повелителя. Вокруг была поставлена надежная охрана. Никто под страхом немедленной смерти не смел приблизиться без особого приказа. Так начался великий заговор молчания, продолжавшийся три месяца. Темучжину было около семидесяти лет. Его волосы и борода уже давно стали седыми. Великий хан уже не мог собраться с силами, чтобы встать с ложа. Теперь надежды не осталось — он точно знал, что конец близок. Старинная пословица гласит: «Когда монгол разлучен со своим конем, что остается ему, кроме смерти?» Шаманы произносили свои заклятия, но, несмотря на все их старания, смерть уносила «покорителя мира волею небес», того, кому дали имя Чингисхан.

Давно не существует царств, завоеванных великим монгольским ханом, названия многих, некогда населявших их народов, изменились. Однако на современном атласе можно

отметить приблизительные границы этой колоссальной империи. Она включала территорию современной Монголии, Манчжурию, часть Дальнего Востока, северную часть Кореи, северные китайские провинции, обширные районы западного Китая, республики Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан, весь северный Иран и три четверти Афганистана и, наконец, часть центральной Сибири — западнее озера Байкал.

Эти имперские владения, не знавшие равных, были выкованы Темучжином и превращены в единый монолит острием сабли за последние двадцать лет его жизни. А двадцать предыдущих лет ушли на борьбу за объединение кочевых монгольских племен в единое целое. И эта империя должна была не только пережить его, но стать еще больше и могущественнее. Это было целью всей жизни Чингисхана.

Умер Чингисхан в походной обстановке так же просто, как и прожил всю жизнь. Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего 4/5 Старого Света, властелин около 500 миллионов душ, а значит, по понятиям своего века, обладатель несметных богатств, он до конца дней жил, как кочевник. После покорения Средней Азии офицеры его армии обзавелись роскошными турецкими кольчугами и стали носить ценные дамасские клинки. Но Чингисхан — страстный любитель оружия — принципиально не последовал их примеру и вообще остался равнодушен к влиянию мусульманской роскоши, продолжая носить одежду кочевника и держаться степных обычаев, завещав своим наследникам и всему монгольскому народу не изменять этим обычаям во избежание влияния на их нравы китайской и мусульманской культур.

У Чингисхана не было таких личных потребностей, в жертву которым он принес бы высшие цели своей политики. Вся его жизнь была посвящена осуществлению его высочайшего идеала — созданию единого мирового царства. Один французский историк очень верно написал об этом Великом Монголе: «…он действительно установил мир во вселенной, мир, продолжавшийся около двух веков, ценою войн, которые в общей сложности не продолжались и двух десятилетий. Чингисхан искал союза с христианством. Если бы этот союз осуществился, то не подлежит сомнению, что ислам, взятый в клещи (крестоносцами и монголами)… был бы раздавлен… экономические, социальные и политические связи между Западным миром и Дальним Востоком не терпели бы постоянных перерывов от враждебного Европе мировоззрения. Все цивилизации Старого Света достигли бы взаимного понимания и проникновения. Христианство не сумело этого понять… Этот

завоеватель мира был прежде всего его непреклонным возродителем. Железом и огнем он открывал древние мировые пути для шествия будущей цивилизации».

Упорство и честолюбие Чингисхана, его бесспорные стратегические способности и умение руководить людьми сделали его политическим и военным гением. Под его властью скотоводы превратились в непобедимую и быструю кавалерию, разбросанные и враждующие между собой племена объединились под одними знаменами. Кочевые народности, бороздившие степи вслед за своими стадами, стали могучей конфедерацией, заставлявшей отныне трепетать государства Дальнего и Среднего Востока и европейского континента. Заслугу Чингисхана в развитии мира трудно переоценить. Он открыл человечеству новые пути. Это при нем Европа пришла в соприкосновение с культурой Китая. Напомним о том, что при дворе его сына армянские князья и персидские вельможи общались с русскими великими князьями. Колоссально расширилась сфера общения и взаимосвязей — открытие и защита торговых путей сопровождалось обменом идей.

Европейцы искренне заинтересовались далекой и ранее неизвестной Азией. Марко Поло отправляется туда вслед за Рубруком, а через двести лет отплыл открывать морской путь в Индию Васко да Гама. В сущности, и Колумб отправился в свою экспедицию на поиски не Америки, а земли Великого Могола. Однако чем более выдающаяся перед нами личность, тем более противоречивые чувства она вызывает. Так было и так будет. Поэтому Европа, которую в данном случае можно отождествить с «христианством», не поняла Чингисхана. Она не смогла разобраться в конечных целях всех его долгих победоносных походов. Он не вел свои войны за религию, как Магомет, и не ставил задачу личного или государственного возвышения, как Александр Македонский, а позже Наполеон, — этим европейцы были поставлены в тупик. Усложняя простые, лежащие на поверхности идеи, они словно забывали о том, что Чингисхан, при всем его величии, оставался простым воином-кочевником. Объяснение непонимания Европой Великого хана лежит в простоте монгольского характера. В противоположность, например, Наполеону он ни в малейшей степени не был фаталистом, с другой стороны — ему не приходило в голову, подобно Александру Македонскому, присваивать себе атрибуты бога.

Чингисхан мечтал о едином царстве Человечества, так как только тогда, как он полагал, прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества как в

области духовной, так и материальной культуры. Жизнь одного человека оказалась слишком короткой для осуществления этой грандиозной задачи, но Чингисхан и его наследники приблизились к ее решению, когда объединили в своем государстве множество народов.

И конечно, нельзя забывать, что именно с Чингисхана началась история самой Монголии. Слияние многочисленных степных групп в одно мощное военное и политическое целое, оказавшееся способным подчинить всю Азию, — это заслуга самого Чингисхана. Вместо смертоносных беспрерывных войн между племенами он поставил перед объединившимися монголами великую цель — мировое господство. По пути, указанному Повелителем Вселенной, долгое время двигались его потомки, дух великого хана продолжал жить в членах его многочисленной семьи. Все они были детьми Золотого Света, потомками волка и лани, и под Вечно Синим Небом Монголии Духовное Знамя Чингисхана все еще вьется на вольном ветру.

Наследники Чингисхана

Покоривший Русь (Бату)

«Незваный гость хуже татарина», — эта фраза известна каждому из нас. Ее появление довольно легко объяснить, если вспомнить, что не одно столетие монголо-татары наводили ужас на жителей Руси. Во всяком случае, вот что утверждают многие российские историки: в XIII веке племена, вышедшие из степей междуречья Онона и Керулена, захватили эти территории и обосновались на них всерьез и надолго. Это и были времена монголо-татарского ига. Управлял завоевателями сын Джучи, внук Чингисхана Батый (Бату), ставка которого располагалась на Нижней Волге в городе Сарай.

Большинство историков считают, что монголы были дикими кровожадными бандитами, которые не мыслили свою жизнь без разбоев и грабежей, и все потому, что они были кочевниками, а кочевники без набегов не представляют себе жизни. Однако в реальности дело обстояло совсем иначе: по приходу в южнорусские степи моголы первым же делом занялись строительством городов и покровительством торговле и ремеслам.

Герой этого раздела книги — Бату (Батый), внук Чингисхана. Один из тех, кто создавал историю Монголии, кто вел за собой монголов и брал ответственность за принятие решений. Личность, о которой известно одновременно и много, и мало, а споры о роли Бату в истории ведутся до сих пор. Ничего удивительного, ведь в этом воине текла кровь самого Повелителя Вселенной. Будучи всего лишь одним из многочисленных внуков основателя Монгольской империи, уже в молодости Бату возглавил крупнейший из ее уделов — Улус Джучи — и в течение двух десятилетий объединил Дешт-и-Кипчак (Кипчакскую степь) под своей властью, причем не формальной. Многочисленные независимые племена, прежде населявшие эту территорию, превратились в подданных одного правителя, воля которого была законом для каждого жителя Дешт-и-Кипчака — огромной территории от Алтая на востоке до Днестра и Дуная на западе.

Бату был современником таких правителей, как Фридрих II Гогенштауфен, Людовик IX Святой, Папа Римский Иннокентий IV, Александр Невский — и с каждым из них у него были контакты. Можно без преувеличения утверждать, что Бату принадлежит особое место в истории формирования дипломатических отношений между Европой и Монгольским миром, поскольку он стал первым монгольским правителем, вступившим в контакты с представителями Европы, и в дальнейшем уделял большое

внимание поддержанию этих контактов.

Безусловно, Бату стал столь могущественным правителем далеко не сразу после того, как возглавил Улус Джучи. Восемнадцатилетний царевич поначалу обладал лишь номинальной властью и первые несколько лет своего «правления», по-видимому, вообще отсутствовал в своих владениях. В 1235 году было принято решение о походе на Запад, и это стало не только важной страницей в биографии Бату, но и одним из переломных этапов в истории Монгольской империи и христианского мира. В результате этого похода сложились западные границы империи и европейцы открыли для себя бескрайнюю Азию. Бату стал предводителем этого похода — сначала номинально, а затем и фактически, что в немалой степени послужило росту его авторитета и могущества в дальнейшем.

После смерти в конце 1241-го — начале 1242 года Угедэя и Чагатая, сыновей Чингисхана, Бату стал главой рода Чингизидов, сначала также номинально, но к концу 1240-х годов он обрел и реальную власть в семействе Чингисхана и империи. Наконец, после того как великим ханом стал Мунке (избрание которого было подготовлено и осуществлено по инициативе и при непосредственном участии Бату), сын Джучи официально занял самое высокое положение в Монгольской империи. Он получил титул «ханского отца», то есть по статусу считался выше самого великого хана. Таким титулом не обладали другие Чингизиды ни до ни после Бату. Всю жизнь ему приходилось непрерывно бороться сначала за власть и авторитет, а впоследствии — за их укрепление. Результатом этой борьбы стало не только его главенствующее положение в Монгольской империи, но возрастание могущества Улуса Джучи. Вскоре после смерти Бату этот улус обрел независимость и просуществовал свыше двух с половиной столетий в качестве самостоятельного государства — Золотой Орды, преемники которого (в частности, Крымское ханство) дожили до конца XIX века.

Но в глазах западных и российских историков Бату был прежде всего завоевателем и разорителем Руси и Центральной Европы. При этом почти не говорится о том, что именно Бату объединил многочисленные племена, о его ведущей роли в монгольской политике. Об этом правителе вообще написано незаслуженно мало. К тому же существуют значительные расхождения между сведениями источников о Бату и выводами исследователей, которые опирались на эти самые источники. Так, например, анализ источников позволяет утверждать, что Бату никогда не был ханом: он упоминается с таким титулом только в

сочинениях, появившихся гораздо позже его смерти. Кроме того, вовсе не героическое сопротивление русских или народов Центральной Европы и даже не смерть Угедэя заставили Бату прекратить западный поход: он завершил его, полностью достигнув поставленных целей, тогда как смерть великого хана послужила лишь официальным поводом для свертывания боевых действий. Кроме того, Бату не основывал никакой Золотой Орды, и владычество над Русью было отнюдь не самым главным направлением его политики. Наконец, Бату не просто «поддержал» Мунке[14] на выборах великого хана, а фактически сам возвел его на трон.

Поэтому жизнь Бату, его место в истории уже многие годы является поводом для глобальных дискуссий ученых.

К выбору имени монголы всегда относились очень ответственно. Особенно когда речь шла о том, чтобы назвать сына. Монгольское слово «бат» означает крепкий, прочный. Так называли ребенка, чтобы младенец рос здоровым телом и крепким духом, твердым в своих устремлениях. У ряда авторов имя Бату присутствует в несколько измененном варианте: Симон де Сент-Квентин, посланец Папы Римского, отправившийся в Малую Азию в 1247 году, передает его как Batho или Bathot, Вильгельм де Рубрук — Baatu, Фома Сплитский — Batho, венецианец Марко Поло — Patu. Вариант Бату соответствует средневековому монгольскому произношению этого имени: именно так звучит имя Батыя в монгольской хронике «Сокровенное сказание», написанной, как считается, около 1240 года. Широко используемой формой имени Бату является вариант Батый: так это имя передается всеми русскими летописцами, а также и некоторыми западными авторами, услышавшими его от русских. Один из самых любопытных вариантов имени Батыя встречается в «Великой хронике» историка Матфея Парижского. В ней русский архиепископ Петр, рассказывая на Лионском соборе о монголах, произносит имя Bathatarcan. Объяснить происхождение этого варианта можно, если пойти по самому простому пути: это соединение имени Бату и слов «татар», «хан». Во многих исторических сочинениях Бату очень часто упоминается с ханским титулом — Бату-хан. А вот в сочинениях, появившихся при его жизни или вскоре после смерти, ханский титул отсутствует.

Персидский историк Джувейни сообщает, что родственники называли Бату «ака» («ага»), но это был не титул, а уважительное обращение к старшему в роду, каковым Батый и стал после смерти Чагатая. Английский исследователь Дж. Бойл считает, что Саин-хан — это посмертный титул Бату, поскольку словом «саин»

монгольские правители обозначали своих умерших предшественников, имена которых, в соответствии с обычаем, упоминать не следовало. Но позволим себе не согласиться с версией, что титул «Саин-хан» мог присваиваться и другим потомкам Чингисхана. Под этим титулом в историю вошел именно Бату: так называют его тюркские, персидские, армянские, арабские, русские и европейские авторы. Посмертный титул Бату со временем превратился в альтернативу его имени и даже употреблялся в официальных документах. И хотя в исторической традиции имеется несколько широко употребительных вариантов имени этого исторического деятеля, но все-таки форма Бату — наиболее близка к оригинальному монгольскому варианту.

Не только имя этого человека стало предметом споров, но даже даты его рождения и смерти. Справедливости ради нельзя не заметить, что самих монголов эти даты мало интересуют. Единственным источником, в котором указан год рождения Бату, являются «Списки устроителя мира» персидского автора Кази Ахмеда Гаффари: «Родился он в 602 г. (возможно, 18.08.1205-го, 1207-го или 1206 года)», а дата смерти варьируется от 1246-го до 1257 года. Сведения о продолжительности жизни Бату представлены только в двух источниках. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина сообщается, что «жития его было сорок восемь лет». Любопытно, что в другом разделе автор сообщает, что Бату «прожил целый век», при этом и в других местах своего сочинения подчеркивая, что он был «стар». Возможно, под «целым веком» персидский историк подразумевал не столько продолжительность жизни Бату, сколько то, что он достиг вершин власти и могущества, осуществил все свои планы. Все это позволяет предположить, что вокруг образа Бату к XVI веку начали складываться легенды: приписывание герою долгой жизни — распространенный прием в эпических произведениях азиатских народов.

О Бату нельзя говорить, не вспомнив о его отце, Джучи. Некоторые моменты биографии последнего не могли не оказать влияния на судьбу сына, но не до такой степени, как пытаются представить некоторые ученые. Происхождение Бату, в отличие от происхождения первенца Чингисхана, не вызывает сомнений. И тут же возникает закономерный вопрос: какие негативные последствия имели сомнения в происхождении Джучи для него самого и для его потомков? Как выясняется — никаких! Подозрения, высказанные в отношении Джучи, никогда не распространялись на его потомков, включая Бату. Он враждовал с некоторыми из своих родичей, потомков других сыновей Чингисхана, которые порой позволяли себе его довольно грубо

оскорблять, но среди этих оскорблений ни разу не встречается даже намек на происхождение Бату не от Чингисхана. Поэтому логично, что позднее именно Бату стал главой рода Борджигин, самым старшим и почитаемым членом семейства Чингизидов. Более того, другие потомки Чингисхана неоднократно предлагали ему трон великого хана.

Те, кто трактует события меркитского плена Борте по-своему, пытаются обосновать свою позицию, в частности, тем, что отец Бату так и не стал преемником своего родителя. Мол, Чингисхан не доверял Джучи, лишил его права наследовать ханский титул и отправил в самые отдаленные западные владения своей империи. Однако, как мы уже упоминали, Джучи не стал наследником отцовского трона отнюдь не из-за сомнений Чингисхана в своем отцовстве, а в соответствии с древним монгольским обычаем, согласно которому «двор отца и матери достается всегда младшему сыну». К тому же Джучи не просто был отправлен на окраины Монгольской империи, а получил улус, не меньший, а, возможно, самый большой из всех, которые достались сыновьям Чингисхана.

Другие историки высказывают идею о том, что Джучи стал соправителем своего великого отца, а не это ли является самым лучшим доказательством того, что между этими двумя людьми не было недосказанного, не было недоверия. На возможное соправительство Чингисхана и Джучи указывает факт упоминания последнего в источниках с ханским титулом. Он мог быть присвоен ему вскоре после его смерти либо самим Чингисханом, либо его преемником Угедэем. Характерно, что Бату, став преемником отца в Улусе Джучи, этого титула не унаследовал: как мы говорили выше, он, подобно своему отцу, получил ханский титул только спустя некоторое время после смерти.

Одна из самых достоверных дат смерти Джучи связана с уходом из жизни его отца — это случилось за полгода до смерти самого Чингисхана. Версий причин смерти Джучи тоже несколько: первая — болезнь, вторая — убийство сына Чингисханом, а третья основана на степных преданиях, авторы которой говорят о насильственной смерти Джучи, но никого в ней не обвиняют. На сегодняшний день большинство исследователей склонно связывать смерть Джучи с естественной причиной — болезнью, поскольку источники сообщают, что в последние годы он много болел и это было известно его отцу. Предположение же о насильственной гибели первенца Чингисхана — вероятно, своеобразная дань высокому положению и значительной роли Джучи в истории: в сознании историков просто не укладывался

факт, что столь высокопоставленный правитель мог умереть такой «простой» смертью. Кроме всего прочего, обстоятельства гибели высокопоставленных Чингизидов всегда окутаны ореолом тайны, недомолвок, что давало повод для возникновения разного рода слухов.

Смерть Бату ряд авторов тоже склонен считать насильственной. Несмотря на то что Джучи, вероятнее всего, умер от болезни, а не был убит тайными недругами, ни для кого не были секретом его натянутые отношения с родней. Поэтому на нового правителя его улуса, кем бы он ни был, ложился тяжелый груз — установление с влиятельными родичами отношений, при которых ему удалось бы сохранить владения Джучи. Судьба распорядилась так, что этим правителем стал Бату, которому в год смерти отца исполнилось восемнадцать. Был собран курултай, на котором Бату и был провозглашен новым правителем улуса.

Поскольку нет никаких оснований считать Бату ханом, полагаю, можно определить его статус как правителя, а фактически — наместника Улуса Джучи, назначенного по распоряжению его деда Чингисхана. Только от воли верховного правителя Монгольской империи зависело, кто унаследует власть в том или ином улусе или даже более мелком владении. Таким правителем на момент смерти Джучи являлся Чингисхан, и только он мог решать судьбу любого улуса. Это объяснялось даже не столько правовым статусом того или иного улуса, сколько тем, что все улусы Монгольской империи находились в личной собственности рода Повелителя Вселенной. Поэтому распоряжаться ими мог только сам великий хан и семейный совет Чингизидов — это было практически семейным делом. Важно отметить, что, согласно правилам наследования в Монгольской империи, Джучи совершенно не обязательно должен был наследовать его сын: теоретически правителем его улуса мог стать любой член рода Чингисхана. Тем не менее, наследником Джучи стал именно его сын Бату. Почему?

Во-первых, сам Чингисхан предложил на этот пост своего внука. Во-вторых, степные аристократы, сохранив порядок управления, разумеется, предпочли бы видеть правителем неопытного Батыя, а не его грозного деда. Батый, кроме того, что был старшим сыном Джучи, к тому времени успел проявить себя как талантливый полководец. И здесь снова возникает противоречие: во многих источниках старшим сыном Джучи называют Бувала, за которым — Орду. В то же время, ни один источник не сообщает, что Бату пользовался особой благосклонностью своего деда Чингисхана, в отличие, например,

от других внуков — Мутугэна, Хубилая или Есунгэ-Энхтумура, сына Хасара, которого великий хан даже пожелал увидеть перед кончиной.

Единственным объяснением причины выбора Чингисхана, на основании сведений источников, может быть происхождение Бату по линии матери — Уки-хатун, которая была дочерью Алчу-нойона из племени унгират. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина среди нескольких сотен монгольских племенных вождей и аристократов назван только один Алчу-нойон-унгират: это — сын Дэй-Сечена, одного из племенных вождей унгиратов и… брат Борте-хатун, главной супруги самого Чингисхана! Таким образом, Уки-хатун была не только супругой Джучи, но и родной племянницей «старшей госпожи» властителя Монгольской империи, которая всю жизнь имела на него большое влияние.

Вполне возможно, что после смерти Джучи его мать Борте могла предложить Чингисхану сделать преемником того из сыновей их первенца, который приходился ей не только внуком по отцу, но и внучатым племянником по матери. И предложение это могли поддержать ее могущественные родичи-унгираты. Вполне вероятно, что именно по этой причине Чингисхан легко согласился на кандидатуру Бату. Дальновидный властитель не видел оснований идти в этом вопросе на конфликт со своей главной женой и ее могущественной родней. Таким образом, Бату возглавил Улус Джучи по воле деда, вероятно, благодаря родственным связям своей матери.

Существуют, однако, источники, указывающие на то, что Бату лишь формально возглавлял улус, а реальным его правителем был его брат Орда. Именно он и управлял войском, оставшимся после смерти отца. Разные версии имеют право на существование, но наиболее реальной кажется та, в которой говорится, что все братья покорились воле Бату. Как известно, после смерти Чингисхана возникли неоднозначные ситуации, связанные с названным преемником — Угедэем, чего не наблюдалось в случае с Бату. Ни после смерти Чингисхана, ни в течение всего последующего долгого правления Бату источники ни разу не упоминают хотя бы об одном его конфликте с братьями, покушении на его власть с их стороны. В более поздние периоды жизни Бату — после похода на Запад и, тем более, после приобретения статуса главы рода Чингизидов в 1240-е годы — уважение и покорность братьев выглядит вполне понятной. Но почему они признавали его главенство уже на столь раннем этапе его правления?

Здесь дело не только в его исключительных полководческих качествах, которые он, очевидно, вряд ли успел проявить в столь

юном возрасте. Существует версия, согласно которой Бату обладал тем, что в наше время называют красивым словом «харизма», а в монгольском языке — «suu jali». В монгольском варианте это средневековое понятие означало умение человека быть посредником между людьми и Небом, обеспечивать небесное покровительство своему государству и благоденствие народу. Так, источники сообщают, что во время похода на Запад Бату совершал священные ритуалы, призывая помощь Неба в грядущих завоеваниях: он долго и горячо молился за успешное завершение очередного предприятия. Бату пользовался большим уважением среди монголов: слабому правителю просто бы не доверили священное право быть посредником между Небом и людьми! Это качество обусловило почтение к нему как со стороны собственных братьев, так и со стороны других представителей рода Чингизидов и прочей монгольской знати.

Одним из судьбоносных событий в жизни Бату стало участие в курултае, на котором его дядя Угедэй стал великим ханом — на нем состоялся так сказать, «политический дебют» внука Чингисхана. Этот курултай должен был решить несколько задач, помимо очевидной — возведения на трон нового хана и принесения ему присяги. И несмотря на четко выраженную волю Чингисхана, этот процесс был далеко не однозначным, поскольку появилось несколько претендентов на власть. В их числе не было старшего сына Чагатая, а вот Толуй, младший сын Чингисхана и Борте, обладавший титулом «великий князь», был весьма вероятным претендентом на трон. Он пользовался большой популярностью в народе и войсках и к тому же, как младший сын, после смерти Чингисхана унаследовал его коренной юрт — Монголию и завоеванные к тому времени китайские территории. Более того, он стал регентом Монгольской империи, и именно ему предстояло организовать курултай для избрания преемника Чингисхана. Но Толуй уже настолько вжился в образ правителя, что всячески отодвигал время созыва собрания.

Еще одним претендентом на трон вполне мог быть Годан, сын Угедэя: уже Чингисхан считал его следующим наследником после Угедэя. Но Годан тяжело страдал от какого-то кожного заболевания, что не позволило ему занять трон. Кроме того, младший брат Повелителя Вселенной Тэмуге тоже мог быть в ряду тех, кто видел себя обладателем абсолютной власти. Но еще при жизни Чингисхана им было принято не подлежащее обсуждению правило: на трон великого хана отныне могли претендовать только его прямые потомки. И впоследствии любой не-Чингизид, предъявивший претензии на трон (включая потомков братьев Чингисхана и даже его собственных потомков

по женской линии), считался узурпатором и подлежал казни. Впоследствии именно Тэмуге и был осужден и казнен на основании этого положения «Ясы».

После долгих интриг, переговоров и соглашений в 1229 году в урочище Худугэ-Арал Угедэй официально был объявлен великим ханом и воссел на трон своего отца. По-видимому, Бату играл в церемонии значительную роль как правитель Улуса Джучи. Однако наследник Джучи прекрасно отдавал себе отчет, что его участие в церемонии избрания — не самая важная цель поездки в Монголию. Гораздо важнее ему было получить от нового хана подтверждение своего статуса правителя самого большого улуса, улуса его отца. Видимо, когда Чингисхан назначил правителем Бату, он должен был явиться к деду для формального утверждения, но этому помешала смерть Чингисхана, поэтому Бату был утвержден уже решением новоизбранного великого хана Угедэя. Наверняка ему пришлось проявить всю свою дипломатическую сноровку, на которую только мог быть способен столь юный амбициозный юноша. Он оказал всемерную поддержку новому хану, который на начальном этапе своего правления остро нуждался в ней и не доверял даже самым близким родичам.

Не по годам мудрый Бату своей дипломатичностью и умением сглаживать конфликты добился того, что многолетняя вражда Угедэя и Чагатая с Джучи ни в коей мере не распространилась на сыновей последнего. В дальнейшем сыновья Чингисхана поддерживали Бату даже в его конфликтах с их собственными детьми. Так случилось, например, после ссоры на пиру по случаю окончания похода на Русь, когда сын Угедэя Гуюк и внук Чагатая Бури позволили себе грубо оскорбить Бату, он обратился с жалобой к дядьям, и те встали на его сторону, осудив своих отпрысков. Вот так, лояльность с большим отрывом лидирует в соревновании с несдержанностью и излишней жесткостью.

Кроме того, на курултае 1229 года новоизбранный хан провозгласил необходимость активизации военных действий на западном направлении, причем одной из первоочередных задач стало расширение Улуса Джучи. Вполне возможно, что намерение было продиктовано желанием старших Чингизидов позволить сыновьям Джучи компенсировать территориальные потери на Востоке новыми приобретениями на Западе.

Бату вернулся в свой улус и начал готовиться к военному походу. Последующие пять-шесть лет его жизни недостаточно описаны в исторических хрониках того времени. В частности, возникает вопрос об участии Бату в китайской кампании. Одни

источники утверждают, что он все это время был рядом с Угедэем, наступавшим на империю Цзинь. Как известно, эта кампания была завершена после получения известия о смерти китайского императора. Угедэй посчитал, что война выиграна, и велел войску возвращаться домой.

Другие историки высказывают сомнение по подводу участия Бату в китайской кампании. Они обращают внимание исследователей на то, что в китайских хрониках того времени нет жизнеописания Бату, в отличие от многих деятелей (причем не только Чингизидов), участвовавших в этом походе и удостоившихся отдельных жизнеописаний. Что ж, этот факт позволяет однозначно сделать лишь один вывод: Бату во время китайской кампании никак себя не проявил, то есть он не командовал войсками — в отличие, например, от его двоюродных братьев Гуюка и Мунке — и не совершал подвигов на поле брани. Вероятно, он сопровождал дядю-хана, находился в его свите и не принимал активного участия в боевых действиях. Так же нет сведений и о том, что он в это время воевал, к примеру, в Поволжье. Однако все же существует косвенное указание на то, что он находился в то время в Китае. Это средневековый китайский рисунок, на котором, как принято считать, изображен именно наследник Джучи, причем Бату выглядит совсем молодым человеком. Можно предполагать (пока не будет установлено обратное), что портрет этот был создан во время пребывания Бату в Китае.

Таким образом, информация одного письменного источника (притом более позднего) и одно косвенное подтверждение в виде китайского рисунка позволяют предположить, что Бату в 1230–1234 годах участвовал в китайском походе, находясь при своем дяде Угедэе, а затем вместе с ним вернулся в Монголию и принял участие в новом курултае, на котором среди прочих вопросов решалась и дальнейшая судьба его собственных владений.

Как мы помним (это следует из независимых источников), Чингисхан перед собой и своими преемниками ставил задачу создать мировую империю, установить в ней единую власть и единые законы. Автор «Сокровенного сказания» вкладывает в уста Чингисхана следующие слова: «…я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои». Еще на курултае 1228/29 года, говорится в труде Рашид-ад-Дина, «согласно прежнему указу Чингисхана», было принято решение о завоевании «северных областей». Имеются в виду народы Поволжья, на земли которых в первую очередь и рассчитывал

Бату. Следовательно, расширение Улуса Джучи планировалось исключительно за счет Поволжья и, возможно, некоторых русских областей.

Таким образом, значительная часть «северных областей» должна была отойти к Улусу Джучи, поэтому не удивительно, что важная роль в завоевании этих земель отводилась сыновьям первенца Чингисхана во главе с Бату. Что касается других земель, которые планировалось присоединить, — включая государства Центральной Европы и Ближнего Востока, — то их завоевание входило в генеральный план по расширению Монгольской империи и не имело прямого отношения к увеличению владений Бату. По этой причине он не хотел продолжать поход на Запад после покорения Волжской Булгарии и Руси: завоевав обширный удел в Поволжье, он добился своей цели и не хотел бросать новоприобретенные владения, чтобы сражаться в интересах своих родичей, рассчитывавших получить улусы на Западе. Однако со временем спорные вопросы по владению территориями все же возникали. Во время своего правления Бату, в силу личного авторитета и договоренностей с правителями Монгольской империи в Каракоруме, удавалось сохранять определенный паритет в этих «конфликтных зонах» и не доводить ситуацию до открытого вооруженного столкновения.

Щедрость Чингисхана и Угедэя, позволивших наследникам Джучи увеличить свои владения за счет западных стран, оказалась весьма условной: ведь новые земли предстояло еще завоевать, причем и великий хан Угедэй, и Бату, и другие Чигизиды и военачальники Монгольской империи прекрасно понимали, что это будет нелегким делом. Нельзя не принимать во внимание отчаянное сопротивление городов и народов, завоевание которых входило в амбициозные планы монгольских полководцев. Сил одного, пусть и самого крупного улуса — Улуса Джучи — для их воплощения было недостаточно. Только курултай мог принять решение о Западном походе. Так и было сделано на курултаях 1234-го и 1235 года: на первом было поручено завоевание западных областей только Бату, а на втором — Бату, Гуюку, Мунке и другим.

Исторические хроники говорят о том, что Бату был заинтересован в увеличении своих владений. Естественно, придворный историк не мог написать, что великий хан созвал курултай не по собственной воле, а по настоянию кого-то из младших родичей, и потому в качестве официальной причины указано нейтральное «заслушивание «Ясы» и предписаний», без которого и так не обходился ни один курултай. Участие в нем было обязательным для всех Чингизидов и высших

представителей военной и гражданской администрации, так что Бату — и в силу своего положения главы Улуса Джучи, и потому, что основное решение касалось расширения и его владений, — должен был принять активное участие в работе именно этого курултая. Это позволяет сделать вывод, что Бату к середине 1230-х годов уже занял равное положение среди других улусных правителей.

Проведение такого похода требует большой подготовительной работы, поэтому был введен налог на содержание войска, налажено почтовое сообщение, а завершающим этапом стал сбор войск. Согласно указу, в поход отправлялся один человек от каждой семьи подданных великого хана. Трудно представить себе численность такой армии. К сообщениям исторических источников по этому поводу следует относиться критически. Например, к упоминанию о 129-тысячном войске. Так что на сегодня вопрос о численности монгольских войск, принявших участие в Западном походе, остается открытым. Прежде всего потому, что цифры, приводимые источниками, зачастую противоречат друг другу или же базируются на распространенных в то время мифах. Кроме того, в каждой покоренной стране монголы увеличивали численность войск за счет местного населения. Но даже не это главное. Нельзя не признать, что важно не количество воинов, находившихся в подчинении Бату и его родственников во время Западного похода, а тот факт, что они одерживали победы.

Великий западный поход 1236–1242 годов — это уникальное событие в истории монгольских завоеваний XIII века. По масштабам и количеству задействованных войск с ним сможет быть сравнима только кампания Чингисхана 1219–1221 годов против Хорезма. Кроме того, уникальность похода на Запад подчеркивается еще и количеством участвовавших в нем потомков Повелителя Вселенной. Еще одним доказательством уникальности похода на Запад стало то, что изначально, по-видимому, не был назначен верховный главнокомандующий. На основании сообщений источников можно предположить, что Бату, как глава Улуса Джучи, возглавил лишь отряды, набранные в его владениях. Направленные в поход войска других улусов изначально ему не подчинялись.

И восточные хронисты, и русские летописцы сообщают о взятии монголами булгарских городов — Булгара, Жукотина, Биляра, Кернека и других. Но источники не сообщают, кто именно из участвовавших в войне с Булгарией монгольских полководцев взял Биляр и Булгар, хотя есть основания полагать, что Бату лично возглавил их осаду и штурм. Учитывая, что

впоследствии Булгар некоторое время (до постройки Сарая-Бату) являлся одной из резиденций правителя Улуса Джучи, можно утверждать, что Бату его не разрушал, равно как и не вырезал населения, которым собирался управлять. Похоже, что захваты и всех других столиц — Рязани, Владимира, Киева, Эстергома[15] — тоже происходили под его непосредственным руководством.

После покорения Волжской Булгарии Бату продолжил поход далее на Запад. У него не было времени заниматься укреплением своих позиций в новом улусе. Поэтому он оставил править представителей местных династий, признавших его власть, справедливо полагая, что на данном этапе они сумеют более эффективно поддерживать новое правление, чем чиновники из числа завоевателей. Однако в дальнейшем активно привлекавший на свою сторону представителей правящей верхушки завоеванных стран, он был далек от мысли целиком и полностью доверять им. Надо отметить, что булгары часто переходили на его сторону, увеличивая численность его войска. Эти новые подданные стали составной частью его войска, предназначенного для вторжения в Северо-Восточную Русь.

О монгольском походе на Русь написано очень много. Справедливости ради нужно отметить, что это наиболее широко освещенный эпизод из биографии Бату. Правда, большинство русских исследователей при описании «Батыева нашествия» используют сведения русских летописей, самая ранняя из которых, Лаврентьевская, была составлена лишь в 1377 году, а многие последующие летописцы опирались именно на нее.

Бату применил своеобразную тактику ведения боевых действий при покорении Северо-Восточной Руси. Во Владимирском княжестве, Новгородской земле, Черниговском княжестве он осаждал пограничную крепость — так сказать, демонстрировал силу и ожидал, как поведет себя князь, которому он бросал вызов. Ни Новгород, ни Чернигов не начали ответных боевых действий, и поэтому немедленных походов против них не последовало. Но рязанские князья повели себя иначе. Тверской летописец приводит их ответ на требование Бату, в котором сказано о том, что только после их гибели враг получит требуемую десятину. Это стало толчком для начала завоевания Рязанского княжества. Причем действовал Бату решительно: Рязань была взята за три дня. Дальше — битва у Коломны, а вслед за ней — сражение за Москву. Осада и взятие этого города очень подробно даны в источниках: по одним сражение длилось три дня, в других находим другой срок — три месяца.

Москва в то время была маленьким городком. Чем же привлекла она Бату, если раньше он принимал участие только в

штурме столиц? Вероятно, сын Джучи выбрал ее для демонстрации собственной мощи. Владимиро-Суздальская Русь была лакомой целью, поэтому вслед за Москвой последовало взятие Владимира. В летописях сообщается, что после этого Бату разделил свои силы: часть отправил на Ростов, другую — к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец и Переяславль. А потом монголы захватили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка.

Один из городов, взять который Бату оказалось совсем непросто, поскольку его жители проявили невероятное упорство и мужество, это Козельск. Монголы назвали его «злым городом». Объяснение вполне вписывается в почерк военных кампаний Бату на Руси. Он просто должен был захватить пограничный город очередного княжества и дождаться реакции со стороны местного князя — собирается ли тот предпринять ответные действия или нет. От этого зависела жестокость, с которой захватчики обрушатся на обороняющихся. Именно поэтому Бату в течение семи недель сам осаждал Козельск, выматывая и своих воинов, и осажденных, и, лишь убедившись в нехватке своих сил, был вынужден направить за поддержкой к отрядам Кадана и Бури и совместными усилиями взять город, на что все равно понадобилось три дня. Исследователи указывают, что город был хорошо защищен, причем не только оборонительными сооружениями, но и естественными преградами — реками, болотами, холмами и взгорьями. Но Бату проявил свойственную ему хитрость. Он использовал один из своих отрядов в качестве своеобразного «троянского коня» и сумел выманить козельцев из города, хотя после семинедельной осады те должны были бы проявить повышенную осторожность. Итак, пограничный город Черниговского княжества был все-таки взят, а черниговский князь не проявил намерения выступить против захватчиков. Следовательно, поход можно было закончить и торжественно, с победой, вернуться в приволжские степи.

Бату не становился на достигнутом. Вскоре после похода на Северо-Восточную Русь 1237–1238 годов он совершил аналогичный поход и на Южную Русь в 1239–1241 годах. Интересно, что единого похода на этот раз не было — только серия отдельных рейдов как в северные, так и в южные области Руси. После захвата Мордовской и Муромской земель Бату пошел разорять Рязанские княжества, которые только-только начали восстанавливаться. Зачем? Затем, чтобы взошедшие на престол князья поняли, что с монгольскими ханами нужно сотрудничать — это была новая демонстрация силы монгольского войска.

Устремившись на юг Руси, Бату взял штурмом Переяславль-

Южный — некогда третий по значению город пал и с того времени окончательно утратил свое значение. Таким образом, южные границы Руси были открыты для дальнейшего вторжения. Вскоре пал Чернигов, на очереди был Киев — столица Руси. Это время настало осенью 1240 года. Завоевание этого хорошо укрепленного города растянулось не на один месяц. Известно, что Бату осадил город 6 сентября и в течение двух с половиной месяцев вел практически непрерывный обстрел городских укреплений из луков и камнеметов. Но лишь 19 ноября монголам удалось ворваться в город, однако в отдельных частях Киева сопротивление продолжалось до 6 декабря. В русских летописях отмечено, что Бату сохранил жизнь воеводе Дмитру, руководившему обороной города и раненым попавшему в плен: монгольский предводитель приказал залечить его раны и оставил при себе. Как и его прославленный дед, Бату с уважением относился к сильному противнику. После взятия Киева войска Бату двинулись далее, в Галицко-Волынскую Русь и завоевали эти земли, о чем есть свидетельства Рашид-ад-Дина.

На очереди была Европа. Новая цель, новые территории. Скорее всего, Бату вынужден был отправиться в поход на Европу, выполняя приказ великого хана Угэдея, против своей воли, поскольку ему было вполне достаточно завоеванных областей Поволжья. Первой из европейских стран пала Венгрия. Планов по вторжению в Германию, Италию и другие западноевропейские государства у монголов не было. Возвращение из Венгрии произошло весной-летом 1242 года, когда Бату получил вести о смерти Угедэя (ноябрь 1241 года), а затем и Чагатая (май 1242 года). В этой ситуации, оставшись старшим представителем рода Борджигин, он имел полномочия самостоятельно принимать решения о дальнейших действиях вверенных ему войск, пока не будет избран новый великий хан. И он принял решение о прекращении масштабных боевых действий, что максимально соответствовало его интересам в сложившихся условиях.

После возвращения из похода Бату занялся перераспределением земель основательно разросшегося Улуса Джучи. Теперь он сам решал, какой из его родственников чего заслуживает. Восемнадцать братьев-Чингизидов ждали своей участи. Бату произвел передел земель в зависимости от той доли, которую каждый из его родственников внес в завершенный поход. Интересно, что улус был фактически разделен на западное и восточное крыло. Первым управлял Бату, а вторым — Орда. Признанное Джучидами главенство Бату обеспечивало также и его верховную власть над улусом в целом.

Не все из основанных Батыем поселений превратились в

города. Но сам факт их появления свидетельствует о том, что правитель Улуса Джучи придавал большое значение обустройству своих земель, организации правильного сообщения между отдельными частями государства. Упомянутые поселения предназначались главным образом для обеспечения безопасности и удобства послов и купцов, разъезжавших по бескрайним пространствам Дешт-и-Кипчак. Известно, что Бату покровительствовал купцам, прибывавшим к нему с товарами из разных стран, давал им льготы и, как правило, платил больше, нежели они запрашивали. Ту же политику будут проводить и его преемники.

Это сближение, налаживание новых связей, охрана торговых путей обернется катастрофой, более страшной для Европы, нежели нашествие Батыя. Речь идет о пандемии чумы — Черной Смерти, которая всего за несколько лет вместе с торговыми и посольскими караванами и морскими судами распространится по всему миру — от Южного Китая до Дешт-и-Кипчак, низовий Волги и Причерноморья, а затем и до самых удаленных уголков Европы и Ближнего Востока. Последствия будут чудовищными: смерть не пощадит никого, выкашивая города и целые области. Таково еще одно отдаленное последствие монгольских завоеваний. Конечно, к самому Батыю оно не имеет прямого отношения, а вот к истории основанной им Золотой Орды имеет, и даже очень.

А к моменту завершения своего похода на Европу, свернув завоевательную деятельность, Бату наконец-то смог «предаться забавам и удовольствиям», что он и сделал — особенно после того, как помог Мунке стать великим ханом. Но его деятельная натура не позволяла ему надолго устраняться от государственных дел. Он восстанавливал города, много внимания уделяя развитию городской инфраструктуры и торговли. И не только он. Археологические находки на территории бывшей Золотой Орды позволяют предположить, что правители Улуса Джучи со времен Бату оказывали покровительство местным ремесленникам, в произведениях которых сочетались элементы монгольского, тюркского, мусульманского и даже европейского стилей. Кроме того, есть версия, что Бату строил и новые города, например Сарай-Бату, но историки факт его существования подвергают сомнению. Кроме того, по некоторым сведениям, Бату был основателем и ряда других городов — Крыма на Крымском полуострове, Маджара на Северном Кавказе, Укека и Казани в Поволжье и южнее их — Хаджи-Тархана, Сарайчука на Урале.

Подводя итоги военным кампаниям 1237–1242 годов, можно, утверждать, что, согласно некоторым источникам, «только Русь

осталась под татарским владычеством». Такой точки зрения придерживался русский востоковед и тюрколог В. В. Бартольд. На наш взгляд, это преувеличение, хотя, в силу авторитета этого выдающегося ученого, это заявление долгое время воспринималось как непреложная истина.

Сразу по возвращении из Венгрии Бату вынужден был подавлять мятеж только что покоренных народов Поволжья. Вероятно, и позднее в различных областях Волжской Булгарии продолжали вспыхивать отдельные выступления. В течение всего своего правления Бату так и не подчинил окончательно северокавказские племена — аланов, черкесов и др.: их подчинение завершил уже в конце 1270-х годов его внук Менгу-Тимур. Непростая ситуация складывалась и на южном побережье Крыма — в течение ряда лет жители этой области находились в противостоянии с монголами. Сложная обстановка после завершения западного похода монголов привела к тому, что во многих областях власть правителя Улуса Джучи ограничивалась взиманием с них налогов и сборов.

1242–1243 годы можно считать «поворотной датой» в жизни Батыя: он наконец-то вернулся в низовья Волги и начал принимать у себя вассальных правителей и послов иностранных государей. Однако его контакты с вассалами и дипломатами исчерпывались тем, что он выслушивал их и отправлял в Каракорум — к великому хану, который и выносил решение в отношении каждого из прибывших!

Русские историки так описывают деятельность Бату, что создается впечатление — он занимался исключительно делами русских князей. Но это не соответствует действительности. Не меньшее внимание он уделял своим вассальным государствам в Поволжье, Иране, Закавказье и Малой Азии. Просто сложилось так, что русские князья не сразу пришли к мысли о сотрудничестве с Бату. Поэтому во многих городах были вначале поставлены наместники главы Улуса Джучи.

Первыми установили отношения с Бату князья Северо-Восточной Руси — Владимиро-Суздальского и Ростовского княжеств. Уже вскоре после возвращения Бату из Центральной Европы в его ставку прибыл Ярослав Всеволодович, новый великий князь Владимирский.

В сферу влияния Бату вошли и южнорусские земли, где его политика была более жесткой и решительной, чем в Северо-Восточной Руси. Наиболее известным из его деяний в этом направлении является загадочное убийство Михаила Черниговского в ставке Бату. Большинство историков при рассмотрении этого эпизода опираются на летописную «Повесть

об убиении Михаила Черниговского» (конец XIII — начало XIV века), но это, скорее, прославление еще одного русского святого, а не отражение реальных обстоятельств. Якобы Михаил, явившись в ставку Бату, отказался выполнить обязательные ритуалы, сославшись на их противоречие христианской вере. Когда давление на него не прекратилось, он твердо сказал, что не отступит от веры своей и готов пролить за нее свою кровь. Это привело Бату в ярость, и он повелел казнить Михаила. Якобы его долго избивали, затем казнить его было поручено бывшему христианину по имени Доман. Тот отрезал голову святому мученику Михаилу и отшвырнул ее прочь. Такова версия «Повести об убиении Михаила Черниговского». Однако свидетельства современников и летописные сообщения позволяют представить несколько иное развитие событий.

Именно Михаил Всеволодович в 1239 году перебил монгольских послов, отправленных Мунке в Киев, после чего покинул город, спасаясь от монголов. Уже эти его действия должны были настроить Бату против него. Кроме того, Михаил соперничал за обладание Киевом с Ярославом Владимирским. Весьма вероятно, что Ярослав, стремившийся сосредоточить в своих руках власть над всей Русью, сумел настроить Бату против своего соперника, который, вероятно, и явился к наследнику Джучи, чтобы получить киевский престол. Вероятнее всего, в этом вопросе Бату принял сторону Ярослава Владимирского. Надо отметить, что все, находившиеся в ставке монгольского правителя, пользовались его гостеприимством, поэтому любые ссоры в ней были запрещены.

По монгольским обычаям, иностранный правитель или дипломат, выказавший уважение к изображению Чингисхана и исполнивший священные ритуалы, временно становился подданным монгольского великого хана, приобщаясь к имперской элите, и в качестве такового пользовался теми же правами и привилегиями, что и сами монголы. В «Повести об убиении Михаила Черниговского» сообщается, что князь отказался поклониться огню и языческим богам. Вполне вероятно, что он по какой-то причине не совершил поклонения статуе Чингисхана. Не исполнивший обязательных ритуалов чужестранец не воспринимался монголами как член имперской системы, соответственно, Михаил остался чужим и не мог считаться гостем Бату. Поэтому сторонники Ярослава Владимирского (сам он в это время уже находился в Монголии) получили возможность поступить с черниговским князем по своему усмотрению. На это же косвенно указывает тот факт, что Михаил был убит в ставке Бату, а не отправлен в Монголию к великому хану:

следовательно, наследник Джучи не распространил на него монгольскую юрисдикцию. Такая версия этой истории кажется более вероятной.

Большинство областей, находившихся под властью Даниила Романовича Галицкого и его брата Василька Волынского, перешли во владения монголов. Во время нашествия Бату на Галицко-Волынскую Русь Даниилу удалось счастливо избежать гибели и плена, найдя убежище в Венгрии, а его брат укрылся в Польше. После возвращения первоочередной задачей Даниила стало восстановление разрушенных городов и сел. От этой непростой заботы его то и дело отвлекали конфликты с претендентами на Галицкий стол. Лакомый кусок не давал покоя тем, кто видел себя на месте Даниила, а вскоре он получил известие о том, что его хочет видеть Бату.

Реакцией его было бегство из собственной резиденции. Он укрылся у брата, но спустя время все-таки принял решение прибыть в ставку правителя Улуса Джучи. Этот визит Даниила к Бату представлен в Ипатьевской летописи как бесконечная череда унижений галицкого князя монголами. Ему нужно было сделать все то, чему противилась его христианская душа, но делать было нечего. Поклониться изображению Чингисхана, став на оба колена, пройти между огней, чтобы «очиститься», преклонить колено перед шатром Бату и, стоя на коленях, общаться с самим правителем Улуса Джучи — Даниил все это исполнил. Бату не мог не оценить стремления галицкого князя найти общий язык с монголами — особенно после его прежних попыток уклониться от встречи. Исполнив обязательные ритуалы, Даниил, согласно монгольским обычаям, приобщился к монгольской имперской системе и, став одним из представителей правящей элиты, получил право на определенные привилегии, одной из которых являлось питье кумыса. Это стало еще одним испытанием для Даниила Романовича — «западника» и православного христианина, поскольку питие кумыса он воспринимал как отказ от веры. В этой ситуации Бату проявил себя мудрым хозяином. Монгольский правитель мог не понять нравственных мучений Даниила, однако от его внимательного взора не ускользнула реакция князя на кумыс: когда тот направлялся «на поклон» к Боракчин, супруге Бату, ему была вручена чаша вина со словами: «Не привыкли вы пить кумыс, пей вино!» Очевидно, Бату хотелось любым способом найти общий язык с правителем Галицко-Волынской Руси.

Наследник Джучи отпустил Даниила «с честью», официально признав его правителем Галича, но князь сохранил ощущение пережитого унижения. Однако, если проанализировать

обстоятельства поездки Даниила Галицкого к Бату, возникает закономерный вопрос: почему Даниил признал зависимость от Бату, а не от самого великого хана? Почему он не был отправлен в Каракорум? Исторические источники не дают ответа на этот вопрос. Вероятно, Даниил мог быть признан не вассалом монголов, а их союзником, хотя других примеров подобных отношений между Бату и русскими князьями больше не описано. Кроме того, правитель Улуса Джучи подарил Даниилу несколько дорогих монгольских доспехов из лакированной кожи, которые надевали только представители монгольской элиты. Если это действительно произошло, то такой подарок подчеркивал особый статус Даниила в отношениях с Бату, поскольку дарение наследником Джучи дорогих монгольских доспехов другим русским князьям в летописях не отмечено.

Таким образом, результат поездки с лихвой компенсировал переживания и нравственные муки Даниила. На то было две важных причины. Во-первых, Бату перестал считать его врагом и даже одарил своим покровительством. Во-вторых, европейские правители наперебой начали добиваться расположения правителя Галицко-Волынской Руси. А он принимал знаки уважения и признания, занимаясь поиском союзников против того, кто был с ним так снисходителен. Даниил уже тогда начал готовиться к военному походу против Бату.

Считается, что Европа в целом и Венгрия были спасены благодаря событию, которое несколькими месяцами раньше произошло на другом конце великого Евразийского материка. Здесь, в Центральной Монголии, в походном дворце в горах Отэгу-хулан, на рассвете последнего дня 1241 года умер великий хан Угедэй. К концу зимы — началу весны 1242 года весть об этом дошла до Батыя. Тогда-то он и отдал приказ готовиться к возвращению домой. Но была ли смерть великого хана единственной причиной завершения Западного похода? Наверняка, нет. Мы уже говорили о том, что задачи, поставленные перед Бату в начале Западного похода, были выполнены практически полностью. Все те одиннадцать народов, которые ему было поручено завоевать, были завоеваны. Расширение собственного улуса не могло быть бесконечным, это Бату тоже понимал. Нескончаемая война не давала ему возможности извлечь выгоду из уже покоренных территорий. В результате Западного похода он овладел громадными пространствами Евразии. Ему принадлежала вся степная зона Евразийского материка — Дешт-и-Кипчак, а также земли, лежавшие к югу и северу от нее. Углубляться еще дальше на запад в данных условиях значило терять, а не приобретать. И Бату

предпочел завершить завоевания, в том числе и для того, чтобы приступить к освоению уже завоеванных территорий. Можно сказать и так: он имел уже достаточно для того, чтобы не стремиться к большему. Несомненно, только незаурядный политик в реальных условиях мог осознать эту простую истину.

Существует общеизвестное мнение, что именно Русь спасла Европу от ужасов монгольского завоевания, — мысль, наиболее четко и ясно сформулированную А. С. Пушкиным еще в 1834 году: «России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией…» Мысль в принципе верная, но нельзя понимать ее примитивно. Дело вовсе не в том, что монгольские войска, «истощенные тяжелыми боями на Руси», были не в состоянии преодолеть сопротивление европейских армий (как мы знаем, монгольские войска, напротив, усиливались за счет покоренных народов, в том числе и за счет русских); и не в том, что в тылу монгольских войск будто бы разворачивалась партизанская война против захватчиков (еще один излюбленный сюжет советской историографии). Русь действительно защитила, прикрыла, спасла собой Европу, но прежде всего тем, что раньше, чем Европа, приняла на себя удар монгольских орд. Во-вторых, в этой связи следует говорить не только о Руси, но и о других народах, одновременно с ней или раньше, чем она, подвергшихся нашествию. Как и они, Русь поглотила агрессию завоевателей, которые получили возможность безжалостно разорять эти земли, присваивать их богатства, подвергать нещадной эксплуатации население, — и тем самым сделав не столь актуальной задачу завоевания других стран и народов, новых земель, лежавших дальше на запад. Миссия России, как это случалось не раз, свелась к тому, что она своей собственной плотью притупила остроту вражеской сабли и смягчила силу удара. Известно: южные и восточные рубежи России, к несчастью, не имеют естественной защиты; Европа же, помимо цепи горных хребтов, прикрыта с востока Русью — в этом и заключается одно из кардинальных различий в их исторических судьбах.

После прекращения Западного похода на повестке дня стоял вопрос об избрании нового хана. Смерть великого хана случилась в Монголии всего во второй раз. Ломалась иерархия власти, рушился установленный порядок вещей. Выбор нового великого хана был делом долгим, трудным и требовал присутствия всех представителей Золотого рода — Чингизидов, наследников

Чингисхана, имевших право претендовать на власть над миром.

Батыя не могли не беспокоить и наверняка дошедшие до него слухи о том, что великий хан был отравлен. Называли и имя предполагаемой отравительницы: ею будто бы была Абикэ-беги, некогда одна из любимых жен самого Чингисхана. Собравшийся курултай вынес решение, что новым ханом будет старший сын умершего хана — Гуюк. Отношения между вновь избранным ханом и правителем Улуса Джучи всегда были напряженными, даже враждебными. Поэтому Бату совсем не нравилась идея одобрить его кандидатуру на выборах и затем выразить ему свое почтение, сняв шапку, развязав пояс и поднимая его на белой кошме! Не приобретя еще такого влияния, чтобы каждое его слово являлось законом, Бату вынужден был изобретать благовидные предлоги, чтобы оправдать перед родственниками свой отказ от участия в курултае. На этот раз он остался в своем улусе, сославшись на слабое здоровье и на болезнь ног. Он послал своих братьев на высокое собрание, чтобы они поддержали мнение большинства.

Гуюк оценил дипломатичность и лояльность Джучидов. Казалось, между родственниками наконец-то наступило примирение. Но постепенно новоизбранный хан начал лишать Бату влияния. Касалось это и государств, которые в свое время признали наследника Джучи своим сюзереном. Все еще пытаясь найти общий язык с Гуюком, Бату отправлял в Каракорум претендентов на троны вассальных государств, но его мнение игнорировалось. Гуюк назначал собственных ставленников и тем самым старался ослабить влияние Бату.

Противостояние между этими двумя несомненными лидерами не могло длиться долго. Накопленная энергия противостояния вылилась в то, что первым не выдержал Гуюк. Поскольку правитель Улуса Джучи так и не почтил ставку хана своим присутствием, тот сам вступил на его владения. Уже в этом было нечто удивительное. Бату, разумеется, было хорошо известно о приготовлениях Гуюка от своих осведомителей в Каракоруме. Тем не менее, Бату никак не мог решиться пустить в дело собранные на границах улуса войска: до сих пор гражданской войны в Монгольской державе не было, и Бату, по-видимому, не хотел первым начать ее.

Гуюк делал остановки во время перехода, устраивая ежедневные пиры, а Бату наконец созрел для того, чтобы выступить навстречу хану. Он выехал с эскортом, больше напоминавшим армию. Однако во время одной из остановок до Бату дошла неожиданная весть о скоропостижной смерти Гуюка, которая выглядела очень загадочно. Было бы странно, если бы

Бату, как самого главного недруга хана, не обвинили в его убийстве! Прямых указаний на причастность Бату к смерти Гуюка в источниках нет, хотя следует признать, что великий хан скончался очень своевременно и к большой выгоде для властителя Улуса Джучи.

Сразу после смерти Гуюка Бату отправил к его вдове Огул-Гаймиш послание, в котором выражал сочувствие по поводу кончины ее супруга и всецело одобрял ее кандидатуру в качестве регентши до избрания нового хана. Тем самым он усыпил бдительность Угедэидов, получив возможность спокойно обдумать действия, с помощью которых намеревался раз и навсегда отстранить это семейство от власти. Много времени Бату для этого не понадобилось. Уже в следующем году он созвал курултай, на котором намеревался предложить кандидатуру нового великого хана. Интересным был факт места проведения этого мероприятия: в нарушение всех традиций Бату созвал курултай в своих владениях. Это было несказанной дерзостью. Многие из противников Бату отказались прибыть на него. Однако авторитет наследника Джучи был столь высок, что все же большинство Чингизидов, военачальников и высших чиновников не посмели пренебречь его приглашением и собрались в ставке Бату.

Как и следовало ожидать, трон был предложен самому Бату. Но политическая мудрость сына Джучи в очередной раз взяла верх над амбициями: он осознавал, что ему не удержать всю империю под своим контролем, если он останется в своих нынешних землях, а перебираться в далекий Каракорум Бату не собирался. Поэтому он, видимо, не кривил душой, когда отказывался от трона в пользу единственного, по его мнению, достойного претендента — Мунке, сына Толуй-хана, младшего сына Чингисхана. Выбор, сделанный Бату, тем не менее несколько озадачил его родичей. Это лишь потом историки станут говорить о давней дружбе Бату и Мунке, начавшейся якобы еще во время западного похода или даже раньше, но ни один автор, современник сына Джучи, не сообщает, что Бату и Мунке связывали такие уж близкие отношения.

Согласно обычаю, Мунке в течение нескольких дней отказывался от предложенного ему трона. Но родственники продолжали убеждать его принять титул, и наконец под давлением многочисленных доводов, произнесенных скорее для ритуала, согласился. Завершился курултай торжественным пиром, на котором Бату, как обычно принято среди монголов, поднялся, а все присутствующие распустили пояса и сняли шапки, стали на колени и присягнули на верность новому

великому хану.

Навязав свое решение всем собравшимся, Бату не стал идти на дальнейшее обострение отношений с родичами: он предложил собрать в следующем году курултай в традиционном месте — между реками Онон и Керулен, чтобы все обычаи и законы были соблюдены. И на фоне этой его законопослушности остальным не бросилось в глаза, что направленные им на курултай представители Улуса Джучи прибыли в Монголию с тремя туменами войска. Итак, Мунке был провозглашен ханом, и теперь любое выступление против него следовало расценивать как государственное преступление и, следовательно, карать смертью.

После воцарения Мунке деятельность Бату по возвращению власти в вассальных государствах своим протеже увенчалась полным успехом. Так, на Руси утвердился его верный союзник Александр Невский. Видимо, не случайно в том же году в Рязани сел на стол давнишний «монгольский узник» Олег Ингваревич Красный. Таким образом, правителями двух самых крупных княжеств Северо-Восточной Руси стали ставленники Бату.

Даже между простыми смертными интриги — обычное явление. Что говорить о сильных мира сего, тем более с такими амбициями, с такой жаждой власти. Поначалу казалось, что в Монгольской державе установилась настоящая идиллия. Мунке заявлял посланцу Людовика IX Вильгельму де Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату». Однако постепенно в отношениях между Бату и Мунке начала проявляться напряженность, и причины ее коренились в активизации деятельности Мунке по реорганизации управления. Первые его шаги в этой сфере, казалось бы, вовсе не имели целью ослабить власть наследника Джучи, но… В течение нескольких лет Мунке и его правительство предприняли целую серию действий, которые хотя и не были направлены непосредственно против Бату, но шаг за шагом лишали его того особого положения, которое он приобрел, возведя Мунке на трон. Последний вроде бы не старался прямо унизить или оскорбить Бату, но постоянно давал ему понять, что правитель Улуса Джучи — всего лишь один из многих Чингизидов и должен повиноваться великому хану, как и любой другой член рода. Неблагодарность и коварство Мунке были уже очевидными. Но приходилось подчиняться всем решениям великого хана, даже тем, которые уменьшали влияние Бату! Иначе какой пример подавал бы глава Золотого рода остальным, отказавшись повиноваться хану, которого он сам же возвел на престол?!

Кто знает, к чему бы привело это новое противостояние, если

бы не смерть Бату. И разумеется, она породила слухи и легенды, которые исходили не от восточных историков, прославлявших наследника Джучи, а от авторов русских летописей. Наиболее широкое распространение получила так называемая «Повесть об убиении Батыя». Правда, историки не склонны ей доверять полностью, поскольку это произведение было заказом московских государей, готовившихся к борьбе с ослабевающей Золотой Ордой и желавших показать своим подданным, что ордынцы не столь уж непобедимы.

Любопытно, что мусульманские историки не пытаются приукрасить (или тем более представить в невыгодном свете) обстоятельства смерти наследника Джучи. Ни у Джувейни, ни у Рашид-ад-Дина, оставивших, пожалуй, самые подробные (по сравнению с другими) сведения о Бату, нет ни слова об обстоятельствах и причинах его смерти: они сообщают о ней просто как о свершившемся факте. Весьма вероятно, что причина ухода правителя Улуса Джучи — болезнь ревматического характера, которая была распространена среди Чингизидов.

Бату был погребен в соответствии с древними степными традициями. Под землей устроили место, что-то вроде ниши, сообразно сану того, кто отправился в иной мир. Место это украсили ковром, сосудами и множеством вещей, оружием правителя и другим его имуществом. Затем ночью зарыли могилу и до тех пор гоняли лошадей над ее поверхностью, пока не осталось ни малейшего признака погребения. Вероятно, так же были похоронены и другие родичи Бату, не принявшие ни ислама, ни буддизма.

Имя Бату встречается в исторических источниках зачастую мимоходом, но, тем не менее, источники достаточно четко фиксируют факт его участия в западном походе и то, что он был его предводителем. Обратимся к воспоминаниям галицкого летописца: «Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой, со многим множеством силы своей, — говорится в летописи. — И окружила город, и обступила сила татарская, и был город в великой осаде. И стоял Батый у города, и воины его обступили город, и нельзя было голоса слышать от скрипа телег его, от рева множества верблюдов его и от ржания табунов коней его. И исполнилась земля Русская ратных…» Это и в самом деле похоже на описание очевидца.

Однако правил без исключений не бывает — имеются источники, содержащие сведения о событиях эпохи Бату, деяниях монголов и, в частности, их походе на Европу, но не упоминающие имени наследника Джучи. Это странно, поскольку речь идет не о рядовом монгольском воине, а об одном из

крупнейших военных деятелях Монгольской империи, который в течение двух десятилетий влиял на ее внешнюю и внутреннюю политику. Чем же это молчание объясняется? Конечно же не небрежностью или незнанием авторами документов или исторических сочинений, а чем-то другим.

Можно довольно просто объяснить отсутствие сведений о Бату в византийских хрониках — там вообще очень редко упоминаются имена «варварских» правителей, если последние не имели прямого отношения к Византии и ее правителям. Подобными соображениями можно объяснить отсутствие сведений о наследнике Джучи и в ряде западноевропейских сочинений. Один из самых первых источников по истории похода на Запад — донесения венгерского монаха-доминиканца Юлиана, и ни в первом из них (1235 г.), ни во втором (1237 г.) нет ни слова о Бату. Не меньшее недоумение вызывает отсутствие сведений Бату в нескольких других документах, составленных непосредственно во время вторжения монголов в Европу. Например, в письме магистра ордена тамплиеров во Франции Понса де Обона французскому королю Людовику IX (около 1242 г.) достаточно подробно описаны детали монгольского вторжения в Польшу, но не упомянуты имена Орду и Байдара, командовавших монгольскими войсками в Польше. Снова самое реальное объяснение — традиционные для западноевропейского общества того времени взгляды на нашествие монголов. Оно рассматривалось как кара Господня, а их войско сравнивалось с саранчой. Видимо, в глазах европейцев оно представляло собой безликую угрожающую толпу, в которой не имело смысла выявлять предводителей. То есть отсутствие сведений о правителе Улуса Джучи вызвано не желанием авторов принизить значение этого деятеля в истории, а только лишь идеологическими соображениями, особенностями мировосприятия монархов, сановников, служителей церкви и самих историков того времени.

Однако отсутствие упоминаний о Бату в исторических хрониках не могло повлиять на народную память, в которой он остался легендарной личностью. Как не вспомнить русские былины, в которых запечатлен образ Бату, который, естественно, далек от положительного. Конечно, не следует отождествлять исторического Бату с Батыем («Батыгой») русских былин, но, в любом случае, появление последнего свидетельствует о значительной роли реального Бату в истории Руси.

Батыю отведена сомнительная честь быть противником самого Ильи Муромца, об этом повествуют былины «Илья Муромец и Батый», «Илья Муромец и татары», «Изгнание Батыя».

Их содержание почти идентично: Батый с огромным войском приходит под Киев и требует уплаты дани. Князь Владимир Красно Солнышко (это собирательный образ) обращается к Илье Муромцу (которого сам же несколько ранее и отправил в изгнание или бросил в темницу), чтобы тот отвез подарки татарскому владыке. Илья везет подарки и вручает их, но, будучи оскорблен надменностью Батыя и его чрезмерными требованиями, выступает против всей татарской рати. Есть вариации, в которых он выступает один или с Алешей Поповичем и Добрыней Никитичем и прогоняет татар, перебив едва ли не все их войско.

Былинного героя зовут Батыем Батыевичем, награждают нелестными эпитетами «окаянный», «проклятый», «собака». Против него выступает войско, которое собиралось «три года и три месяца», и борьба идет «за веру християнскую». В этом находят отражение тенденции конца XIV века, когда на Руси была создана доктрина борьбы с татарами как с мусульманами и врагами христианства. При этом в реальности врагом православия не был ни сам Бату, ни Золотая Орда впоследствии, даже в мусульманский период. Любопытно, что отношение к Батыю в былинах добродушно-ироническое, как к врагу, но старому знакомому, будто бы не воспринимаемому всерьез.

Помимо былин, сохранились и произведения других жанров, которые можно считать народными и эпическими. Речь идет о так называемых «воинских повестях», таких как «Повесть о разорении Рязани Батыем». Портрет Бату, составленный автором «Повести…» на редкость непривлекательный. «Батый» в русском эпосе и фольклоре, по-видимому, является собирательным образом для ордынских и постордынских правителей, с которыми Русь, а впоследствии и Россия, воевала в течение многих веков. Выбор в качестве обобщающего персонажа именно Батыя объясняется значительностью роли, которую его исторический прототип играл в истории Руси. Выражением «Батыев погром» и сегодня обозначают беспорядок, кавардак. Но только ли негативное значение имеет упоминание имени Бату?

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля есть сообщение о том, что в Тамбовской и Тульской губерниях в XIX веке Млечный Путь называли Батыевой дорогой. Другое название Млечного Пути, принятое на Руси, — Моисеева дорога. Параллель «Батый — Моисей» выглядит довольно парадоксальной, не правда ли? Очевидно, имя Бату вызывало в свое время не только негативные реакции. В противном случае вряд ли такое название сохранилось бы в течение шестисот с лишним лет. Кроме того, под Суздалем и сегодня имеется село

Батыево: согласно местным преданиям, на его месте располагалась ставка Бату во время его похода на Русь.

Совершенно очевидно, что имя Бату стало обрастать разными историями уже после его смерти. Порой очень трудно определить, что в источниках вымысел, а что — правда. Да ведь и само понятие «правда» весьма относительно. Но все-таки в большей степени о нем вспоминали как о покорителе земли Русской, жестоком завоевателе. Никуда не деться от того, что Батый занимает особое место даже в ряду других кровавых завоевателей, ибо с его именем связано страшное монгольское нашествие, обрушившееся на Русь в конце 30-х годов XIII века. Сила разрушительного воздействия этого похода на ход русской истории не имеет себе равных. Погибло огромное число людей, были стерты с лица земли сотни городов и селений, до основания разрушена экономика страны, сведены на нет целые отрасли ремесел. Практически на два столетия Русь была поставлена на колени, существовала даже вероятность уничтожения самой русской государственности. Почти двухвековое ордынское иго — самая страшная глава нашей истории, и она связана с именем Батыя. В силу генетической памяти многих поколений русских людей он однозначно воспринимается как представитель некоего абсолютного зла, поистине порождение ада. Но так важно отбросить субъективизм и увидеть другие аспекты этой личности.

Нельзя забывать, что Бату создал огромное и оказавшееся весьма жизнеспособным государство — Золотую Орду, просуществовавшую около двух столетий и оставившую неизгладимый след в истории всей Восточной Европы. Влияние Золотой Орды ощутимо в нашей жизни и по сей день, и все потому, что многие родовые черты нашей государственности, политической системы, ментальности могут быть объяснены через призму тех далеких событий вхождения русских земель в состав этого государственного образования. Было бы принципиально неверно разделять в Батые две эти ипостаси — разрушителя и созидателя, противопоставлять одно другому, выбирать, кем он был в большей степени. Так в истории не бывает. Созидатель вполне уживался в Батые с разрушителем, а жестокий завоеватель — с умелым политиком.

Кроме всего, он был просто человеком, и поэтому в его жизни были женщины. У монголов было разрешено иметь не одну жену, у Батыя их было 26. В их число, несомненно, входили дочери или сестры правителей завоеванных им стран — в том числе, вероятно, и кого-то из русских князей. Но источники о них ничего не сообщают. Из всех жен Батыя известность получила лишь его старшая жена Боракчин, происходившая из рода алчи-татар. Ее

имя называют и восточные авторы, и русская летопись. По свидетельству арабских историков, она «обладала обширным умом и умением распоряжаться, но с ней не ладили ни ханы, сыновья Бату-хана, ни остальные эмиры». Судьба ее после смерти Бату сложилась трагично: она бежала из страны, так как не была согласна с кандидатурой претендента на престол, но ее поймали и утопили. Это было наказанием за то, что она на языке символов дала понять, что готова помочь правителю Ирана стать преемником ее мужа. За это она заплатила самую высокую цену, а власть в Орде перешла к брату Бату Берке. Нужно отдать ему должное: он сумел достойно продолжить дело брата, упрочив свою власть и укрепив доставшееся ему государство.

Если говорить о последних годах жизни Бату, то в этот период он обладал могуществом, сравнимым разве что с могуществом его внука, Менгу-Тимура. Но ведь и тот был обязан ему властью! Батый получил титул «ханский отец», об этом сообщает армянский историк Киракос Гандзакеци. Едва ли это был официальный титул правителя Улуса Джучи. В этом нет ничего необъяснимого, ведь в глазах современников Батый действительно был старшим из Чингизидов. Сам великий хан признавал это. Примечательно, что в последние годы жизни Бату современники-хронисты стали именовать его ханом — хотя этим титулом он не владел и даже на него не претендовал. Батый превосходил остальных Чингизидов не только возрастом и авторитетом, но и сосредоточенными в его руках богатствами и многочисленностью войска.

Время от времени предпринимаются попытки взглянуть на личность Бату непредвзято, создать его, так сказать, объективный образ — образ евразийского правителя, предшественника московских великих князей и царей, создателя первой в русской истории евразийской империи. Такой взгляд, безусловно, может иметь место. Но беда в том, что попытки «очистить» образ Батыя от предвзятости зачастую оказываются также несостоятельными, во всяком случае тогда, когда в основу их кладется та же предвзятость: отрицание очевидного, отрицание самого факта монгольского завоевания и ордынского ига, представление о мирном и почти бесконфликтном сосуществовании Орды и Руси.

Но вне зависимости от нашего желания, история Батыя — это неотъемлемая, значимая и существенная часть непростой истории Руси. Это страница, вырвав которую, мы потеряем смысл всего остального повествования.

Золотая Орда

Существует огромное количество исторических источников, речь в которых идет о Золотой Орде. Пожалуй, одному человеку невозможно охватить все это изобилие информации по той простой причине, что один человек не может знать столько языков, на которых оно подано. До самого последнего времени среди историков существовала негласная установка, согласно которой считалось, что невозможно воссоздать полную картину общественных отношений, существовавших в Золотой Орде в период ее расцвета. Даже сейчас не представляется возможным написать историю Золотой Орды так, чтобы в хронологическом порядке были изложены события не только внешней, но и внутренней ее жизни. Интересно, что и в вопросах хронологии царствования отдельных ханов нет окончательной ясности.

Это государство, о месте в истории которого до сих пор ведутся жаркие споры, было создано в начале 1243 года Бату, сыном Джучи (напомним, сам Джучи умер еще в 1227 году — в год смерти Чингисхана). После покорения Восточной Европы монгольская армия вернулась в свои земли, а Бату со своим войском остался в низовьях Волги и основал там новое государство. Оно считалось улусом Монгольской империи лишь формально. По сути, молодой правитель уже не подчинялся центру, а позднее, при его внуке, Менгу-Тимуре (1266–1288), сыне Тукана, Золотая Орда стала полностью самостоятельным государством — она чеканила монеты уже от имени своего хана.

Золотая Орда состояла из двух частей: Ак (Белой) Орды — от Западной Сибири до Крыма с центром в Поволжье и Кок (Синей) Орды в западной части Средней Азии. В XIII — начале XV века столицей государства был город Сарай (Сарай-Бату), расположенный в нижнем течении Волги. Затем, в XIV веке — Новый Сарай (Сарай-Берке). В Золотой Орде было около 150 больших и малых городов — часть из них являлись прежними городскими центрами Крыма, Волжской Булгарии и Хорезма, остальные, среди них самые большие, возникли на земле бывшего Дешт-и-Кипчак.

Дешт-и-Кипчак — это огромные пространства так называемых южнорусских степей, которые простирались от Днепра и далеко за Волгу на восток. Древнерусские летописи упоминают половцев[16], которые в конце XI века были полными хозяевами всей Половецкой степи. С началом монгольского нашествия на Восточную Европу половцы также включились в борьбу с монгольскими завоевателями. В битве на реке Калке в 1223 году

объединенное русско-половецкое войско потерпело поражение от полководцев Чингисхана. В 1237–1238 годах, после поражения Волжской Булгарии, пал и половецкий мир. Вскоре обширные кипчакские степи превратились в основные земли Золотой Орды.

Золотая Орда не была государством, которое постепенно сформировалось вследствие развития проживающего на этой территории одного народа. Золотая Орда — искусственное государственное образование, сложившееся путем насильственного захвата чужой земли.

Термин «Золотая Орда» первоначально применялся к Орде самого Чингисхана и лишь впоследствии после его смерти был переосмыслен, как одно из наименований Улуса Джучи. Фактически образование «Золотой Орды» стало результатом многочисленных походов самого Бату. Вначале это были земли Дешт-и-Кипчак, Булгар, Крыма и Кавказа, вплоть до Дербента. А в 1238 году началось покорение русских княжеств — Рязанского, Владимирского и др. Объявлено было движение на Новгород, от завоевания которого уже ослабленным войскам татар пришлось отказаться ввиду приближения весны — разливы рек, многочисленные болота затрудняли передвижения монголов. Но при этом восточные источники (арабские и персидские) не относили русские земли к владениям Улуса Джучи. Русские княжества рассматривались как государства, хотя и зависимые и платящие дань, но имеющие своих князей, то есть свою власть.

Однако золотоордынские ханы, начиная с Бату, фактического основателя нового монгольского государства, прекрасно сознавали, что представляет собой в экономическом отношении юго-восток Европы. Они пришли сюда в качестве завоевателей и организаторов нового государства. Но на деле монголы были вынуждены приноравливаться к тому более высокому уровню экономики, который сложился в завоеванной стране, из-за чего покоренный ими в чем-то, если можно так выразиться, ассимилирует их, часто заставляет даже принять свой язык. Завоеватели в этом случае осознавали, что находятся на более низком уровне культурного развития, чем жители городов Хорезма, Крыма и других. При этом правящая феодальная верхушка прекрасно понимала значимость всех этих городов для мировой торговли того времени, а вместе с тем и свои выгоды как правителей.

Опираясь на своих советников, в числе которых было немало мусульманских купцов, Бату сразу же взял жесткий курс, главной целью которого являлось получение максимальных доходов путем жесточайшей феодальной эксплуатации. Он организовал жесткую систему взимания дани с покоренных русских княжеств. Для

этого правитель посылал специальных чиновников во главе монгольских отрядов. Они оставили по себе на Руси печальную память. Кроме того, Бату создал аппарат для взимания разных феодальных повинностей и податей с земледельческого и кочевого населения, а также с ремесленников и купцов в городах Крыма, Булгара, Поволжья, Хорезма и Северного Кавказа. Наконец, он много сделал, чтобы вернуть на всех завоеванных территориях былую торговую жизнь, которая так резко оборвалась в связи с монгольским завоеванием. И во всем этом Бату проявил незаурядные способности и дальновидность. Связь с Монгольской империей поддерживалась организованно и регулярно уже со времен Бату через Улус Чагатая.

После смерти Бату власть над Золотой Ордой перешла к его старшему сыну Сартаку. Престол за ним утвердил сам великий хан Мунке, в ставке которого тот находился в момент смерти его отца. Но принять владения Сартаку не довелось — вскоре он тоже умер, и Золотую Орду в 1257 году возглавил Берке, брат Бату. При Берке-хане это образование уже вполне сложилось как крупное государство.

В это время Золотая Орда была фактически распорядителем всей политической жизни в областях между Амударьей и Сырдарьей, да и дальше. Судя по русским летописям, Берке-хан был суровым правителем, требовавшим беспрекословного повиновения. Именно в его царствование в жизни Монгольской империи произошли события, которые имели огромные последствия как для самой империи, так, в частности, и для Золотой Орды. В 1259 году умер великий хан Мунке. Смерть его вызвала смуты, каких еще не знала Монгольская империя. Началась борьба за власть между братьями, которая закончилась победой Хубилая. Он покинул Монголию и перенес столицу из Каракорума в Северный Китай, в Пекин. Что же касается Золотой Орды и других улусов, то они жили своей жизнью, их ханы руководствовались собственными интересами и были заинтересованы в максимальной самостоятельности. Фактически к концу своего царствования Берке-хан лишь номинально признавал великого хана Хубилая.

Кроме того, при Берке-хане в 1257 году была произведена перепись в русских княжествах. Это было сделано для того, чтобы выявить и учесть все население, подлежавшее обложению податями и повинностями. Ханы сменяли друг друга, а принципы управления улусом почти не менялись, разве что еще больше ужесточались.

Основу хозяйства Золотой Орды составляло, разумеется, кочевое скотоводство, пашенное земледелие и высокоразвитые

ремесла. Конечно, монголы свои порядки кочевания, то есть кочевого ведения хозяйства, принесли и на юго-восток Европы. Как мы помним, Улус Джучи вел широкую внешнюю торговлю почти со всеми странами мусульманского Востока и основными центрами европейского мира. По степени влияния на политику тогдашней Центральной Евразии Золотую Орду можно сравнить лишь с Арабским халифатом.

Золотая Орда была вполне оформившимся феодальным государством, во главе которого стоял хан из династии Чингизидов-Джучидов. В период своего могущества, то есть почти до конца XIV века, у Золотой Орды была мощная, хорошо вооруженная армия, ведь без сильной армии существование подобного государства было бы невозможным — покоренные народы необходимо было держать в узде.

Ханы Золотой Орды владели огромной казной. Слагалась она из доходов, поступавших от всех территорий, входящих в это государство, из дани, которая шла с русской земли, из ее земледельческих селений и городов. В эту дань входили, конечно, и доходы от той торговли, которую ханы с помощью мусульманских купцов вели с соседними странами. Рост золотоордынских поволжских городов опирался не столько на нормальное развитие собственных производительных сил, сколько на средства, добытые путем присвоения того, что произвели другие народы. Характерно, что и культура Золотой Орды, материальная и духовная, создавалась не собственными силами, а руками, знаниями и талантом покоренных народов. Но эти покоренные народы, в частности Русь, находили в себе силы наносить Золотой Орде удары, которые подрывали ее военную мощь.

Именно в этом прогрессирующем развитии России в XIV–XV века, в развитии сельского хозяйства и ремесел, в росте политического сознания и духовных творческих сил, в стремлении к независимости, а также в неустанном сопротивлении и заключается одна из главных причин падения Золотой Орды.

Но до этого было пока далеко. Золотая Орда процветает и раздает разрешения на правление русским князьям, так называемые золотоордынские ханские ярлыки (грамоты), написанные или на среднеазиатско-тюркском литературном языке XIV века (ярлык Тохтамыш-хана 1382 года), или на «местном кипчакском языке», причем зачастую сразу же делались аутентичные переводы на языки получателя. Ярлыки представляли собой правительственные повеления — указы общегосударственного и частного характера — и играли большую

роль в административной и политической жизни Золотой Орды.

Ярлыки были разные, одни выдавались на управление «знатным султанам, эмирам и по делам владений» — это была большая тамга из яшмы; были ярлыки «по делам средней важности» — это большая тамга из золота, но меньше по размеру, чем те, которые были из яшмы. Ярлыки по военным делам получали также большую тамгу из золота, только с тем отличием, что на ней изображали «лук, булаву и саблю» по окружности тамги.

Эти ярлыки представляют собой огромный интерес для современной науки не только с точки зрения истории письменности, но они дают исключительно ценный материал для изучения социальной структуры Золотой Орды, для понимания того, как это мощное государство строило свои отношения с вассалами, которые во многих отношениях опережали ее в культурном развитии, в росте производительных сил.

Кроме ярлыков, в исторических источниках говорится и о золотых пайцзах (верительных бирках). Их получение было знаком высшего почета и давало их обладателям ряд существенных привилегий. Пайцза представляла собой золотую, серебряную, бронзовую, чугунную или даже деревянную дощечку, на которую наносилась определенная надпись. Такие дощечки выдавались в качестве своеобразных пропусков и мандатов, по которым обладателям их предоставляли все необходимое при передвижении — лошадей, повозки, помещения, пропитание и т. д. В зависимости от положения лица пайцзы выдавались то золотые, серебряные и чугунные, а то и просто деревянные. К сожалению, не известно, сохранились ли где-нибудь золотые пайцзы. Но в Государственном Эрмитаже есть три великолепных экземпляра серебряных пайцз и один — чугунной с инкрустированной надписью. Одна из этих серебряных пайцз — с надписью по-монгольски уйгурским письмом.

Выручает тот факт, что до нашего времени дошли так называемые ханские ярлыки, о которых много писали в русской специальной литературе. Например, тарханные (дающие право на владение, вотчину) ярлыки Тохтамыша от 1382 года, Тимура Кутлуга от 1397 года (написанный буквами уйгурского алфавита по-тюркски), а также ярлык Тохтамыша от 1393 года на имя литовского князя Ягайла или более поздний, от 1523 года, ярлык хана Саадет-Гирея. А в ярлыке Тохтамыша на имя Бей-Ходжи от 1382 года говорится о предоставлении тарханства феодалу, который является во многом еще кочевником.

О пайцзе упоминает Марко Поло, который в своих записях воспроизводит ее содержание по памяти. О пайцзах говорится и в

ярлыках, например в золотоордынских ярлыках Тохтамыша и Тимура Кутлуга. Рашид-ад-Дин тоже неоднократно в своих работах упоминает о них.

К сожалению, нам трудно охарактеризовать социально-политический строй золотоордынского государства, так как сохранилось слишком мало исторических источников, рассказывающих о Золотой Орде, как европейских, так и восточных. Ведь Золотая Орда, как уже говорилось, представляла собой сложный конгломерат из элементов как кочевого общества, так и оседлого, с пестрым этническим составом, где сами монголы являлись, как мы видели, меньшинством, и это привело к тому, что постепенно они утеряли даже свой язык. В Великой степи, Дешт-и-Кипчак, в XIII и даже в XIV веке картина едва ли значительно отличалась от той, что наблюдалась в Монголии накануне завоеваний Чингисхана. Улус Джучи, с точки зрения золотоордынских ханов, был собранием родов, племен, народов, подвластных (согласно монгольскому феодальному праву) всему дому Джучи. Поэтому родственники Бату и получали в удел целые области на территории Золотой Орды. В своих владениях члены ханского дома являлись крупными собственниками и правителями и вели себя почти как самостоятельные государи. Очевидно, какую огромную роль члены ханского рода играли при дворе, определяя не только всю внутреннюю, но и внешнюю политику.

Первоначально тарханы являлись предводителями военных отрядов, позднее это звание носили служилые люди, получавшие за особые заслуги освобождение от налогов и ряд других привилегий. Среди монголов постепенно формировалась своеобразная прослойка тарханов, напоминающая дворянство, хотя и не наделенная всеми видами сословных привилегий и прав, присущих дворянству, прежде всего землей и людьми. Если проанализировать работу Рашид-ад-Дина «Сборник летописей», то можно понять, что первоначально тарханами назывались вольноотпущенные рабы, затем это звание получали за особые заслуги, особенно в военной области. К. Маркс в одной из своих работ отмечал, что «этот вид феодальных прав возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни». Также стоит подчеркнуть, что особыми правами наделялись не только отдельные лица, но и племена и даже территории (например, определенный город). Позже у монголов появились личные и потомственные тарханы, хотя это звание чрезвычайно редко утверждалось главой государства.

Звание «тархана» было весьма выгодно, ибо формально оно давало ряд льгот. Так, наряду с уже упомянутым освобождением

от податей, правом свободного кочевания, освобождало также от ответственности за совершение первых девяти проступков. А это было очень важно, так как в соответствии с «Ясой» обычно проступки карались очень жестоко.

Татарские ханы совершенно не случайно давали ярлыки на великое княжение самым богатым и владетельным русским князьям. Поскольку это условие было гарантией правильного поступления в Орду «выхода», то есть прибыли. Но ошибочно предполагать, что ханы руководствовались только одними этими соображениями. Их отношения к русским княжествам были гораздо сложнее, и для удержания своей власти над Русью они должны были внимательно следить за тем, что делалось в Русской земле. Этому содействовали сами русские князья, которые, как мы видели, пользовались не раз татарской властью при разрешении сложных вопросов.

Термин «тархан» получил широкое распространение еще до нашествия монголов. Об этом свидетельствует то, что на Кавказе это достоинство, освобождающее от податей, даровалось при персидском правительстве армянам, а в Грузии — крепостным крестьянам. Грамота на тарханство у армян называлась «тарханашгут». Как уже было упомянуто, во время господства монголов тарханское звание жаловалось особыми ханскими ярлыками. Несмотря на то что тарханы не всегда являлись крупными представителями феодальной знати, тем не менее, они пользовались широкими правами. Так в ярлыке золотоордынского хана Темира Кутлуга, выданном в 1397 году некоему Мухаммеду, перечисляются права тархана на земли, воды, сады, бани, мельницы, деревни и другое имущество. Важное обстоятельство: земля и все имущество тархана были неприкосновенными. Он освобождался от налога с виноградников, от амбарных пошлин, от платы за гумно и от ясака с арыков, собираемого с подданных по раскладке. Ярлык предписывал ни пошлин, ни весовых, ни дорожной платы, ни «платы в караулы» с тархана не требовать. Тархан был свободен не только от всяческих налогов, но и от всякого притеснения.

Темники, тысяцкие, сотники, десятские, даруга-беки, мударрисы, кадии, мухтасибы, шейхи, писцы (битикчи) при великом тамге, тамговщики, весовщики, амбарщики, яфтаджи (лицо, объявляющее о налогах), ясакчи, каланчи (сборщики калана), букаулы, пограничники (тутакаулы), кабакчи (стражи городских ворот), караулы, сокольничьи, пардусники (люди, управляющиеся с дрессированными для охоты гепардами) и т. д. — все эти должностные лица (функции некоторых до сих пор не во всем ясны), согласно смыслу ярлыков, имели права на

взимания налогов и повинностей с земледельческого населения. Так же, как и в других монгольских государствах, и особенно в самой Монголии, следующие за темником командные должности, а именно тысячники, сотские, находились в руках нойонов и беков. В арабских, армянских, персидских хрониках мы постоянно встречаем указание, что такой-то нойон или бек был тысячником, памятуя, как выше было указано, что в условиях кочевого феодального монгольско-кипчакского общества военный чин «тысячника» и «сотского» и титул «нойона» («бека») нельзя отделить один от другого.

Золотоордынское государство можно рассматривать как феодальную монархию. Ханская власть в ней, принадлежавшая с 1227-го (год смерти Джучи) по 1359 год династии Джучидов, была в полном смысле властью кочевых, полукочевых и оседлых феодалов. Господствующей верхушкой этой феодальной аристократии были члены царствующей династии, занимавшие все наиболее крупные должности в государстве.

Добыча, которую войска золотоордынских ханов захватывали во время набегов, исчислялась по тому времени огромными суммами. Это были не только ткани, серебряная утварь, деньги, меха, хлеб, оружие, но и люди, которых можно превратить в рабов, а потом продать. Как мы помним, у монголов при захвате добычи существовал строгий порядок ее распределения. В этой связи нужно упомянуть о букаулах, которые состояли при каждом тумане. В обязанности букаула входило распределение в войсках полагающегося из великого дивана войскового содержания, правильный раздел добычи согласно монгольским обычаям, недопущение обид и несправедливости, которые могут иметь место в войске. Эмиры — темники и тысячники — в этом плане должны были повиноваться букаулам. Самим букаулам полагалось значительное содержание.

Интересно, что одно и то же лицо могло ведать управлением региона и в то же время собирать идущие от населения поступления. Общеизвестны два высших административных чина в монгольских государствах, в том числе в Золотой Орде: даруга и баскак. Что означают эти понятия? Одна из версий — в переводе оба слова значат «давитель». Другое мнение гласит, что «баскак» означает вовсе не «давитель», а «охранитель». Некоторые ученые считают, что термин «баскак» в самой Золотой Орде не употребляли, а чиновника с подобными функциями называли монгольским словом «даруга». Что же касается покоренных стран, которые платили дань, то там в ходу были оба термина. Так, в ярлыках русским митрополитам мы встречаем то «баскаков» (ярлык Менгу-Тимура), то «даруга» (ярлыки Тайдулы и др.),

термин «баскак» употреблялся также в Армении и Грузии. Поэтому позволим себе предположить, что термин «даруга» в значении высшего начальника над всеми поступлениями в казну употреблялся главным образом в Золотой Орде. При этом неясно, кем такой чиновник был по отношению к правителям отдельных областей.

Важное место в системе управления Золотой Орды занимали канцелярии, которые назывались диванами, однако мы не можем точно сказать, сколько их было, так же как не знаем и времени, когда они были введены. В диванах были секретари, которые назывались битикчи (писцы). Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани в трактате «Дастур ал-Катиб» («Руководство для писца») приводит образцы ярлыков на назначение какого-нибудь лица на эту весьма уважаемую должность. В документах указывалось, что улусные эмиры, темники, тысячники и другие крупные гражданские и военные должностные лица должны относиться к нему с уважением и выплачивать все, что ему полагалось.

Ярлыки в Золотой Орде выдавались и на другие должности. К примеру, в том же «Дастур ал-Катиб» приводится три образца ярлыков о назначении определенных лиц на должность эмира яргу, то есть главного судьи. В его обязанности входило проведение судебных решений на основе «Ясы», а также обычного права. Очень ответственная должность, на нее зачастую назначался знатный и влиятельный монгол.

В ярлыке указывалось, что он достоин быть яргучи (судьей) на основе «Ясы», что решение в споре между двумя лицами он должен выносить справедливо, без причинения зла, обид и насилий. Давалось описание того, в каком виде оно должно быть оформлено, а именно: в особой грамоте, которую именовали яргу-намэ. В Золотой Орде в этой связи имелся специальный диван яргу.

В ярлыке хана Менгу-Тимура российским митрополитам, писанном между 1270-м и 1276 годом, есть перечень повинностей, которые ложились на население завоеванных русских земель, но от которых избавлялось духовенство. Как мы помним, именно такова была политика татарских ханов по отношению к церкви[17], которую ханы совершенно справедливо считали политической силой и использовали в своих интересах. И они в этом отношении не ошиблись: публичная молитва духовенства о ханах внедряла в массы мысль о необходимости подчинения монголо-татарской[18] власти.

На самом деле, кроме дани монголы обязывали русское население выполнять некоторые повинности, без которых татары

не могли осуществлять свою власть. Обычно с покоренных земель татарские ханы требовали прежде всего денег и людей. Освобождая духовенство от этих повинностей и платежей, ханы освобождали его и от поставки воинов.

Если говорить о других повинностях, где применялась непосредственно человеческая сила, то здесь нужно прежде всего указать на ямскую повинность. В первом известном нам ярлыке «ям» означает вид дани. Но постепенно «ям» стал повинностью поставлять лошадей татарским послам и чиновникам. Да и сам сбор дани выполнялся татарскими чиновниками сравнительно недолго. Уже с конца XIII века это стало обязанностью русских князей. Они сами и по-своему должны были ее собирать и доставлять в Орду. Изменение размера дани оговаривалась в междукняжеских договорах. Нерегулярно, но все же постоянно русские князья возили в Орду ханам, ханшам и их близким дорогостоящие подарки. Эта статья расхода тоже ложилась в конечном счете на плечи тех же плательщиков всяких даней, то есть на крестьянство и городских ремесленников.

Монголы, следуя простому принципу «разделяй и властвуй», старались перессорить меж собой русских князей, чтобы не допустить появления на Руси какого-либо объединяющего центра, чтобы самим оставаться третейским судьей в их спорах. Делалось это как раз с помощью торговли ярлыками на великое княжение, которые давали право князьям самим собирать с русских земель дань для Золотой Орды (оставляя, понятное дело, и себе немалый куш).

Получая ярлык, князь заключал специальный договор, в котором оговаривался размер ежегодной дани. Естественно, каждый старался перещеголять конкурентов и предложить Орде как можно более выгодные условия. Да и монголы строго следили, чтобы никто не мог надолго задержаться в должности великого князя. Например, в первой половине XIV века ярлык великого князя принадлежал владимирскому князю, потом его передали князю суздальскому, за ним — тверскому. Каждый такой переход ярлыка от одного хозяина к другому сопровождался военными конфликтами, а высшим арбитром выступали, как мы отмечали выше, монголы, которые за разрешение споров опять-таки получали дополнительные деньги.

Отношения между Ордой и представителями верхушки Руси складывались весьма предсказуемо. Князья, бояре, купечество, церковь сравнительно скоро нашли общий язык с татарской властью. Между тем, народная масса, на которую пала главная тяжесть золотоордынских даней и других повинностей, под натиском соединенных сил завоевателей и старых своих господ,

опиравшихся на сильное татарское войско, вынуждена была смириться с нашествием.

И все-таки, несмотря на внешне налаженные отношения, антагонизм между побежденной страной и победителями устранен не был. Монголо-татары и не могли освоить русские земли (да и цели у них такой не было), поскольку их самих для этой цели было количественно мало, да и сами они наконец растворились в тюркской (кипчакской) среде. По-настоящему объединенного государства не сложилось, и дальнейшее развитие Руси и Золотой Орды пошло в разных, диаметрально противоположных направлениях.

Среди русских княжеств в конце XIII века видную роль играло Тверское. Но в конечном счете не Тверь, а именно Москва стала центром складывающегося великорусского государства. На это были свои причины, и самая главная — поистине удивительная живучесть молодого Московского посада. Москва всякий раз возрождалась из пепла. Время феодальной раздробленности подходило к концу. С московской силой уже считались даже очень сильные соседи.

Поэтому золотоордынский хан отправил против Москвы войско, которое в 1378 году на берегу реки Вожи (впадает в Оку справа, недалеко от Рязани) потерпело от русских поражение. По словам одного европейского философа, «это [было] первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими». Соотношение сил постепенно менялось. Хан Мамай не мог не видеть, что его «вассал», московский князь, вышел из повиновения и что таким образом дань, которую платило Московское княжество монголо-татарам, может иссякнуть совсем.

Мамай решил выступить против Москвы сам, для чего и собрал большое войско из подвластных ему народов: волжских булгар, буртасов, ясов и татар. Желая подстраховаться, не надеясь и на эти силы, он заключил наступательный союз с литовским князем Ягайлом, войско которого должно было присоединиться к татарам на Дону. К Мамаю примкнул и князь Рязанский, который враждовал с князем Московским.

Понимая планы противника, Москва основательно готовилась к борьбе. Князь московский и великий князь владимирский Дмитрий Иванович собрал подвластные ему дружины союзных князей. Под знамя Дмитрия сошлись владимирцы, суздальцы, ростовцы, ярославцы, белозерцы, муромцы, брянцы и псковичи. Это было мощное объединение, противостоять которому могла только вышколенная армия. К сожалению, как сказано выше, Рязань приняла сторону монголов. В летописях того времени указано, что Дмитрий выставил армию в сто пятьдесят тысяч.

Нужно было предотвратить вторжение монгольского войска на территорию княжества, для этого войско двинулось на юг навстречу неприятелю. Вскоре состоялась одна из самых важных битв в истории Руси — Куликовская. Победа русского войска на Куликовом поле в 1380 году имела огромное значение для всей Руси. Событие это получило широкий отклик и в Европе.

Победа Димитрия Донского над монголами подтвердила, что их можно победить и что в случае объединения русских князей можно нанести власти монголов решительный и сокрушающий удар. Так и была воспринята соседними народами победа русского народа на Куликовом поле над войском Мамая. Однако, как ни велика была сокрушительная сила русской победы, она еще не означала распада золотоордынского государства, в нем еще сохранились силы для хотя бы временного возрождения.

Воцарившись в Сарае, Тохтамыш, хан Золотой Орды (1380–1395), сделал попытку «обнулить» значение Куликовской битвы. Его тактика была очень простой и предсказуемой: он поспешил отправить в Москву дружественное посольство с извещением об уничтожении их якобы общего врага Мамая и о принятии им, Тохтамышем, власти над Золотой Ордой. Дмитрий принял прибывших послов с большой честью, отпустил с дорогими подарками, но не поднимал вопроса о продолжении зависимости от Орды. Москва ответила молчанием и на требование покорности и дани, предъявленное ханом князю Дмитрию в следующем году. И тогда Тохтамыш, разъяренный таким поведением непокорных вассалов, решает выступить в поход на Москву.

Хан прибег к хитрости и таким образом взял Кремль. Защитники города были уничтожены. Вражеское войско рассыпалось по Московской земле и разорило много городов. Дмитрий Донской явился в Москву и стал хоронить убитых. По одним данным, их оказалось двадцать четыре тысячи, по другим — двенадцать. После этих событий московский князь снова вынужден был некоторое время платить дань монголо-татарам, но положение Московского княжества стало все же иным, и отношения к Золотой Орде изменились, как изменилась и сама Золотая Орда…

Дело в том, что в то время, как Москва двигалась к своему расцвету, Золотая Орда, как государство, слабела. Вот что пишет об этих событиях Н. М. Карамзин: «Нашествие Батыево ниспровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла…» В начале XV века от нее отделился Крым, вслед за Крымом от Орды отпало и Булгарское ханство, известное теперь уже под новым названием — ханства Казанского. В начале

80-х годов того же века обособилось и ханство Астраханское.

Один из современников Карамзина Н. А. Полевой рассматривал период монгольского нашествия в истории России в более широком плане. Он видел в нем борьбу Европы и Азии, где России выпала задача претворения Азии, переделки ее на европейский лад. «Русь острит свой меч о меч литовский, дабы низложить монгола». Силы России крепли в период монгольской власти, но не при содействии татар, а именно в процессе тяжелой борьбы с золотоордынским гнетом создавалось Русское государство с Москвой во главе. Не Золотая Орда его создала, оно родилось вопреки воле монгольских ханов, вопреки интересам их власти. Но само собой разумеется, что столь длительное непосредственное общение русского народа с Золотой Ордой и народами, входившими в состав этого государства, не могло не оставить следов на различных сторонах жизни русского общества, в частности, и на бытовой стороне.

На самом деле существует множество мнений относительно того, принадлежали ли русские земли в XIII–XV веках Улусу Джучи, то есть входили или нет в состав Золотой Орды. Некоторые исследователи настаивают на том, что входили, но лишь на какой-то небольшой промежуток времени. Так, один из представителей группы ученых, занимавшихся этим вопросом, философ и историк Н. С. Трубецкой, пишет: «Россия была в то время провинцией большого государства. Достоверно известно, что Россия была втянута и в общую финансовую систему монгольского государства». В отличие от Трубецкого, Г. В. Вернадский настаивал на ином: «…золотоордынский хан являлся высшим правителем Руси — ее «царем», как называют его русские летописи». «Пока Западная и Восточная Русь находились под контролем хана, обе были частями одного политического образования — Золотой Орды», — утверждал он.

Интересна позиция Н. И. Костомарова, он писал: «Ряд князей и государств находились в безусловной зависимости от верховного государя, татарского хана, истинного собственника русской земли»; «Верховный владыка, завоеватель и собственник Руси, хан, называемый правильно русскими, царем, раздал князьям земли в вотчины», то есть как хочешь, так и называй верховного правителя. Еще одно мнение, заслуживающее уважения, это позиция Л. Н. Гумилева: «Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи. Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. С окончанием похода Батый ушел на Волгу». Но зато в русских землях осуществляла свою деятельность ханская администрация из числа инородцев (инородцев для населения этих земель). Это

свидетельствует о принадлежности русских земель к ордынскому государству. Так в «Повести о мучениях Михаила Черниговского» сказано о том, что Батый поставил наместников по всем городам русским. В летописях описывается и административная деятельность этих чиновников в русских землях, и структура штата этих чиновников (об этом мы говорили, рассказывая о ханских ярлыках). Территория княжеств изменялась по решению хана. Такое было неоднократно. Это также свидетельствует о принадлежности их к ордынскому государству.

Из истории известно, что первым из русских князей на поклон в Орду пришел Ярослав Всеволодович. Он сделал это после того, как погиб в бою с монголо-татарами его брат Юрий (1238 год). Став великим князем Владимирским, он нашел единственное приемлемое для себя решение — отправился в Орду. Ярослав не был одинок в своем порыве. Вслед за ним в Орду направились и другие князья Северо-Восточной Руси. Но некоторые из русских князей не желали повиноваться монголам. Среди наиболее харизматичных и решительных оказались князья Даниил Галицкий и Михаил Черниговский, владения которых меньше всего пострадали от монгольского нашествия. Даниил Галицкий, борясь за самостоятельность, попытался опереться на главу католической церкви Папу Иннокентия IV. Однако дальнейшее продвижение монголов на запад заставило южно-русских князей явиться в ставку хана. При этом, как мы помним, Михаил Черниговский был убит (хотя обстоятельства этого убийства далеко не ясны и на сегодняшний день — об этом см. предыдущую главу).

Формальное признание власти хана для русских князей сопровождалось унизительными процедурами. Например, по свидетельству Герберштейна[19], существовал обряд, по которому князь выходил за город пешком, навстречу ордынским послам, привозившим ярлык, кланялся им, подносил кубок с кумысом и выслушивал ханскую грамоту стоя на коленях. Русские князья были обязаны по зову ханов являться со своими вооруженными отрядами и выступать в походы на стороне монголов. При посещении Сарая русские были обязаны делать хану и его ближайшему окружению дорогие подарки, это называлось «запрос царев». Кроме того, князья уже по своей воле привозили дополнительные «дары», или «почестье». В пользу ханш, царевичей, вельмож, ханских послов и чиновников собирались особые налоги. При проезде последних в частности уплачивались «поклонное», «мимоходное по дороге послу». Тяжелым бременем ложились на обложенное пошлинами население обязанности снабжать кормом и питьем ханских послов и других чиновников.

Одной из повинностей было содействие ханской охоте. Ловцы, в частности, могли требовать не только корм, но и живую силу себе в подмогу. Одной из самых главных повинностей русского населения, как мы помним, была поставка лошадей ханским послам и чиновникам для обслуживания «ям» — почтовых станций.

Сбор дани проводился крайне жестоко: неимущие обращались в рабство, причем в плате дани были абсолютно уравнены городское и сельское население. Более того, ханы (что говорит о том, что дань — это налоги, а не репарации с побежденного противника) освободили от налогов отдельные категории населения и организаций — церковь и ее служителей, о чем уже не раз говорилось.

Как же долго и регулярно ханы получали с Руси налоги и сборы? В русских землях пускает корни система налогообложения ордынского государства. Система развитая, с переписями населения. В 1257 году ордынцы решили провести первую перепись населения, что возмутило простой народ и вызвало колоссальную волну протеста. В те годы русский люд, доведенный до отчаяния тяжкими данями и поборами, нередко поднимался на ордынцев. Суздальцы, а потом — новгородцы должны были подвергнуться этой процедуре. Это вызвало настоящие восстания, но они жесточайшим образом подавлялись. Людям выкалывали глаза, отрезали носы — устрашать монголы умели, поэтому в конце концов с необходимостью переписи пришлось смириться. Меньше всего сопротивлялись всем указаниям Орды бояре и другие богатые люди. Если обратиться к периоду 1242–1362 годов, то, судя по историческим источникам, он характеризуется ярко выраженным подчинением русских княжеств Золотой Орде. Так, в 1243–1244 годах русские князья впервые приезжают в Орду и получают от хана ярлык на княжение. Ярослав Всеволодович назначается «великим князем», а Владимир утвержден главным городом Руси. Началась выплата дани в Орду.

Конечно, были ситуации, когда князья не желали выполнять волю завоевателей, на это следовала жесткая реакции. К примеру, в 1252 году на Северо-Восточную Русь против некоторых князей, не желающих подчиняться, хан организовал карательный поход. В период 1242–1362 годов ханскими чиновниками были проведены две переписи населения Северо-Восточной Руси (в 1257-м и в 1275 году), в русских землях начал функционировать постоянный институт чиновников нерусского происхождения, были размещены постоянные ордынские военные гарнизоны. Имеются летописные свидетельства о «дани кровью» — подневольном, судя

по характеру летописных сообщений, участии русских дружин (1263-й, 1278 год) в организуемых ханом военных походах на другие страны. Сбор дани в Орду в этот период был регулярным, хан в своих ярлыках освобождает от дани русское духовенство и от пошлин купцов, то есть контролирует прямое и косвенное налогообложение.

Например, ярлык на владимирское княжение не московскому князю (1365-й и 1371 год) не обеспечивал обладателю фактической возможности получить владимирские земли в правление, ибо этому противодействовала Москва. А после Куликовской битвы московский князь всячески пытался уйти из-под власти золотоордынских ханов. Правда, в 1382 году, после нашествия Тохтамыша, на 12 лет произошло восстановление полной зависимости русских земель от Орды: выплата дани, поездки князей к хану, получение ярлыков на княжение, участие русских воинов в далеких ордынских походах. А в 1395 году зависимость русских земель от Орды, разгромленной Тимуром, вновь прекращается. В этот период русские земли не платят дани Орде, князья не ездят за ярлыками. Поэтому уже в декабре 1408 года ордынцы предпринимают новый поход на Русь. Их цель — покарать Москву за неповиновение и в очередной раз восстановить ее зависимость от Орды. Но кампания провалилась.

Отношения между Ордой и Русью того времени напоминают американские горки. И все потому, что в этом случае столкнулись интересы двух сильных держав, мощных энергетических центров, каждый из которых претендовал на первенство. Успех приходил попеременно то к Москве, то к Орде. Так, в период 1428–1480 годов, при фактической независимости от Орды, русские земли признают формальную зависимость от ордынского «царя». Поэтому, когда в 1428–1437 годах на Руси шло противостояние Василия Темного и Юрия Галицкого, они обращаются к хану с просьбой рассудить в споре и выдать ярлык одному из претендентов. Князья просто стремились использовать Орду как орудие во внутренней борьбе, и это было связано с получением ярлыка на княжение. В 1437–1445 годах продолжается противоборство Василия Темного и детей Юрия Галицкого. Дань в этих условиях не выплачивается, фактической власти ханы Орды над Русью уже не имеют.

В 1461–1472 годах, в первом десятилетии правления Ивана III, дань в Орду тоже не выплачивается. Таким образом, постепенно власть хана над Русью становилась только номинальной. А для Орды это было время постоянных войн с Крымским ханством. Воевать на два фронта с такими сильными противниками, как Москва и Крымское ханство, для

золотоордынцев было неприемлемо. Военных походов на русские земли в этот период Орда не предпринимает. Однако уже в 1472–1480 годах зависимость русских земель от Орды восстанавливается. Формальная власть над Русью была у хана, и князь московский называет себя его «улусником».

В целом с 1242-го по 1502 год в русско-ордынских политических отношениях наблюдаются постепенные изменения. В одни периоды отношения Москвы и Орды строятся как равноправные, в другие — с преобладанием властного вектора одной из сторон. Характер этих связей во всех случаях отражал соотношение военного потенциала русских земель и Орды, а также легитимность правителя Орды. Последняя определялась в соответствии с его происхождением из ханского рода Джучидов, который Русь признавала правящей династией верховных в феодальной иерархии правителей.

Отношения между Русью и Ордой длились без малого 261 год. За этот период лишь 89 лет Русь была независимой от ханской власти, а 16 с половиной лет — подчинялась Казанскому ханству, которое все воспринимали как правопреемника Орды.

Несомненно, нашествие Батыя на Русь разделило ее историю на две эпохи — до «Батыева нашествия» и после него, домонгольскую Русь и Русь после нашествия монголов.

Ордынское иго на Руси сыграло, несомненно, отрицательную роль. Это признает подавляющее большинство историков, публицистов и литераторов. Тяжелым последствием ига было углубление разобщенности и обособления отдельных частей Руси. Ослабленная страна не смогла отстоять ряд западных и южных районов, захваченных позже литовскими и польскими феодалами. Нанесен был удар и торговым связям Руси с Западом: с зарубежными странами они сохранились лишь у Новгорода, Пскова, Полоцка, Витебска и Смоленска.

Татаро-монгольское нашествие привело к резкому сокращению населения страны, особенно это касается жителей городов. Множество людей было убито, не меньше уведено в рабство. Запустел Киев, в котором осталось не более 200 домов. Из 74 городов на Руси в XII–XIII веках около 50 были разорены захватчиками, в 14 из них жизнь в последующем не возобновилась, а 15 превратились в небольшие села. Восстановление разрушенных городов и деревень затруднялось двумя факторами. Во-первых, необходимость уплаты дани существенно сокращала часть национального дохода. Во-вторых, до середины XIV века на земли Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было совершено более 20 военных нападений различных по численности золотоордынских отрядов.

Но некоторые ученые высказывали мнение о том, что иноземное владычество оказало и положительное воздействие на развитие Руси. Они считали, что это выразилось в укреплении в ней государственного порядка, ослаблении княжеских усобиц, появлении ямской связи и т. д. Кроме всего, более чем двухвековое господство ордынцев привело, помимо прочего, к обоюдным заимствованиям — в хозяйстве, быту, языке и т. д., ведь в таких случаях взаимопроникновение совершенно различных культур — естественный процесс.

Двояко относился к татаро-монгольскому игу великий историк и писатель Н. М. Карамзин, который описал и осудил ордынские насилия на Руси, но в то же время он полагал, что ханы все-таки помогли ей: мешали сварам князей и усилению удельной раздробленности, что привело русские земли к единодержавию. Подобные суждения можно услышать и в наше время. Некоторые из исследователей говорят о двойственном взаимодействии между Русью и Ордой, к историкам этих взглядов можно отнести, например, Л. Н. Гумилева. Другие идут дальше и высказывают еще более радикальные взгляды, считая, что оба государственных образования — Древняя Русь и Золотая Орда — только выиграли от своего взаимодействия-столкновения. Таких взглядов придерживался, например, Олжас Сулейменов в своей знаменитой книге «Аз и Я». И наконец, некоторое количество исследователей, правда, в большинстве своем это не профессиональные историки, а писатели, утверждают, что никакого нашествия не было, а было взаимовыгодное сосуществование. Крайняя точка подобных высказываний — это мнение о том, что Русь, вернее Московия, и Золотая Орда — одно и то же государство. Этих взглядов придерживался большевистский пропагандист Михаил Покровский, а сейчас на эту тему рассуждают писатели Борис Чхартишвили и Михаил Веллер. Наследницей Древней Руси последний считает Литву.

Действительно, нельзя забывать о том, что монголы воевали и против литовцев. В ноябре 1324 года в Вильнюс прибыли послы золотоордынского хана Узбека. Об этом упоминают бывшие там в одно время с ними папские послы. Великий князь литовский Гедимин и Узбек-хан заключили соглашение, по которому к литовским князьям, ставшим правителями бывших земель Руси, перешла роль, принадлежавшая их предшественникам Рюриковичам. Князья признали себя вассалами монголов, правящими по их ярлыкам и выплачивающими им дань со своих земель. О сути достигнутой договоренности дает представление уже упоминавшийся ранее ярлык, выданный в 1392–1393 годах Тохтамышем внуку Гедимина Ягайле. Это было привычной

практикой для Орды, но время уже отсчитывало годы до момента, когда это мощное образование перестанет существовать.

Итак, совершенно очевидно, что в этот период шло два противоположных по сути процесса: в Золотой Орде весьма заметно вызревали элементы распада, а в русских княжествах в это же время шел процесс образования сильного национального государства. По мере углубления этого процесса среди русского народа крепла надежда на освобождение от власти золотоордынского хана. Ведь русские люди несли двойное ярмо: помимо русских князей и бояр, нужно было обогащать и иноземных господ. Выносить такое бремя было вдвойне сложнее.

Известно, что окончательный распад Золотой Орды начался с отделения от нее Казанского и Крымского ханств в середине XV века. В союзе с этими ханствами великий князь Московский Иван III (годы правления 1462–1505) сумел изолировать Золотую Орду, после чего отказался платить дань хану Ахмату, правившему Ордой с 1460-го по 1481 год. Такое положение вещей не устраивало властолюбивого хана. Он посчитал возможным в корне изменить положение вещей. Поэтому в 1480 году Ахмат двинулся на Москву.

Началась самая долгая, какую только можно себе представить, психологическая война. В течение нескольких месяцев противоборствующие армии стояли друг против друга, не вступая в бой, на реке Угре. Первым дрогнул Ахмат — осенью он отступил. Это означало конец монголо-татарского ига на Руси. Сама Золотая Орда пережила его всего на несколько лет. Смертельный удар она получила в 1502 году от крымского хана, который сжег Сарай. Государства-преемники Золотой Орды, Казанское и Астраханское ханства на Средней и Нижней Волге, были захвачены Россией при Иване Грозном в 1552-м и 1556 году. Крымское ханство, став вассалом Османской империи, просуществовало до 1783 года и также было присоединено к России.

Тамерлан: так и не ставший ханом

Летопись — это единственное письменное свидетельство, которое остается от событий давно минувших дней. Насколько можно им доверять, воспринимать информацию, поданную в них в качестве правды, пусть не абсолютной, но хотя бы заслуживающей доверия? Что можно считать критерием того, что перед нами достоверная информация?

Насколько все эти документы близки к истине? Это уже на совести их составителей. Листая страницы документов, пришедших к нам из глубины веков, мы узнаём о войнах, завоеваниях, стихийных бедствиях. В нашем воображении мы видим сцены насилия, слышим крики, хрипы и брань. Страх и ненависть — вот что лежит в большинстве случаев на поверхности. А миллиарды великих и малых Любовей, тысячелетия человеческого Счастья, Радости и Надежды, громадные эпохи мирного труда, преобразовавшего землю, почти не отразились в летописях. Не зафиксированы и поэтому забыты гениальнейшие изобретения, какие-то радостные события.

Вот что пишет академик Б. Д. Греков в своем известном труде «Киевская Русь»: «И письменные и неписьменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет». Вот в этом и заключается суть вопроса: кто и что хочет извлечь из перелопаченной, переосмысленной информации.

Тамерлан (1336–1405) — это имя известно практически каждому нашему современнику. Это личность, которая по популярности и своему влиянию на историю соперничает с Чингисханом. Образ, оставшийся в мировой истории, внушает уважение и страх. Все, за что бы он ни брался, приносило успех. Тимур-ленг — Тимур-хромой, или, в европейском варианте — Тамерлан. Что о нем говорили его современники, что нового о нем рассказывают сегодня исследователи?

Исторические источники о Тимуре сообщают немало, но то, что мы узнаём, не вызывает симпатии, хотя свидетельствует о том, что он был недюжинным человеком. Его деяния имели грандиозные последствия, а сложная и противоречивая личность вызывала и вызывает всеобщее любопытство и предоставляет психологам богатую пищу для размышлений. Причем количество тех, кто им восхищается, и тех, кто его ненавидит, примерно одинаково. Тем больший интерес вызывает эта знаменитая персона второй половины XIV века, поэтому стоит детально

рассмотреть все, что нам известно о Тамерлане.

Итак, учитывая неоднозначность и масштабность личности, есть смысл провести своеобразное историческое исследование и, быть может, реабилитировать незаслуженно оклеветанного героя. Ибо справедливости ради нужно отметить, что ассоциации, которые вызывает этот образ, запечатленный в нашем коллективном сознании, откровенно негативный.

Все мы живем в обществе и не можем быть свободными от него — известный философско-политологический тезис. В продолжение жизни историк находится под слишком мощным влиянием свойственных его эпохе идеологий. То, что противоречит его привычкам и мнению, кажется ему чудовищным и неестественным. Он не способен понять, что порой человек может не только принимать, но и высоко ценить то, что сам же осуждает или считает неприемлемым. В суждениях о любом предмете или факте всегда есть доля субъективности. Если чего-то не знаешь, это не означает, что этого не существует. Сегодня ситуация начинает меняться: современных историков учат критически рассматривать факты, а не умонастроения.

Жизнь Тамерлана изучена достаточно хорошо, ничего важного не упущено, а современный подход обработки информации позволяет достигнуть еще большей точности в констатации фактов. Несомненно, было бы весьма увлекательно шаг за шагом проследить всю жизнь Тамерлана, начиная с его детства и отрочества, чтобы понять, как могла сформироваться эта незаурядная личность. Но об этом периоде жизни Тимура известно крайне мало, информация больше напоминает легенды.

Каков бы ни был масштаб событий, он обязательно имеет некую предельную величину. Как говорят физики, и у металла есть предел прочности, что уж говорить о простых смертных. Но Тимур, по-видимому, был не из их числа. Он не знал ни в чем пределов и ограничений, постоянно превосходил всех во всем, и его личность не меркла на фоне любых событий, даже при всей их очевидной грандиозности.

Все, что он делал, находилось на грани возможного. Его не останавливало ничто: ни ратные тяготы, ни возраст, ни болезни. Только смерть сумела взять над ним верх. Быть может, поэтому его победы кажутся более громкими, чем были в действительности, а его злодеяния — более зверскими, нежели на самом деле. И все это усугубила дарованная ему судьбой долгая по меркам средневековья жизнь, за время которой он изменил своими деяниями Восток. Во многом Тамерлан был обязан своими успехами долголетию: он процарствовал тридцать пять лет, в течение которых внутреннее напряжение его не оставляло

ни на секунду.

Те, кто посвятил себя изучению биографии и личности Тимура, часто приходят к выводу, что он никогда не стремился к мировому господству. Его цель была, как они считают, совершенно очевидна и гораздо более конкретна. Он стремился к объединению под своей властью всех племен Великой степи, дабы добиться мира, порядка и уверенности в завтрашнем дне. Все прочие его войны носили вынужденный характер. Как мы помним, нечто подобное было делом всей жизни Чингисхана. Более того, Тамерлан и внешне был очень похож на него, хотя тот не являлся его предком: тот же цвет глаз, рыжие волосы. И масштабность их мыслей в чем-то была равновеликой. Другое дело, что политика объединения и, говоря современным языком, коллективной безопасности в Степи воспринималась его противниками как пролог к мировой экспансии, однако говорить, что такова была и внутренняя мотивация великого полководца, было бы, на наш взгляд, неправильно.

Тимур — во многом уникальная личность, он покорил вершины власти, однако по рождению к сильным мира сего не принадлежал, что вызывает еще большее уважение, учитывая масштаб достигнутого. Итак, не принадлежа по праву рождения к Чингизидам, не являясь таковым по крови, он в гораздо большей степени, чем они, был потомком Чингисхана по духу.

Между тем в надписи на знаменитом нефритовом надгробном камне, находящемся в Гур-Эмире, приводится подложная генеалогия Тимура. Там прочерчены сближающиеся генеалогические линии Чингисхана и Тимура, обозначены их общие предки. То, на что не решилась пойти официальная историография при жизни Тимура, сделала посмертная надпись, возведя Тимура если не в ряды Чингизидов, то, во всяком случае, обозначив его общий с Чингисханом генеалогический корень, что в известном смысле могло рассматриваться даже как более ценная черта в генеалогии могущественного эмира.

Как и Чингисхан, этот полководец, делавший все для того, чтобы не ввязываться в крупные баталии, выигрывал каждое данное им сражение. Он одержал верх над такими военачальниками, как Тохтамыш, правитель Золотой Орды и потомок Чингисхана, разоривший Москву, или как турецкий султан Баязид Молниеносный, славившийся непобедимостью и не знавший в Европе ни одного поражения. Как ему удавалось внушать одним и тем же людям страх и уважение одновременно? На этот вопрос нет ответа.

Великий завоеватель весь состоял из противоречий: он был безмерно гордым, но довольствовался весьма скромным званием

эмира[20], посадил на трон правителя — и признал себя его вассалом и, наконец, распорядился похоронить себя в ногах какого-то святого. Он запретил вино, но был известен как любитель попоек, во время которых сам смертельно напивался. Учинял жесточайшие побоища, но не выносил рассказов о пытках или просто об ужасах войны.

Под властью Тамерлана находились богатства целых империй, которые он расходовал по своему усмотрению. В кратчайший срок, в течение всего лишь месяца, он строил на горных вершинах великолепные дворцы. Тимур разрушал памятники, но при этом страстно любил возводить новые. Он был, возможно, безграмотным, но любил искусства и изящную словесность, привлекал убеждениями и приказывал доставлять силой к своему двору величайших художников. На его лице редко появлялась улыбка, но он слыл ценителем острого слова. Как и великий Чингисхан, Тамерлан был безжалостным, но порой мог простить даже врага. Он был бесчеловечным, но любил своих детей, сестру и искренне радовался известию о рождении внука. Жители Азии гордились им и страдали от его действий. Враги называли его огромным серым волком, выгрызающим землю, а его сторонники видели в нем льва и завоевателя.

Трагедии XX столетия взрастили в нас отвращение к кровавым драмам минувшего. Однако вздрагивать, читая об избиениях, совершавшихся Тимуром, после того как мы узнали о деяниях Гитлера, бомбардировках Вьетнама, атомных бомбах и напалме, нам не пристало. Но ведь в стародавние времена современников потрясали не одни только кровавые бойни, но и личность этого человека, его жизнь и деяния. Каковы бы ни были чувства, которые может вызвать в нас Тамерлан, каковы бы ни были суждения о нем, невозможно отрицать, что он обладал качествами необыкновенными и притягательными, что его личность грандиозна. Равных ему мало, а быть может, таких, кто превосходил бы его, не существует вообще. Он из той когорты, в которую вошли Александр Македонский, Дарий, Цезарь, Чингисхан. Это одна из величайших фигур прошлого.

Пять столетий спустя стало понятно, что Тамерлан был последним из великих завоевателей. Конечно, Наполеон и Бисмарк заняли свое место в мировой истории, о них немало написано, подробности их жизненного пути всем известны. Но один скончался побежденным, другой хотя и стал политическим руководителем империи, но эта империя не шла ни в какое сравнение с империей Тамерлана, который, повторим еще раз, добился успеха во всех своих кампаниях; он и умер в походе на Китай, который был последней державой, способной ему

противостоять.

Чтобы понять, на что замахнулся Тамерлан, что он совершил и каково его место в истории человечества, необходимо отвлечься от истории Европы, абстрагироваться от принципов современной цивилизации с ее предубеждениями и условностями и взглянуть на Тамерлана глазами тех, кто сопровождал его в походах.

Вернемся ко временам, когда Тимур родился. Монгольская империя Чингисхана уже рухнула. Она была создана в непростой период истории людьми, знавшими, куда они шли и чего хотели. Их целью было построение всемирной монархии, чтобы был всего один государь на Земле, и тем самым установить вечный мир.

На осуществление этого замысла ушло почти целое столетие. Самые жуткие, безжалостные разрушения, как записано в исторических хрониках, совершались в первые годы завоевания, в годы, когда Чингисхан установил тотальный террор. Как мы уже говорили, в этот период он не видел пользы в городах. Кочевник и скотовод, он желал, чтобы все сельскохозяйственные земли были возвращены степи. Однако очень скоро он научился прислушиваться к доводам советников, которым удалось убедить его в том, что налог способен дать больше, нежели любая аннексия. Уже после смерти великого завоевателя его последователи поступали так же. Кроме того, находясь в теснейшем соприкосновении с великими и древними цивилизациями, они испытали сильное влияние этих культур и утратили, если можно так выразиться, первоначальную дикость. Однако монгольский мир просуществовал недолго, Чингисхан умер в 1227 году, не завершив своих завоеваний.

Тимур, который стал духовным наследником Чингисхана и продолжателем дела Повелителя Вселенной, родился 8 апреля 1336 года в городе Кеш (современном Шахрисабзе) — «зеленом городе», который находится в сотне километров от Самарканда или, точнее, на территории селения Ходжа Ильгар. Он не был сыном короля, как Александр Македонский, или наследником племенного вождя, как Чингисхан. Более того, он даже кровным потомком последнего не был — не был Чингизидом.

Жилище семьи Тимура было построено из дерева и необожженной глины. При доме были дворик и сад, обнесенные стеной. У дома — плоская крыша с перилами, как принято в этих местах, на ней обитатели могли слушать в сумерках протяжный зов муэдзина на молитву, пока овцы и крупный рогатый скот сгонялись с пастбищ в стойла.

Новорожденному дали имя Тимур. Родителями его были Тарагай («жаворонок»), вождь племени барласов[21], и Тикинахатун. Тимур — это тюркский вариант монгольского

имени Темюр. Персидское прилагательное «ленг» (хромой), благодаря которому получилась форма Тамерлан (Тимурленг), будет к нему присоединено впоследствии, когда наш герой получит увечье.

Семья Тимура, естественно, была монгольской, но полностью тюркизировалась, как и большинство семей, которых нашествие Чингисхана разбросало по всей территории Евразии, в особенности в Трансоксиане, в краю, называемом мусульманами Мавераннахр[22], страной меж двух рек, тех самых, что впадают в Арал, то есть между Амударьей и Сырдарьей. Эта семья говорила на тюркском языке и ощущала себя тюркской. А вот мусульманской она стала незадолго до описываемых событий, и, даже если религиозное рвение Тарагая было велико или стало таковым в его преклонные лета, ислам проник в его душу неглубоко. Настоящие мусульмане не носят старинных тюркских тотемических имен, тем более не слишком распространенных и малопочетных, — не то что такие популярные, как Арслан (лев), Тогрул (сокол), Бога (бык), — а пользуются именами подлинно мусульманскими или титулами, часто используемыми в исламе. Начать с того, что настоящий мусульманин не даст своему сыну имя Тимур («железо»), даже тогда, когда оно, если так можно сказать, в моде. (В то время имя Темюр, или Тимур, таковым и являлось.) Однако если до какой-то степени имя оказывает некое не подлежащее объяснению воздействие на его носителя, то имя, которое получил этот ребенок, как будто определило его будущее, потому что у тюрок железо — священный металл.

Рождение и детство Тимура окутаны легендами, так что выяснить, как обстояло дело в действительности, непросто. Есть сведения о том, что мальчик рано остался без матери, воспитывали его, а также трех его братьев и двух сестер, одни мужчины. На всю жизнь Тимур сохранил нежность по отношению к сестрам, наверное, потому, что они восполняли ему недостаток материнской ласки, которой ему очень не хватало. Отрочество его было тяжелым и полным разочарований. Некоторые историки даже утверждают, что Тимур не гнушался красть чужих лошадей и во время одного из налетов на чужой табун получил увечье, которое сделало его хромым.

Тарагай решил полностью посвятить себя религии, предоставив сыну полную свободу. Единственное, на чем настаивал отец: Тимур должен стать настоящим мусульманином, в этом его спасение. Читая Коран, мальчик пытался постичь величие веры. К семнадцати годам он полюбил ходить во внутренний двор мечети, где сидели имамы, наставники веры, и занимал место позади слушателей, где складывали обувь.

До сих пор историки не сошлись во мнении в вопросе образованности Тимура. Некоторые исследователи утверждают, что он не умел ни читать, ни писать. Но годы его правления показывают, что какое-то образование он все же получил. Однако нельзя не отметить, что Тамерлан имел возможность слушать уважаемых и эрудированных людей и беседовать с ними. Он во всем был хорошим учеником: прекрасно держался в седле, мастерски владел оружием, хорошо играл в шахматы — всему этому он вряд ли научился в школе, скорее, сама жизнь преподавала ему уроки.

Будучи увечным, Тимур серьезно относился к своей физической форме. Он был сильным от природы, но развивал свою силу постоянными упражнениями, благодаря которым вопреки своему увечью даже в старости по-прежнему являлся одним из выносливейших людей, известных историкам. Его великолепная физическая форма и стала поводом для создания многочисленных легенд, в которых он проявлял чудеса ловкости и силы.

Молва утверждала, что чудеса случались с Тимуром в жизни всегда. Они сопровождали его рождение: в тот день пепел якобы покрыл всю землю. Кроме того, известна легенда, согласно которой Тимур появился из утробы матери «с руками, полными крови». Здесь явная перекличка с темой из «Сокровенного сказания», которое гласило, что Чингисхан родился со сгустком крови в кулаке. Подобный факт, согласно представлениям того времени, указывал на то, что новорожденному было суждено великое будущее. Предсказатели вообще проявляли неслыханную щедрость, когда речь шла о сильных мира сего. Да и последние зачастую огромное значение придавали гороскопам, снам, видениям — таким был и Тимур.

Приблизительно в шестнадцать лет он поступил на службу к эмиру Казагану[23], считавшемуся «делателем ханов». За ним прочно закрепилось это прозвище, поскольку именно им были один за другим возведены на трон Угедэид Данишмендия и Чагатаид Баянкули. Казаган когда-то был военачальником у одного из ханов и жил в Самарканде. Но в конце концов ему надоели опустошительные набеги, и он взбунтовался. Последовала долгая ожесточенная война, окончившаяся смертью хана, и Казаган стал, в сущности, правителем Самарканда, земель барласов и других монгольских племен.

Поступив на службу, Тимур сразу же оказался замешанным в интриги, в которых еще не был силен. Он тогда не понимал до конца, что смысл сказанного может расходиться со сделанным: вельможи притворялись, что доверяют ему, но в то же самое

время пытались сделать его соучастником восстания против эмира. Но вскоре Тимур сообразил, что плетущие заговор — слабые люди, не стоит становиться на их сторону. Тем более, что он присягал на верность эмиру — пойти против него означало пойти против совести, совершить бесчестный поступок. Предателей Тимур не уважал. Поэтому посчитал нужным донести на заговорщиков. Кроме того, посоветовал Казагану проявить твердость и применить метод, к которому в дальнейшем часто будет прибегать сам. Метод весьма действенный, рассчитанный на некоторый период срабатывания «лакмусовой бумаги». Заключался он в том, чтобы осыпать дарами вельмож. Завидуя друг другу, они начнут состязаться за высочайшее благорасположение, вот так и покажут свое истинное лицо.

Казаган был восхищен мудростью юноши и вознаградил его тем, что поставил командовать одним из отрядов. Посчитав, что этого недостаточно, он женил его на своей внучке, красавице Альджай. Девушка, по описаниям историков, была наделена невероятной красотой. Она была первой любовью Тимура. К сожалению, Альджай прожила недолго, но при ее жизни ни одна женщина не делила с ним ложе. Нет сомнения, что от двадцати до двадцати четырех лет Тимур наслаждался жизнью. Он сделал покои для Альджай из заброшенного флигеля белого глинобитного дворца в Зеленом Городе. Украсил их по своему вкусу коврами, серебром и гобеленами — плодами военной добычи. А отец в это время передал ему семейный скот и права на пастбища.

Жена не замедлила одарить его сыном, которого он скромно назвал Джахангиром (Тем, кто держит в руках мир). Казалось, Тимур ничего не делал просто так. Как будто уже тогда он думал о будущих победах своего первенца. По случаю его рождения был устроен пир, на который приехали многие эмиры, кроме, разве что, двух — его дяди и правителя племени Альджай.

Тамерлан умел заводить друзей, их у него было много, и со всеми он был щедр, находил общий язык — качество, которое дорогого стоит. Одному ему известно, насколько набожным он был на самом деле, но казался таковым. Но то, что он умел быть преданным союзником — не подлежит сомнению. Так и было в отношениях с Казаганом. Через пять лет их крепкой дружбы эмир пал от рук одного мусульманина. Это случилось, когда Тимура не было рядом. Вернувшись, он узнал о случившемся и хотел наказать виновных. Он был очень расстроен, но понимал, что настают иные времена. Начинается борьба за власть, из которой добровольно выбыл сын Казагана, а многие из желающих не обладали нужными для этого качествами. И тут Хаджи Барлас и

джалаирский[24] эмир Баязид явились в Самарканд и провозгласили свою власть над монголо-татарами. Это не понравилось Тимуру, но тут неожиданно умер Тарагай, его отец. И хотя большинство барласов последовало за Ходжи в Самарканд, Тимур остался в Зеленом Городе с несколькими сотнями воинов. Он должен был отдать последний долг умершему.

Перед трансоксианской знатью стал вопрос о сохранении власти, но оказалось непросто решить, кому можно было бы ее доверить. Претендентов было множество. Ушедший отец Тимура не занимал по-настоящему высокого положения, что ослабляло позиции его сына. Впрочем, вначале даже речи о нем не шло: у него имелись друзья и сторонники, но их авторитет и влияние распространялись лишь на лиц второго плана. Тимур, человек еще молодой, среди известных политических предводителей его авторитет значил мало. И все же ему удалось войти в группу основных претендентов, бок о бок со своим шурином Хусейном, внуком Казагана и Баязидом, вождем могущественного рода Джалаиридов. Хусейн надеялся благодаря родству с Казаганом поднять свой политический авторитет.

После смерти эмира Казагана в Трансоксиане не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. В 50-х годах XIV века здесь выделилось несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом. Шахрисабз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи Барласу. Ходжентом и его вилайетом владел Баязид, а в руках эмира Хусейна, внука Казагана, были Балх и часть вилайета.

Когда монгольский хан Тоглук-Тимур[25] появился со своим войском в 1360 году в Мавераннахре, там не нашлось правителя, который для борьбы с ним мог бы сплотить вокруг себя враждующих между собой владетелей. Поодиночке же они были бессильны бороться. Тоглук-Тимур дошел до Кашкадарьи, не встретив серьезного сопротивления.

Дипломатичность и умение чувствовать ситуацию помогли Тимуру в корне изменить свое положение. Ему удалось заручиться поддержкой хана илийских монголов, Чингизида Тоглук-Тимура. Выступив ему навстречу как дорогому гостю (не взирая на то, что тот шел завоевывать Трансоксиану), Тимур устроил пир в его честь и щедро одарил. Уловка возымела действие: тот стал считать его своим другом. Когда Тоглук-Тимуру из-за бунта пришлось отправиться в центр империи и покинуть берег Сырдарьи, он с легкостью доверил управление Трансоксианой Тимуру, оставив под его командой целую тьму, то есть корпус войск численностью десять тысяч сабель.

Такой успех в двадцать пять лет вскружил Тимуру голову! Он расслабился, почивая на заслуженных, по его мнению, лаврах. Он забыл о том, какой коварной может быть знать. В 1361 году возвратился Тоглук-Тимур, полный решимости покончить с этой беспокойной и невыносимой знатью. Эти люди не оказали сопротивления, большинство предпочло покориться. Тимур осознавал серьезность положения и, обуреваемый внутренними противоречиями, понимал, что ему нужно делать выбор. А состоял он в том, чтобы определиться, на чьей стороне выгоднее и безопаснее остаться. С одной стороны, он всем был обязан монголам, с которыми у него имелось много общего, но с другой — он ощущал себя настоящим тюрком. На что же решиться: остаться с монголами на вторых ролях или рискнуть всем, чтобы получить шанс стать первым среди тюрок. Не признававший полумер, он решился на самое трудное по выполнению, но сулившее максимальный выигрыш! Он сделал ставку на Трансоксиану, на тюрок, разорвав все отношения с ханом. Он поднял на щит заманчивую идею независимости, одновременно вступив в тесный контакт с племенами, чтобы шаг за шагом подтолкнуть их к восстанию. Однако мало кто захотел его слушать. Под угрозой оказалась жизнь Тимура, поэтому ему пришлось бежать. Благо не один он был таким сорвиголовой, способным на поступок. Бежать пришлось и его шурину Хусейну, который, подобно ему, лишился всего. Хусейн был одним из редких «националистов» и был готов дерзнуть и хоть что-то предпринять. Тимур стал его союзником. Теперь можно было вместе выступать против общих врагов. Впереди было три года жизни, полной приключений.

Романтичные легенды, которые описывают этот период, полны вымыслов. В действительности жизнь изгнанников была суровой и неопределенной. Трудности и лишения рано или поздно должны были привести к недоразумениям — начались ссоры. Спустя какое-то время оба эмира, блуждавшие среди Черных песков, были схвачены неким Али-беком и брошены в темницу Макана. Этот небольшой городок находится в Мервском оазисе. Заточение двух довольно известных воинов наделало много шуму. Это указывает на то, что эти два человека имели авторитет. Именно авторитет способствовал тому, что Тимура и его свояка вскоре отпустили — за них ходатайствовал брат похитителя. Здесь пути двух уже бывших союзников разошлись. Хусейн направился в свои кубулистанские владения.

Тимур же прибыл в царский стан, находившийся в провинции Нишапур. Далее все было непредсказуемо: вслед за Тимуром там же появляется и Хусейн, которого тут же бросили в темницу. Но

Хусейну удалось сбежать. После побега заключенного Тимур и Хусейн вновь объединились. Далее следуют сражения. В одном из них в Тимура вонзается две стрелы: первая — в правый локоть, вторая — в правую ногу. Недолеченные раны дали осложнения, которые со временем привели к тому, что руку наполовину парализовало, а работоспособность ноги так полностью и не восстановилась. Именно припаданию на раненую ногу обязан Тимур прозвищу «хромой» — Тимур-ленг.

Шаг за шагом он демонстрировал военный талант, умение сплотить вокруг себя воинов, так что пока он лечил раны, вокруг него и Хусейна собралось пять, возможно, шесть тысяч преданных людей. Это напугало хана Тоглук-Тимура и заставило выступить со своей армией против мятежников. Но Тимур благодаря ратной смекалке одержал победу. Обманутые монголы позорно бежали.

Время шло. Скончался Тоглук-Тимур. Его сын Ильяс не пожелал отказаться от такого лакомого куска, как Трансоксиана, и захотел расправиться с выскочками — Тимуром и Хусейном. Эти двое казались ему самыми опасными претендентами на главенство в улусе. Однако, выступив против них, Ильяс не знал, что очень скоро будет разбит. Тимура не остановило даже то, что поднять меч против хана считалось преступлением, в данном случае тем более тяжким, что Тимур когда-то у Ильяса служил. Понимая, что сражение проиграно, последний сбежал в Моголистан. Трансоксиана обрела свободу и требовала нового хана, дабы соблюсти законы Чингисхана.

Постановили созвать курултай, который назначил бы нового верховного правителя. Им стал дервиш-поэт, по прямой линии происходившего от Чагатая и звавшийся Кабул-ханом. А Тимур получил титул Сахиб-кирана, «того, по чьей воле выстраиваются звезды». Он по обыкновению был безудержно щедр, что совершенно не понравилось его шурину. Поэтому напряжение между ними только возрастало. Оно достигло апогея после смерти Альджай. Зачастую она восстанавливала их единство. Теперь сестра больше не могла замолвить слово за брата, а жена — за супруга. Оба знали, что один из них был лишним, и каждый старался расставить фигуры так, чтобы сначала объявить сопернику шах, а затем и мат.

Тимур предпринял шаги на опережение, не дав родственнику подготовиться к бою. Хусейн оказался в безвыходном положении и отдал себя в руки шурина, который с лицемерным добродушием позволил ему совершить хадж в Мекку. Хроники говорят, что побежденный плакал. Наверное, он не верил в такой исход противостояния с Тимуром и оказался прав. То ли исполняя приказ, то ли по собственной инициативе, несколько

стражников вскоре догнали паломника и убили.

После этого вся Трансоксиана подчинилась Тимуру. 10 апреля 1370 года в ходе церемонии по монгольскому обычаю он провозгласил себя единодержавным государем. В этот важный для него момент вновь проявилась противоречивость его натуры. Он пренебрег всеми громозвучными титулами, столь любимыми восточными владыками, и довольствовался званием эмира. Правда, прибавил к нему эпитет «великий»: улу по-тюркски, кабир по-арабски. Так сын Тарагая стал первым великим эмиром из тюрко-трансоксианских правителей. Тимур так и не стал ханом, но от этого не перестал быть диктатором, личностью, внушающей трепет, уважение, ненависть.

Он стал хозяином Трансоксианы в тридцать четыре года. Помышлял ли он уже тогда о создании более крупного государства, о восстановлении империи Чингизидов или, возможно, кто знает, о том, чего желал и Чингисхан — о воцарения над всем подлунным миром? А может, он чувствовал, что уже достиг всего и только старался все это сохранить, укрепить. Для этого нужно было избавиться от недовольных, переустроить жизнь в государстве и уберечь его от возвращения монголов, по-прежнему возможного и даже неминуемого.

Тимур сразу же заявил, что хотел бы, чтобы его рассматривали не как некоего императора, а как первого среди эмиров, как Великого эмира. В этом событии тоже проявилась загадочная натура этого человека. На самом деле, было трудно понять такое показное отсутствие амбиций — не хотеть быть императором. Но быть может, для него, всегда помнившего напутствие отца, важнее было стать именно великим эмиром. Ведь с первого же дня царствования он оказался между двумя разными традициями, двумя культурами, двумя образами жизни и двумя религиями: монголов и тюрков, религией Тенгри и исламом.

Думал ли он о том, чтобы обойтись без хана? Как в свое время Казаган, Тимур не смел и не мог сместить того, кто воплощал в себе легитимность Чингизидов. Безоговорочно преданный эмиру Хусейну хан Кабул умер, возможно, по воле Тимура. На его престол был посажен бездельник Союргатмыш — с таким именем он и вошел в историю. После него к власти пришел его сын, и Тимур задумался над тем, чтобы поднять свой авторитет и сделать легитимной свою власть. Ведь, по сути, она таковой не являлась, хотя уже в то время его приверженцы взялись за составление его фальшивой генеалогии. Решение было принято чисто мужское: Тимур забрал из гарема шурина одну из дочерей хана Казагана, по имени Сарай-Мульк-катун, и женился

на ней, что позволило ему получить весьма китаизированный титул зятя императора (кюрегена по-монгольски и кюргена по-тюркски), чем он гордился безмерно. Теперь его стали называть Тимур-кюрген.

Противоречивая натура Тимура подбрасывала историкам загадки, в которых то и дело обнаруживались, казалось бы, несопоставимые вещи. Будучи настоящим кочевником и преданным приверженцем «Ясы» Чингисхана, запрещавшей жить в городах, Тимур довольно долго с недоверием относился ко всем поселениям городского типа. Например, узнав о желании эмира Хусейна обосноваться в Балхе, он настойчиво уговаривал своего друга отказаться от подобного намерения. Это не укладывалось в его голове и представлялось совершенно ненужной затеей. Он и думать не думал, что когда-то у него появится свой собственный город.

Подобно всем великим степнякам-номадам, давлеющее воздействие городов он испытывал на себе всегда. С другой стороны, Тимур понимал необходимость улучшить взаимоотношения с оседлыми народами. Он думал о Кеше, но в конечном итоге остановил свой выбор на Самарканде — просторном богатом и удачно расположенном, с тысячелетним авторитетом. Этот город являлся перевалочным пунктом Великого шелкового пути: виноград, золотая и серебряная посуда, изделия из льна, ароматические масла, изделия городских ремесленников и крестьян, а также танцовщицы из Самарканда были хорошо известны и пользовались повышенным спросом даже в Китае. Все больше тюрок смешивалось с местным населением. Тогда же появились здесь арабы и вместе с ними пришел ислам. Самарканд стал для них, как зачастую и для их предшественников, воротами Востока. Чингисхан впоследствии город опустошил. Главная мечеть сгорела. Город возрождался медленно. Фактически оживала легенда, место почти священное. Тому, что город менялся на глазах, способствовал и Тимур. Город стал его детищем, обретя поселения-спутники, которым дали названия знаменитых городов: Дамаск, Султания, Шираз, Багдад и Каир.

Тимур всячески стремился укрепить свою власть. Не нарушая правил «Ясы», он созвал курултай, на котором произошли назначения его приверженцев на главные ключевые посты. В основном, это были друзья детства, на которых можно было безоговорочно рассчитывать. В этом заключалась его внутренняя политика, а вот внешняя — предусматривала обеспечение государству спокойствия путем умиротворения монголов.

Нужно было не забывать, что анархия — нормальное

состояние кочевников. Они соглашались с нею расстаться лишь в случае крайней необходимости, например, когда были убиты их вожди или когда это давало очевидную выгоду. Вот почему, как только племена объединялись вокруг той или иной выдающейся личности, они тут же нападали на соседей, чтобы пограбить, а то и прихватить еще земель. Но на этот раз в планах великого эмира не было ни набегов, ни иных прибыльных мероприятий.

Однако не стоило забывать, что воинственные по природе монголы считали своей собственностью дважды завоеванную ими во времена Тимуровой молодости Трансоксиану. Теперь надлежало их могущество ослабить. Это были наиболее трудные походы для Тимура, победа в них никогда не оказывалась окончательной, поскольку враг имел в своем арсенале целый арсенал различных тактик сопротивления, что принуждало повторять набеги на них не менее пяти раз.

В начале 1372 года, собрав войска в Ташкенте, он вновь отправился в Центральную Азию, откуда вернулся летом. На этот раз он напал на монголов неподалеку от населенного пункта, называемого в источниках Танки. Эта операция, как показывает история, не имела принципиального значения, но дала Тамерлану определенную передышку, необходимую для улаживания других дел. Речь шла о походе на Хорезм, чье многогранное влияние сказывалось на всей Восточной Европе, он представлял собой центральный узел европейско-азиатской торговли. Поход Тимура на Хорезм удался и закончился женитьбой его сына Джахангира на прекрасной внучке золотоордынского хана Узбека.

Долго находиться в состоянии мира Тимур не мог. Прошло немного времени, и посреди зимы, в январе-феврале 1375 года, у Тимура возникла идея совершить третий поход на Могулистан. Война с монголами, как всегда не была стремительной, к тому же войска великого эмира понесли большие потери. Неожиданно он принял решение вернуться в Самарканд. Его как будто бы подтолкнуло предчувствие. Тимур, обладавший особым даром предвидения, встревожился после вещего сна, в котором его сын был при смерти. Тимур снялся с лагеря и форсированным маршем прибыл в Самарканд, где действительно нашел Джахангира мертвым. Тимура охватило настоящее отчаяние, как происходило всякий раз, когда страдал или покидал этот мир дорогой для него человек.

По окончанию траура он в пятый раз отправился в поход на Могулистан. Великий эмир, конечно, одержал победу, но относительную, ибо Могулистан завоеван не был и побежденным себя не признал. Но после нескольких карательных акций силы монголов заметно ослабли, они очистили Трансоксиану, оставив

ее правителя в покое на несколько лет.

Все эти кампании заметно увеличили авторитет Тимура. Ситуация теперь складывалась иначе: не монголы нападали, а сама Трансоксиана ходила войной на Могулистан. В Трансоксиане великому эмиру уже практически нечего было делать. За восемь лет государство обрело стабильность, если не считать нескольких локальных смут, с которыми было покончено без особого напряжения сил. Государство Тимура обладало редкой мощью. Единственной оставшейся нерешенной проблемой являлся все тот же Хорезм.

На Востоке говорят, что, если у мужчины нет настоящего друга, значит, его жизнь не удалась. И с этой точки зрения у Тимура в определенный период все сложилось как нужно. В его окружении появился новый человек — Тохтамыш, по прямой линии происходивший от ханов Золотой Орды. Говоря о Тимуре, нельзя не уделить внимание и этому человеку, который действительно был личностью незаурядной, он сразу привлек внимание великого эмира. Тимур встретил его с почестями, приличествовавшими истинному потомку Чингисхана, усердствуя тем более, что надеялся увидеть его во главе Золотой Орды, а также — своим союзником. Тимур надеялся, что, если не удастся сделать из Тохтамыша надежного союзника, то он, в крайнем случае, станет охранником его северо-западных владений.

Итак, гость, пришедший искать убежище в Самарканде, покорил великого эмира, и тот сразу проникся к нему дружескими чувствами и неизменно оставался им верен. Тимур дал своему новому другу войско, а также три укрепленных города, стоявших на берегу Сырдарьи, на ордынской границе. Эта помощь пришлась весьма кстати. Тохтамыш почувствовал себя увереннее. Не прошло и трех лет, как он стал владыкой Кипчакского улуса, сумев вновь объединить удел Джучи — это был блистательный успех. Появление Тохтамыша помогло воспрянуть улусу, пришедшему в упадок за время правления его предшественника Мамая. Русский князь Дмитрий Донской давно игнорировал Мамая, перестав платить ему дань, но он безусловно понимал, что с приходом Тохтамыша обретенная Москвой независимость будет поставлена под вопрос, поэтому Дмитрий Донской не отправился к нему с поздравлениями и по-прежнему не платил дань.

В 1382 году Тохтамыш постановил идти на Москву, и к нему примкнули рязанский и нижегородский князья. Город отбивался, используя все виды вооружения, в том числе арбалеты и пушки, диковинку для кочевников. Только хитростью нападавшие смогли овладеть Москвой (26 августа 1382 года), город был сожжен, а

жители казнены; число убитых некоторые источники определяют в двенадцать тысяч, а другие называют цифру в два раза большую. Так Русь вновь попала в вассальную зависимость от Орды.

А Тимура не покидали мысли о завоевании Хорезма. Шах Юсуф Суфии никогда не упускал возможность напасть на земли Тимура, когда тот отправлялся в поход. На этот раз он предложил Тимуру поединок. Единоборство было делом почетным и благородным, но поединок так и не состоялся. В последний момент Юсуф испугался и, как говорят, предпочел чести жизнь.

Война с Хорезмом затянулась. Решающие события произошли не ранее конца года, скорее всего до декабря, возможно, в ноябре. Некоторые источники сообщают, что будто бы значительная часть населения города была умерщвлена, поскольку на предложение Тимура покориться ответа не последовало. Такое, вероятно, могло иметь место, поскольку в последующем великий эмир бывал неумолим по отношению к тем, кто отказывался сдаться после двух обязательных требований. Но тогда в Хорезме избиение мирного населения стало первым в череде описанных историками.

Тимуру исполнилось сорок пять лет. Аннексией Хорезма завершилось собирание его государства, распростершегося от Кабула до Арала. Вероятно, именно тогда у Тимура возникла мысль о присоединении Ирана. Пазл за пазлом он складывал новую картину мира, в котором ему принадлежала роль верховного главнокомандующего. Поэтому логическим продолжением родившегося у него плана стал курултай — собрание, на котором обсуждались вопросы государственной важности. Тимур следовал традициям, создавая собственный новый порядок.

На курултай был приглашен и правитель Герата: его прибытие дало бы понять, что он, по сути, признавал себя вассалом Тимура, и этого, возможно, было бы достаточно. Но тот не решился прибыть в Самарканд. Уклониться в открытую он не дерзнул и потому стал выдвигать одну за другой причины невозможности приезда. Сам того не осознавая, он дал повод Тимуру начать войну.

Герат представлял собой одну из величайших метрополий мусульманского Востока, и в руки завоевателей попала богатейшая добыча. Вся страна без боя перешла под контроль Чагатаидов. Тимура вдохновлял вкус победы. Именно в этой кампании он проявил невиданную жесткость, чтобы показать, что любая попытка сопротивления заведомо обречена. Жестокость в те времена была привычной, но она никогда не

свидетельствовали в пользу тех, кто ее проявлял. Поэтому все, кто примкнул к Тимуру, почувствовали себя обманутыми. Покоренные народы, за счет которых существуют завоеватели, рано или поздно снова пожелают обрести свободу. Очень скоро становится понятна цена утраченной свободы, и иностранная оккупация быстро превращается в тяжкое бремя даже тем, кому она казалась сначала желанной. Поэтому, пока убитый горем Тамерлан находился в Трансоксиане, где умерла его любимая дочь, тюрко-монгольские эмиры сделали попытку объединиться и стряхнуть с себя чужеземное иго.

Эта попытка была жесточайшим образом подавлена. Страна была обречена на разорение, полное и окончательное. В источниках сказано очень определенно: на земле найдется не много мест, познавших такие опустошения. Тимур же, воспользовавшись тем, что страна как бы застыла в ужасе, спокойно вступил в Кандагар, а потом несколько месяцев отдыхал в Самарканде. Даже он был измотан этим походом. В перерывах между походами великий эмир трудился над усовершенствованием системы управления государством, укреплением армии, а также занимался общественно-полезными делами. Разумеется, не обходилось без того, чтобы не приструнить какое-нибудь взбунтовавшее племя. Когда возникала такая необходимость, Тимур отряжал карателей для его вразумления.

Аппетит растет во время еды. Чем далее, тем становилось очевиднее, что Тамерлан не удовольствуется завоеваниями в странах, соседствовавших с Трансоксианой, и постарается подчинить себе Иран целиком. В начале 1386 года он отправился в новый поход. Луристанские кочевники, не признававшие ничьей власти и не упускавшие случая пограбить, напали на караван паломников, возвращавшихся из Мекки. Это стало формальным поводом для выступления Тамерлана — он якобы хотел наказать преступивших закон гостеприимства. Конечно, предпринять эту кампанию Тимур планировал раньше и совершил бы ее безо всякого предлога, но случившееся сделало поход неизбежным. Когда Тимур подступил к Султании[26], находившийся там Ахмед Джалаирид сбежал.

Желание жить перевесило чувство собственного достоинства. Побег дал повод Тимуру презирать Ахмеда Джалаирида. Великий эмир всегда считал персов людьми, обделенными воинской доблестью, а значит, ничтожными. Тем не менее Ахмед Джалаирид был храбр и упорен; он покровительствовал ученым и поэтам, что, впрочем, не мешало ему оставаться беспринципным, жестоким и подозрительным до безумия: он дошел до того, что

стал подозревать всех без исключения и, заботясь о личной безопасности, велел перебить все свое окружение. После взятия Султании Ахмед поселился в Тебризе, в Азербайджане. Но тут этот величественный город пережил опустошительный набег золотоордынского хана Тохтамыша, которого поддерживал Тимур. Джалаирид снова бежал, теперь — в Багдад.

В начале зимы великий эмир бросил свое войско на Грузию. Это был его первый опыт войны с христианами. Посему он не преминул объявить «священную войну», чем до этого не злоупотреблял. Грузины — народ крепкий, они отличался стойкостью, безумной храбростью и верностью своей религии, которой не утратили, оказавшись в мусульманском окружении. При этом Кавказ в целом для конной армии подходил не больше Эльбруса. К тому же, к этим трудностям нужно добавить время года — зиму. Но великий эмир трудности любил. Он и своих людей приучил к тому, что в их преодолении есть некое пьянящее чувство победы над самими собой, а это — первый шаг на пути к победе над неприятелем.

Грузинская кампания оказалась трудной, долгой, кровопролитной, как и война за Мазандеран. Карс был стерт с лица земли. Тбилиси взят штурмом. Сожженные и разоренные села и устлавшие дороги окоченевшие трупы соотечественников принудили царя Баграта V прикинуться сторонником ислама, чтобы наконец обрести мир и спасти себе жизнь. Решив, что плохой мир лучше войны, он и принял такое решение. Грузинские отряды были включены в состав войск Тимура, одни — силою, другие — убеждениями. Хотя о своей капитуляции Грузия не заявляла никогда.

Казалось, все планы Тимура воплощаются в жизнь. Ничего непредсказуемого: выбранная цель подвергается жесткой, хорошо продуманной атаке. Стратегия зависит от коварства и силы противника и условий ведения боевых действий. После долгих изнурительных походов, как и после коротких, но полных кровопролитием и жестокостью, Тимур любил расслабляться на охоте. Во время одной из них ему сообщили о приближении войск Тохтамыша, многим обязанному Тамерлану. Но, как представителю Золотой Орды, ему ничего не оставалось, как только разделить точку зрения своих двоюродных братьев, а они права Тамерлана на владение Азербайджаном не признавали. К тому же статус великого эмира таил в себе, на взгляд Тохтамыша, некую двусмысленность. Не являясь потомком Чингисхана, сын Тарагая ханом не являлся и правил, по его же собственным словам, лишь от имени Чингизидов, иначе говоря, только прикрываясь монгольской законностью. А Тохтамыш считал, что

только он сам в этот период мог по всей справедливости претендовать на наследство великого завоевателя. Поэтому эмир Тимур по сути представлял собой вассала хана настоящего. В летописях написано, что в Тохтамыше течет кровь Чингисхана, значит, Тимур должен признать его верховенство.

Выступление Тохтамыша окончилось поражением и отступлением войск хана. Его самого и его воинов никто не преследовал. Тимур даже направил хану грамоту, содержавшую весьма сдержанные упреки, скорее ласковые, чем сердитые. Почему? Некоторые исследователи утверждают, что он проявил к Тохтамышу уважение как к Чингизиду. Возможно, но более вероятно, что тогда сын Тарагая уступил чувству приязни, которое у него всегда брало верх над злобою. Он ведь действительно хорошо относился к Тохтамышу. Однако большая дружба грозила перерасти в нечто противоположное. Но возможно и другое объяснение: в тот момент мысли Тимура были уже заняты новыми планами по расширению своих владений.

После грузин настала очередь туркменов. Край надлежало усмирить. Кочевые тюрки, туркмены, разбойничали почти на всех высокогорных плато Азербайджана и Армении. Великий эмир воплотил и эти планы в жизнь и направил свой взор на Персию. В октябре-ноябре 1387 года Тимур пересек границу Музаффаридского царства[27]. С быстротою, поразительной даже для нашего времени, он всего за один переход преодолел все полторы тысячи километров, отделявших его от Исфагана, и между делом захватил Хамадан. Ни осады, ни штурма не было: губернатор Хамадана Музаффар-и-Каши просто вынес ему ключи от города. Градоначальник с помощниками явился к Тамерлану с визитом. Желая произвести на гостей благоприятное впечатление, тот оказал им радушный прием, пригласил к столу и за трапезой договорился с ними о величине оброка. После этого великий эмир торжественно въехал в город и, осмотрев его, покинул, оставив в цитадели свой гарнизон.

Иная судьба постигла Исфаган. Этот город был, что называется, стерт с лица земли, потому что оказал сопротивление. Удовлетворенный, Тамерлан направился в Шираз. Здесь его встречали с распростертыми объятиями. Высокопоставленные чиновники, совершив ритуальное коленопреклонение, целовали край царского ковра. Сделав их своими вассалами, Тимур позволил им и далее владеть собственными землями. Учитывая радушный прием, воины эмира не нанесли городу и жителям никакого урона, никакого насилия не последовало. Лучшие ремесленники получили приглашение поехать в Самарканд, чтобы совершенствоваться в своем

искусстве уже там. Это было приглашение, уклониться от которого они не могли.

Еще находясь в Ширазе, Тимур получил известие о нападении Тохтамыша на Трансоксиану. Видимо, хан принадлежал к той породе людей, которые не отвечают добром на великодушие. Оно их, скорее, оскорбляет. Осознав это, Тимур спешно покинул Шираз.

Тем временем Тохтамыш легко овладел Хорезмом, а Бухара томилась в блокаде. Не дерзнув атаковать Самарканд в лоб, войско хана обогнуло его с юга, и город Карши, расположенный юго-западнее Самарканда, оказался под угрозой. Занести меч над Самаркандом, где билось сердце могущества Тимура, овладеть этим городом значило разрушить творение великого эмира и, став его наследником, совершить важный шаг к воссозданию мировой монгольской империи.

Войско Тимура двигалось с невероятной скоростью. Они преодолевали километр за километром, несмотря на падеж лошадей — те не выдерживали таких нагрузок. Люди тоже мучились, но великий эмир не обращал на это внимания. Он был одержим желанием наказать неблагодарного хана. Тактика, которую использовал Тимур в этом случае, была очень дерзкой, опасной, она, при определенных обстоятельствах, даже могла грозить поражением. Но именно эта внезапность появления войск Тамерлана привела его противника в замешательство, и Тохтамыш, отступая, снова удалился в степь.

А после того как Тимур обезопасил Самарканд, он расправился с изменниками. За добровольную сдачу Золотой Орде мятежный Хорезм заплатил очень дорого. Его главный город, Ургенч, был стерт с лица земли, и на его месте посеяли ячмень. Горожан угнали в Самарканд, где, приравняв к рабам, поставили на самые тяжелые работы. Именно в ходе этой кампании умер хан-марионетка Чагатаидов и на освободившийся трон немедленно сел его сын.

Итак, знамя великого эмира вновь взвилось над Самаркандом. Набег Тохтамыша показался коротким неприятным приключением. Мирная жизнь продолжалась. Но передышка оказалась недолгой. Уже следующей зимой, которая была крайне суровой, Тохтамыш стал серьезно готовиться к войне с Тимуром. Однако невиданные снегопады затруднили передвижение его войск. Остались лишь горные тропы, двигаться по которым можно было с невероятным трудом — лошади и без всадников проваливались по грудь в снег.

В 1391 году наступила решающая стадия борьбы между Тохтамышем и Тимуром. Тимур сам выступил навстречу войскам

хана, о продвижении которых ему докладывали гонцы. И хотя войско он собрал небольшое, но решил, что откладывать поход не стоит. Тохтамышева рать была заметно многочисленнее, но недостаточно сплоченной. Опрокинув вражеский авангард, Тимур направил удар на центр золотоордынской армии. Но двигался он медленно и, если бы не помощь его сына Умар-шейха, то не смог бы победить упрямого противника. Всадники Умар-шейха ударили тюрко-монголов с тыла и вызвали в их рядах панику, которая вскоре перешла в полное беспорядочное отступление. Войска Тохтамыша и его союзников спешно перешли Сырдарью и рассеялись в степных просторах. Их бегство озадачило Тимура. Это могла быть обычная уловка для того, чтобы увлечь врага за собой, измотать и заставить сделать жесткий выбор: погибнуть или вернуться обратно. Но Тамерлан теперь не желал прощать неблагодарного бывшего друга. Только его смерть могла успокоить великого эмира.

Тимур женил своего сына Шейх-мирзу и после этого объявил о новом походе, стратегия которого была продумана заранее. Тамерлан отправился в Ташкент, где должны были собраться все его войска — там загодя были сделаны запасы хлеба и фуража. Снявшись с лагеря в начале зимы, великий эмир рассчитывал перейти Голодную степь, чтобы весной оказаться в крае менее диком, где мартовское солнце превращает степи в цветник. Но его первоначальные планы нарушила болезнь, ставшая результатом ранения в Систане, и полтора месяца Тимуру пришлось пролежать. Выздоровев, он тут же отправился в путь, возглавив полностью подготовленное войско. Не один месяц ушел на то, чтобы обнаружить Тохтамыша, поэтому войско великого эмира было истощено долгим походом. Тимур уже находился в Сибири, под Тоболом. Надо было решать — подниматься ли дальше по реке или же пойти к Уралу. Тимур приказал удвоить усилия разведки, и случай ему улыбнулся: лазутчики напали на след недавно прошедшего немногочисленного отряда — требовалось ускорить движение.

Пойманных пленников пытали, в результате удалось узнать, что Тохтамыш находится ближе, чем думали — западнее Урала. Сын Тимура получил задание как можно быстрее обнаружить противника, и это ему удалось. К начавшемуся сражению присоединился Тимур. Трое суток шла беспощадная битва, исходом которой стало бегство Тохтамыша. Великий эмир одержал победу. Золотоордынские земли он распределил между своими подданными. Более трех недель длился пир, после чего Тамерлан вернулся в Самарканд. Меньше чем за год он совершил поразительные деяния, однако, насколько они были оправданы?..

Через четыре года после иранской кампании Тимур решил туда вернуться. То, что там происходило, вновь требовало участия великого эмира — непокорных он привык наказывать. В конце июля 1392 года, наскоро собрав войска, он поднял новое знамя с серебряным драконом. Но, едва прибыв на место, Тимур заболел, как это было в Ташкенте перед походом на Тохтамыша. Эмир мучился ужасно, и все думали, что он вот-вот умрет. Читали молитвы, раздавали милостыню. К ложу Тамерлана были созваны его жены. Прибыл назначенный наследником внук Мухаммед-Султан.

Болезнь отступила не сразу, заставив всех поверить в то, что истекают последние дни великого эмира. Тимур провел в постели ровно месяц, по истечении которого покинул шатер, чтобы сделать несколько шагов по ставке. Через три недели он уже нашел в себе силы для того, чтобы сесть на коня и возглавить рать. Поход занял не один месяц, растянувшись до зимы, поэтому было принято единственно верное решение для этого времени года: войско разбило лагеря на захваченных землях.

Весной Тимур продолжил захватывать города, решив проучить Музаффаридов. Приведя подданных в состояние полной боевой готовности, сделав ставку на свою отвагу, шах Мансур бросился навстречу судьбе, дав сражение в мае под стенами своего главного города, Шираза. Увидев великого эмира в толпе телохранителей, он устремился к нему, пробившись, дважды скрестил с ним саблю. Будь шах Мансур удачливее, победа была бы за ним. Выбей он Тимура из седла, дело бы решилось в его пользу. Но удары цели не достигали — шлем был прочным, и Тимур с коня не упал. Воины поспешили ему на выручку и спасли эмира. Погиб шах Мансур. Тимур с триумфом вошел в Шираз. Здесь его воины пировали и наслаждались победой. А в июне, оставив вместо себя своего старшего сына Умар-шейха в Фарсе, Тамерлан покинул Шираз, чтобы двинуться на другие иранские города — Исфаган и Хамадан.

Внезапно к Тимуру прибыл гонец из Багдада. В письме правитель города рассыпался в комплиментах и уверял, что готов лично, глядя в глаза, выразить эмиру свое почтение. Это было лживое послание. Возглавляемый Тамерланом авангард выступил в путь. Великий эмир сделал ставку на внезапность, но на этот раз прием не сработал. Правитель Багдада Ахмед-Джалаирид предусмотрительно расставил дозоры и спешно переправился на правый берег Тигра. Ему удалось скрыться. Правда, в Кербельской долине он едва не попал в руки сына Тимура Миран-шаха, которого послали ему вдогонку, но, бросив все свои богатства, а также сыновей и жен, бывший правитель Багдада спасся. Он

поспешил в Египет, надеясь на гостеприимство мамлюков[28].

Тамерлан действовал очень быстро: 29 августа он уже стоял перед Багдадом. Полный сил и энергии, как если бы ему было двадцать лет, великий эмир двигался днем и ночью. Едва подойдя к городу, войска начали бесчинствовать. Лучшие люди города поспешили к Тимуру, чтобы попросить его остановить своих воинов, и тут же обговорили с ним размер дани. В город Тимур вошел, не встречая сопротивления. Багдадские художники, ученые были отправлены в Самарканд!

Через два месяца Тимур решил покинуть Багдад, оставив управлять им человека преданного, хорошего администратора. Сам же очень быстро взял крепость Такрит. Весь 1394 год был посвящен захвату городов и всевозможных укреплений, преодолению недоступных высот и перевалов. Эти операции были довольно рискованными. Так, Умар-шейх, сын великого эмира, в феврале погиб от вражеской стрелы под стенами осажденной крепости. Тамерлан тяжело переживал его смерть. И все-таки он двигался дальше и напал на Мардин.

Город решил сопротивляться, и, чтобы им овладеть, пришлось повоевать. Мардин, казалось, был обречен, как вдруг 22 марта Тимуру пришло сообщение о рождении сына у Шахруха. Родился тот, кто впоследствии стал в Самарканде принцем-астрономом, великим Улугбеком. На радостях великий эмир простил мардинцев и даже велел отдать им все, что было отобрано, продемонстрировав, что любовь к семье у него сильнее всех других чувств… А вскоре у Тамерлана появился второй внук, что тоже было встречено с неимоверной радостью. Снова пир, веселье.

И тут возвратился Тохтамыш. Ханы Золотой Орды давно между собой перессорились, поэтому Тохтамышу было не просто вступить во владение своим царством. Он мечтал о реванше, но на этот раз речь шла не о Трансоксиане, безраздельно преданной своему государю, а стране, Тимура не любившей. В свое время жертвой его ярости стал Азербайджан. Увы, Тохтамышу и на этот раз не суждено было победить того, кто уже не раз доказывал ему свою силу. Возможно, битва была проиграна из-за его неуверенности в том, что вообще можно одержать победу над противником, явно оберегаемым небесами. Уже ни на что не рассчитывая, Тохтамыш поспешно бежал. Тимур, во главе своих лучших всадников, пустился за ним в погоню. Однако тому удалось скрыться где-то в северных лесах.

Тамерлан возблагодарил небеса за эту победу, хотя противника он все-таки упустил. Не стоит забывать, что Тимуру исполнилось уже шестьдесят. С покалеченными рукой и ногой он

в продолжение полугода — шаг за шагом — преодолел тысячи километров. Он шел во главе войска, не выказывая никаких признаков усталости. Никаких поблажек, не давая себе ни дня отдыха в полном смысле этого слова, а по возвращении в Самарканд оказался столь бодр и свеж, что очень скоро возобновил военные действия.

Это была очередная демонстрация силы и жестокости, поскольку во время нее по велению эмира, как утверждают некоторые источники, возводились пограничные столбы из человеческих останков и костей. Выбор каждого — верить в это безоговорочно или подвергать сомнению. Правда заключается в том, что в Тане (крупной итальянской колонии) великий эмир обрушил свою мощь на христиан: одних уничтожил, других обратил в рабство, не преминув разграбить церкви и монастыри. Оттуда он ушел на Кубань, где разорил все, что мог, несмотря на знаменитую храбрость черкесов. Потом в очередной раз опустошил Грузию. Из своего бесконечного странствия Тимур вернулся с несметной добычей, которой с ним «поделились» крупные торговые города Золотой Орды.

Итак, в 1396 году Тамерлан вернулся в Самарканд. Город встретил его так, как до сих пор не встречал никогда.

Великий эмир становился все более эмоционально уязвимым, сентиментальным. Теперь он говорил, что стремится к миру, желает посвятить себя укреплению благосостояния и счастья своих народов. Он провел в своей столице два года. Можно было сказать, что он достиг такого возраста, когда хотят только одного — покоя.

Очевидно, в это время Тимур не думал о новом военном походе, но на всякий случай занимался сбором информации. У него не было никаких оснований тревожиться за судьбу своей державы. Эмир опустошил Индию, север тоже был под надежным контролем. Правда, у него отобрали на западе земли, расположенные по берегам реки Тигр, однако с этой стороны не было силы, которая дерзнула бы вторгнуться во внутренние районы его державы. Им были пройдены десятки тысяч километров, он захватил множество земель и покрыл себя славой. Однако по большому счету он не добился ничего. Создать настоящую империю Тамерлан так и не смог — то, что построил Тимур, не являлось империей, соизмеримой с теми, что были ему известны из истории. Хотя это была действительно обширная держава, западной границей которой были земли Ирана. Но его власть не была признана по-настоящему законной — он не решился провозгласить себя ханом. Умри он сейчас, какая сохранилась бы о нем память? Ведь ни одна из тогдашних

великих держав, за исключением Золотой Орды, своего оружия с ним не скрестила — ни Китай, ни мусульманская империя с центром в Дели, ни мамлюкский Египет, ни Сирия, прославившаяся на весь исламский мир, ни османская Турция, которая под водительством непобедимого султана Баязида Молниеносного на Балканах покрыла себя славой, затмившей славу Чагатаидов. Только с Тохтамышем, который был ему равным противником, он сражался и одержал победу. Вероятно, можно сказать, что два десятка завоевателей Азии имели больше оснований, нежели он, для того, чтобы остаться в памяти людей.

Но то, что Тамерлан делал на протяжении всей своей жизни, как нельзя лучше соответствует девизу: «План, который воплощается, несмотря ни на что…» А две последние кампании сделали авторитет эмира безграничным, но при этом стали настоящим ужасом для покоренных народов. Итак, взор Тимура был направлен на Индию. В очередной раз его целью стала не подлинно великая держава, а только ее тень. Однако, несмотря на это, тень производила впечатление грозной силы. Говоря современным языком, делийский султанат существовал благодаря ренте с былого авторитета. Еще один источник могущества — накопленные индийскими правителями несметные богатства, которым, быть может, не было равных во всем мире.

Объявив о своих планах по захвату Делийского султаната, эмир неожиданно для самого себя, не получил поддержки воинов и элиты. Это пассивное сопротивление выводило Тамерлана из себя, но он делал вид, что ничего не происходит, и отдавал приказы так, как будто бы они вызывали у всех радость и удовлетворение. Воины повиновались, так как были к этому приучены, но их сердца к этой затее явно не лежали. Это стало очевидно после прибытия в Кафиристан[29].

Кажется невероятным, что человек в летах вторгся в страну, почти неприступную в период таяния снега, и совершил это без видимых на то причин. Как-то на пути воинам великого эмира встретилась крепость, возведенная на горном пике. Была снежная буря, и овладеть цитаделью было явно невозможно. Тамерлан захлебывался от гнева: почему не удается взять ее? Он обрушил свое негодование на полководцев, которые смиренно слушали его. Но, вот загадка, гнев схлынул, и Тимур сел играть в шахматы, как если бы находился у себя в самаркандском дворце. Но оставить осаду крепости, проявившей такое отчаянное сопротивление, эмир не мог. Его воины тоже предпочли штурм смерти от холода, голода и безделья. Поэтому защитникам цитадели была устроена настоящая кровавая баня. Лишь после этого Тамерлан велел отправляться дальше.

Затем был Кабул, Толомба, Мултан, Пенджаб, воины устали, все лошади погибли. Но Тамерлан был настроен захватить Дели, от которого его теперь отделяла лишь мощная Бхатнирская крепость. Ее обороняло крупное, как утверждают не без преувеличения некоторые, стотысячное войско раджпутов, истинных воинов. Проводя оценку расположения позиций противника, Тимур слишком близко подъехал и был ранен в плечо отравленной стрелой. Несмотря на это, разведку он продолжил, но внезапно почувствовал тяжесть во всем теле. Великого эмира привезли в шатер, где ему было дано противоядие. Минуло всего несколько часов, а он уже сидел в седле, ведя своих ратников в бой.

Сопротивление противника вызывало уважение великого эмира, однако он не преминул проявить всю свою жестокость, стерев с лица земли эту самую цитадель. Несколько дней спустя Тимур беспрепятственно достиг ворот Дели. По просьбе мусульманских влиятельных лиц он Дели пощадил, но обложил огромной данью. Однако воины эмира вели себя жестоко. Население попыталось защищаться, но от этого бесчинства только усугублялись — дело дошло и до убийств. Горожане с надеждой на спасение и прекращение бесчинств хотели обратиться к Тимуру, но он был пьян от победы в прямом смысле — праздновал взятие города. Тем не менее, придя в себя, он попытался, как обычно, спасти священников, ученых и художников. Он был недоволен разгромом, учиненным его воинами, и пытался обелить себя. Тимур заявил, что не хотел этого.

Проведя полмесяца в Дели, великий эмир устремился к Гангу и добрался до него, не встретив на пути никаких войск, а лишь многочисленное население, которое можно было облагать оброком, убивать и обращать в рабство. Это была уже не война, а обыкновенная бойня. Трансоксианцы шли, сметая на своем пути города, уничтожая население — это делалось уже по привычке. А вернувшись в Самарканд, Тимур снова предался торжествам по случаю победы, которая досталась ему, как он считал, по велению небес.

Но появились неотложные задачи. Положение в Западном Иране ухудшилось, а наместник Тимура, принц Миран-шах, не только не попытался его исправить, но даже усугубил. Эмир узнал об этом от своей невестки, которая сообщила, что в поведении ее супруга появились, мягко говоря, странности. Он отдавал невообразимо глупые приказы, периодически уходил в запой. При этом он совершенно не занимался государственными делами. Его состояние не укрылось от окружения. Бесцельный

произвол стал причиной нескольких восстаний, но, узнав о них, он лишь пожимал плечами. Обо всем этом и рассказала тестю Хан-заде. Она всегда умела произвести впечатление на Тимура, на этот раз тоже была убедительна.

Тамерлан нашел ситуацию опасной. Она требовала немедленной реакции. Летом 1399 года великий эмир, невзирая на жестокие страдания, доставлявшиеся ему язвами, открывшимися в ходе Индийской кампании, возглавил армию. Он выступил из Самарканда, взяв с собой Халиля, сына Миран-шаха и Хан-заде. Как покажет будущее, внук впоследствии также оказался человеком весьма неуравновешенным. Что касается Хан-заде, то она осталась в Самарканде. Здесь ей был оказан достойный прием.

Когда Великий эмир вступил в Тебриз, его сын предстал перед ним с веревкой на шее. Окружение принца вело себя настороженно, понимая, что расследование Тимура ничем хорошим для них не закончится. Так и случилось. Эмир выяснил, что состоянием его сына пользовались все, кому ни лень. Наперсники Миран-шаха, и те, что своекорыстно использовали его безумие, и те, которые ничего не сделали для того, чтобы удержать его в рамках дозволенного, были приговорены к смертной казни и преданы смерти. Принц остался жив только потому, что отец убедился в его безумии: сумасшедшие, согласно исламу, пользуются репутацией в некотором роде святых, и этот несчастный не мог в полной мере отвечать за свои дела.

Теперь оставалось восполнить потери, заново отстроить разрушенное, возвратить имущество тем, кто был его лишен, восстановить законность и правосудие и наконец — и прежде всего — покарать смутьянов. Кроме того, предстояло удостовериться в том, что Баязид — правитель Османской империи — придерживается определенных зон влияния. Тимур всегда был верен слову, и если обещал свою защиту и покровительство, то придерживался обещания. Поэтому, разобравшись с претензиями сюзерена к Баязиду, переключился на очередную задачу. Ставить их перед собой великий эмир умел. На этот раз его войско выступило против Грузии. Оно без сопротивления дошло до Тбилиси.

Теперь надо было что-то делать с османами. Тем более, что Тамерлан получил подтверждение тому, кем считает его Баязид. Судя по лишенным вежливости словам, великого эмира унизительно называли «хромым бедолагой», который вмешивается не в свои дела, и добавили, что негоже великому Баязиду Молниеносному принимать вызов от такой немощи. Он готов сам выступить на него с походом, чтобы показать: на этот

раз Тимуру придется иметь дело не с диким племенем, так что победы ему ждать не стоит.

Тамерлан это воспринял как объявление войны. Он собрал войско и устремился на Анатолию. Так возник конфликт между двумя великими тюркскими державами, между двумя полководцами, дотоле знавшими лишь победы и считавшимися непобедимыми.

Первый город, который попал под горячую руку великого эмира, — Сивас. В некоторых источниках сказано, что верный обещанию не трогать мусульман, Тимур отвел душу на христианах. Четыре тысячи сипахов-армян, выданных ему, по его приказу были заживо зарыты в землю по десять человек, в положении, напоминающем зародыш. Не щадили ни женщин, ни детей.

Узнав о произошедшем, Баязид был готов незамедлительно выступить против войска Тамерлана, но тот был вынужден свернуть кампанию и направиться на Сирию. Этому решению вновь воспротивилась вся знать и воины, уставшие от изнурительного Индийского похода. Но великий эмир напомнил им, что все зависит от воли Аллаха, в руки которого они должны отдать свои жизни. И победы, одержанные на поле брани — тоже лишь воля Аллаха, но удача еще ни разу не подводила того, кто вверил свою судьбу единственному истинному Богу на земле.

Войдя в Сирию, Тамерлан в первом же бою смел сирийско-египетские полки. Дамаск хотел сдаться без боя, позволив войску эмира беспрепятственно войти в город. Но в этот момент вдруг сам мамлюкский султан явился во главе отменно оснащенного войска, и тогда город решил отбиваться. Говорят, в решении важных вопросов — первая мысль от Бога. То, что Дамаск изменил свое решение, дорого обошлось его жителям и защитникам.

Тамерлану быстро становились известны все уловки и планы, которые противник собирался применить против него. Например, он узнал, что его хотят убить — обезглавить войско. Эмир хотел выманить султана, чтобы сразиться с ним на открытой местности, не входя в город. Но тот это предложение отверг. Более того, он осыпал почестями перебежчика от Тимура, открыто устроив в его честь фейерверк. Тимур решил сняться с лагеря для перегруппировки своего войска. Может, это была маленькая хитрость, которая и сработала, но мамлюкам показалось, что пришло время напасть на войска Тимура.

Военная хитрость сработала. Тамерлан действовал с привычной для него быстротой, что стало для сирийско-египетской армии подлинной трагедией. На поле брани осталось

лежать множество убитых. Брошенный Дамаск направил к Тимуру делегацию, состоявшую из цвета интеллектуальной элиты, с предложением капитуляции. Город был обложен данью. Не сдавалась лишь одна крепость, на взятие которой потребовалось более сорока дней. За это время Тимур успел заболеть, снова испугав своих приближенных, но каким-то невероятным образом ему удалось встать на ноги. Но на этот раз он находился в мрачном расположении духа. Свое настроение эмир решил выместить на жителях Дамаска. Город был отдан на разграбление, а потом сожжен. Вероятно, Тимуру было непросто сдерживать войско, разъяренное столь долгим и упорным штурмом надоевшей своим упорством крепости. После разграбления еще одного сирийского города, Хамы, великий эмир покинул страну и больше не думал о ней. Естественно, после его ухода мамлюки тут же снова утвердились на этих землях. Сирийский поход продолжался почти шесть месяцев, и хочется понять, почему Баязид так и не воспользовался этим временем, чтобы напасть на великого эмира с тыла?

Покончив с Сирией, тимур лично направился к столице Ирака. Врата не отворились. Это государство Тимур уже привык считать своим, ведь он его уже однажды завоевал. Но Ирак к тому времени возвратил свою независимость и вел себя враждебно. Эмиром такое поведение было расценено, как предательство, а оно подлежало наказанию. Состоялся штурм, несмотря на изнуряющую жару, к которой воины Тимура не привыкли. Теперь город был разрушен и разграблен, чего ему удалось миновать пять лет назад.

Тамерлан оставил практически уничтоженный Багдад, сохранились лишь некоторые религиозные памятники. Эмир не оставил даже наместника — нечем и некем было руководить. А сам Тимур отправился в Нахичевань — здесь в прохладе он и его войско собирались немного отдохнуть.

Но отдохнуть не удалось. На этот раз вызов великому эмиру бросил Баязид. Тимур серьезно подготовился к битве. Она стала одной из самых грандиозных из всех известных истории. Рубились отчаянно!

Зная о том, что у Тимура войск в 2 раза больше (считается, что армия великого эмира к этому моменту насчитывала около 140 тысяч человек, к тому же в основном состояла из тяжелой конницы, которой были приданы отряды пехоты и особые части, специализировавшиеся на боевых операциях в горных условиях), Баязид, опасаясь открытого сражения, расположил свои войска в горно-лесистой местности севернее города Ангоры (современная Анкара). Но как всегда, великий эмир сумел заставить врага

принять бой.

В какой-то момент стало очевидно, что Баязида ждет поражение. Он сражался до наступления ночи. Когда кончились последние силы и надежды, и он, наконец, решил бежать, обнаружилось, что средств для этого у него нет. Осталось всего триста верных ему людей, которые демонстрировали чудеса верности своему полководцу. С саблей в руках и воодушевляемый поразительным мужеством воинов, Баязид сумел пробиться сквозь вражеские ряды и во весь опор погнал коня прочь с поля битвы. Однако его настигли и привели к Тамерлану.

Некоторые источники описывают унижения, которым подверг своего пленника Тимур. Однако более правдоподобной и соответствующей его натуре кажется версия об учтивом приеме захваченного в плен врага. Пленника поместили в палатку, охраняемую эмирами.

Тимур полюбил Баязида за то же, за что любил и Тохтамыша: за талант, уступивший только его непобедимости. Возможно, щедрый и уважительный к настоящим противникам, эмир мог восстановить Баязида в его правах, но этому не суждено было сбыться. Утративший все, Баязид умер в Акшехире в марте 1403 года. Тогда Тамерлан продемонстрировал настоящее величие души: он велел доставить тело несчастного в азиатскую столицу его царства, в Брусу, и похоронить как османского султана.

После победы в Ангорской битве вся Малая Азия была захвачена войсками Тимура. В этом походе великий полководец проявил свойственную ему хитрость, дальновидность и доказал в очередной раз свою непобедимость. Поражение Баязида практически привело к распаду Османской империи. Европа с восторгом встретила падение османов. С одержанной победой Тимура поздравили короли Англии, Франции и Кастилии. Считается также, что именно это поражение Османской империи продлило еще на 50 лет существование Византии.

Череда побед, доставшихся путем жестокости и мудрости, коварства и щедрости доказала полководческий гений великого эмира, но настали времена, наполненные не только сладостью побед. Смерть Баязида не оставила Тимура равнодушным. Она произвела на него сильное впечатление. Но для огорчения вскоре появился следующий повод. Тимур вступал в период трауров. Едва умер Баязид, как скончался Махмуд-хан. Это был второй хан-Чингизид, посаженный Тимуром на трон, и у эмира уже не было ни желания, ни мужества заменить кем-нибудь этого верного товарища по оружию. Но самое страшное ждало Тимура впереди. Через несколько дней после этих двух смертей Мухаммед-Султан, сын Джахангира, любимый внук Тимура, тот,

кого он назначил наследником, умер за считанные часы. Ему было девятнадцать лет. И спасти его от внезапной болезни не смогли ни молитвы, ни лекарства.

Все эти события настолько повлияли на Тамерлана, что, пожалуй, впервые в жизни он позволил своему отчаянию взять верх над здравым рассудком. Несколько дней он стонал, кричал, плакал, рвал на себе волосы, а то вдруг впадал в молчаливую меланхолию и сидел, уставившись в одну точку невидящим взглядом. Но кризис миновал, и эмир продолжил поход. Однако его окружение отмечало, что после этого он уже никогда не был таким, каким его знали прежде. Боль, испытанная Тимуром, потрясла все его царство.

Отчаяние сменилось безразличием, а оно, в свою очередь, — жаждой разрушений. В Грузии Тимуром овладела разрушительная ярость. Он обрушил ее на церкви и монастыри. То была месть тамошнему государю за то, что тот, не ответив на его призыв, не прибыл к нему в Анатолию. Правда, военачальникам удалось успокоить эмира. В какой-то момент он даже высказал сожаление о содеянном, но есть поступки, которые навсегда остаются на скрижалях истории.

Действительно ли изменился Тимур из-за всех этих смертей, которые его потрясли и предвосхитили его собственную? Теперь он еще усерднее молился, исполнял все предписания ислама и выказывал примерную набожность. Он собрал вокруг себя знатоков ислама, ученых, дервишей и обсуждал с ними вопросы веры. Противоречить ему не смели, ему льстили, но это не спасало от его гнева тех, кто стремился ему угодить.

Весной 1404 года Тамерлан решил возвратиться домой. На обратном пути его поведение продемонстрировало всем, как сильно изменился великий эмир. В нем словно жило два человека: один набожный и жалостливый, другой — не знавший пощады. В Самарканд возвращался тот, кто оставлял за собой следы невероятной жестокости и безжалостности: смутьяны и нечистые на руку чиновники умерщвлялись в огромных количествах. То было его девятнадцатое победоносное возвращение в столицу.

За все в этой жизни приходится платить. Кто-то получает наказание, кто-то награду. Тамерлану пришлось пережить не одно сражение, и во всех он одержал победу. Только в одном — со старостью и немощью — он оказался побежденным. Состояние его здоровья резко ухудшилось. В течение последних шести лет он не демонстрировал своей феноменальной физической силы. Был ли Тамерлан серьезно болен? Возможно. С ним уже случались опасные приступы, и предполагать, что дни его

сочтены, было позволительно. Теперь в седле Тамерлан мог оказаться только при помощи слуг. Они выносили его из шатра и усаживали в седло. Великому воителю исполнилось шестьдесят восемь лет, но выглядел он намного старше. В то же время есть свидетельства, что Тимур принимал активное участие в пирах по случаю свадеб его внуков: ел и пил больше остальных. Недосыпание, чрезмерное потребление мяса и спиртного этим обычно воздержанным человеком и, возможно, увлечение женщинами еще больше подорвали его телесное здоровье. Но рассудок его не покидал.

Как бы то ни было, воин остается воином до конца своих дней. Превозмогая немочь, забывая о ней, Тамерлан упивался своей последней мечтой. На ее осуществление он собирался потратить последние силы. Она стоила того, потому что речь шла о завоевании Китая. Великие ханы, законные владетели всех монгольских улусов, даже когда их предводители вели себя как независимые государи, еще при Хубилае поселились в Пекине и заняли свое место в ряду китайских династий. Поэтому можно сказать, что в какой-то степени Китай теоретически властвовал над Ильханами, Золотой Ордой и Чагатаидами.

Само собой разумеется, что с таким положением вещей Тимур мирился скрепя сердце. Как сообщают исторические источники, он вел себя как примерный вассал: отчитывался о своих поступках и завоеваниях точно так же, как Чагатаиды, Джучиды и Ильханы. Почему он вел себя именно так? Вероятнее всего, причины тому были сугубо экономические. Известно, что он очень интересовался вопросами международной торговли, и обмен товарами с Китаем являлся для него фактором наиважнейшим.

Самолюбие, страдавшее при отправке очередной дани, почти мистическая тяга к Китаю, желание овладеть всем наследством Чингизидов — таковы причины, по которым Тимур задумал очередную кампанию. Но нужно было придать этим планам приличествующий вид. Великий эмир уверял, что подошел к такому возрасту, когда уже думают лишь о прощении за совершенные ошибки. А какое лучшее средство для его обретения, как ни «священная война» с «неверными». Это был единственный случай, когда он не искал «неверных» там, где их нет.

Подготовка к войне была очень серьезной, были продуманы все мелочи. Великий эмир предусмотрел специальную экипировку, которая позволяла ратникам благополучно пересекать огромные пустынные и заснеженные пространства. Он не хотел предоставить случайности ни малейшего шанса, не

желая вновь испытывать страдания, которым подвергся, преследуя Тохтамыша. Еще никогда он не был подготовлен так хорошо! Он должен был добиться успеха как всегда, но…

Тимур выступил в поход в самый разгар зимы. Внезапность — на нее тоже делался расчет. Но быть до конца уверенным в том, что до Китая не дошли слухи о приготовлениях в Трансоксиане было нельзя. Великий эмир намеревался пройти Центральную Азию за три месяца, чтобы нанести по Китаю внезапный удар. Его войска шли, оставляя за собой реки крови. Такая неоправданная жестокость не могла остаться безнаказанной. Небо порой перестает помогать даже самым сильным. Тимур сделал остановку в Отраре[30], покинуть который ему суждено не было. Великий эмир заболел.

Уже в самом начале похода произошли события, которые были предвестниками скорой кончины Тамерлана. Звездочеты, мнением которых он никогда не пренебрегал, заявили, что расположение планет неблагоприятно. Это вызвало у Тимура некоторое беспокойство. Но ненадолго, ведь его астрологи интересовали только тогда, когда они предсказывали удачу. Он страдал, но болезнь переносил стойко, даже готовился к пиру, на котором хотел попрощаться с принцессами и юными принцами его дома, сопровождавшими его до Отрара, которым надлежало возвратиться в Самарканд. Эмир не собирался отказываться от своих планов. Просто был вынужден сделать короткую остановку — нужно было расчистить заметенные снегом дороги.

Но пира Тамерлан не выдержал. Он слег от сильнейшей лихорадки. Настоящий воин, он боролся со смертью так энергично, как это делал в продолжение всей жизни. Тимур хотел победить единственного врага, который однажды должен был взять над ним верх. Он усердно сражался целую неделю, но в конце концов капитулировал. Во всем лагере читали молитвы. Внезапно Тимур издал ужасный хрип и произнес: «Нет Бога, кроме Аллаха» — и с этими словами испустил дух.

Его тело забальзамировали, положили в гроб из черного дерева, обитый серебряной парчой, и отвезли в Самарканд. Он был помещен в саркофаг, который потом накрыли цельным куском зеленого нефрита, и оставлен в великолепном памятнике, именуемом Гур-Эмир (Гробница эмира), в ту пору еще не завершенном, где позже к нему присоединятся его сыновья, Миран-шах и Шахрух, его внук Улугбек, а также горячо любимый Мухаммед Султан. Странно, но Тимур не занимает в мавзолее самого почетного места. Оно досталось его духовному учителю Сеиду Береке, старцу, умершему на Кавказе, куда он прибыл к Тимуру, чтобы попытаться утешить, а утешив, сам неожиданно

скончался. Тамерлан попросил, чтобы его положили у ног этого человека, дабы тот заступился за него на Страшном суде.

Так окончилась эпопея мужества, ужаса, удач — тридцать пять лет царствования великого эмира. Он не позволял слабостей себе и никому другому. Его требования сейчас кажутся бесчеловечными, тогда как он просто выказывал удивительное знание человеческой натуры. Он много требовал, потому что прекрасно понимал: людям приятно, когда от них ждут больше того, на что они способны. Превзойти других, превзойти самого себя — вот требование, которое он предъявлял и самому себе, и другим, но не ставил перед собой недостижимых целей. Этот человек, у которого, казалось, отсутствовало чувство меры и в котором иные видели ясновидца или полубезумного, на самом деле обладал холодной головой и умел оценить любой степени риск и взвесить все шансы, оставляя случайности самое незначительное место. Когда он бросал вызов невозможному, он уже знал, что это невозможное возможно. Пожалуй, это и было девизом всей его жизни.

Уверенно можно говорить лишь об одном: ему хотелось достичь высшей власти любыми способами. Для этого было два пути: путь мира и путь войны. Власть была ему нужна, чтобы властвовать, а не для наслаждения почестями. Они его практически не интересовали, равно как и блага, которыми пользоваться он умел, но обращался с которыми так расточительно. Он, несомненно, испытал глубокое удовлетворение, когда обрел власть. И в этом смысле жизнь его удалась. Умевший добиться успеха во всяком деле, взять верх над любым соперником, не проигравший ни одного сражения, не захмелеть от своего успеха он не мог. Но, тем не менее, даже с Всевышним у него были свои счеты: он был уверен, что в его успехе больше заслуг Всевышнего, нежели его собственных.

Сделала ли власть счастливым этого человека? Вероятно, да. С его характером могло ли быть иначе? Но то, что он прожил жизнь непростую, полную противоречивых поступков, бесспорно, как бесспорно и то, что его след в истории не исчезнет.

Проклятие могилы Тамерлана

Тамерлан — это имя всегда вызывает у людей противоречивее эмоции. Одни говорят о нем, как о великом полководце, другие — как о жестоком тиране. Мало найдется в истории людей, которых так ненавидели и так любили, как Тимура. Взять хотя бы двух авторов хроник, живших при самаркандском дворе, которые рисуют его абсолютно по-разному. Арабский писатель и историк Ибн-Арабшах называет его безжалостным убийцей, исчадием ада, демоном. А историк и поэт эпохи тимуридов Шарафуддин Али Йезди уверяет, что он был великодушным, справедливым, учтивым, решительным и внимательным. Великий эмир, который, безусловно, хотел войти в историю, не вписывается ни в какие рамки, оставаясь единственным в своем роде.

Очевидно, что этот завоеватель, что бы о нем не говорили мусульманские историки, был в первую очередь не ревностным мусульманином, а человеком, следующим собственным убеждениям. О его подлинном отношении к религии мы не можем судить. И пусть столько раз говорилось, что он был мусульманином, вдохновленным стремлением к прославлению ислама, необходимо внимательно отнестись к некоторым фактам из его жизни. Так, он не принял мусульманского имени, не носил тюрбан, старался установить дружеские отношения с христианскими правителями Европы.

Что значило для него исполнение мусульманских предписаний? Он строил мечети по своему вкусу, но делал ли он это из глубоких внутренних побуждений или потому, что его войско состояло в большинстве своем из мусульман? О себе же он писал лишь: «Я, Тимур, слуга Аллаха».

Один из величайших мировых завоевателей, сыгравший заметную роль в истории Средней Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси, он, как мы помним, происходил из незнатной семьи, да еще и имел физический недостаток — хромал на левую ногу, за что и получил прозвище Тимур-ленг — Тамерлан. И этот Великий Хромой вошел в историю как выдающийся полководец и основатель громадной империи и династии Тимуридов. Тамерлан покорил Иран, Месопотамию, Армению и Грузию, Сирию и Индию. Нам известно, что у завоевателя были планы покорить и Китай, однако в феврале 1405 года Тимур скончался. По завещанию империя была разделена между его внуками и сыновьями.

Тамерлан воздвиг себе трон, но всю жизнь провел в седле. А

когда болезнь все-таки оказалась сильнее, великий эмир ушел в вечность. Причем ушел сопротивляясь, словно до последнего хотел доказать всем и самому себе, что и эту борьбу можно выиграть. Но, уходя, он не мог не оставить о себе последнее воспоминание, последнее повеление, нарушение которого грозило человечеству страшным наказанием. Это пророчество, которое он оставил потомкам, вероятно, до сих пор витает над его последним пристанищем — его могилой. Оно всегда вызывало священный ужас и возвращало в далекие времена правления великого эмира. По преданию, на мавзолей было наложено заклятие, которое гласит: тот, кто посмеет вскрыть могилу Тимура, выпустит на свободу дух войны и развяжет большую войну.

Самаркандский мавзолей Тимура — один из трех наиболее красивых памятников его царствования. Пережив реставрацию, он, тем не менее, сохранил свой первоначальный вид, в частности, не имеющий себе равных купол. Он является первым крупным мусульманским погребальным зданием. Его появление стало началом строительства настоящих дворцов для усопших, которым занимались Великие Моголы в Индии. Взять хотя бы всемирно известный Тадж-Махал в Агре.

Остановимся немного подробнее на истории Самарканда — древнейшего города Средней Азии. Время его основания точно не установлено. Народное предание приписывает основание Самарканда царям Кайкаусу или Афросиабу, жившим за 3000 лет до н.э. Википедия приводит другую дату — 742 год до н.э. Больше двух тысяч лет город был ключевым пунктом на Великом шелковом пути, связывавшем Китай и Европу. Поэтому он всегда притягивал к себе завоевателей. Первое письменное упоминание о Самарканде появляется в связи с захватом города Александром Македонским в 329 году до н. э. Уже тогда это был большой город с развитыми ремеслами, торговлей, культурой.

Слово «Самарканд», по-видимому, происходит от имени легендарного царя тюрок Самара. С 329 года до н.э. и до 1220 года Самарканд был столицей персидской области Согдианы.

Самарканд лежал на равнине и был окружен земляным валом с глубокими рвами. А вокруг города раскинулись большие сады, в которых было множество домов и даже дворцов. Вот как об этом писали очевидцы: «Столько этих садов и виноградников, что когда подъезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев, а посреди его самый город. По городу и по садам идет много водопроводов. Вне города есть большие равнины, на которых находятся большие и многолюдные селенья, где царь поселил людей, присланных им из других покоренных им стран.

Эта земля богата всем, и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом. В городе есть много площадей, где продают мясо, вареное и приготовленное разным образом, и кур, и птиц, очень чисто приготовленных, также хлеб и плоды, все в большой чистоте; эти площади и днем и ночью полны и на них идет постоянно большая торговля».

В 1220 году, после ожесточенной осады города сорокатысячным войском, Самарканд был взят и разрушен Чингисханом. В первой половине XIV века он стал резиденцией тюркских эмиров. А в 1370 году Тимур сделал Самарканд столицей своего государства. Царствование Тимура стало временем блистательного расцвета Самарканда. Сюда со всей Азии стекались несметные богатства, лучшие ученые и мастера из завоеванных государств, украсившие город замечательными мечетями, садами и дворцами, из которых многие сохранились до нашего времени: мавзолей Шахи-Зинда, мечеть Тимура — Биби Ханым, и, конечно, мавзолей Тимура с его гробницей — Гур-Эмир.

В последние годы жизни великого эмира его потомство было достаточно многочисленным, но из четырех сыновей в живых оставалось только двое. Старший, Джахангир, скончался в возрасте двадцати лет; второй — Умар-шейх — был убит в 1394 году при осаде одной курдской крепости. Оставшихся в живых Миран-шах проявлял признаки душевной болезни, а младший Шахрух не внушал доверия отцу своей склонностью предпочитать постановления шариата законам Чингисхана и военным монгольским традициям.

Дети стали болью великого эмира. Поэтому все его внимание было сосредоточено на внуках, которым дали прекрасное воспитание, ведь это было делом государственной важности. Окруженные почти со дня рождения заботами специально подготовленных для этого лиц, царевичи, подрастая, поручались особым воспитателям — атабегам. В обязанности атабега входило обучить ребенка всему, что могло понадобиться будущему государю. Самые способные из внуков эмира поступали под особый надзор и приближались ко двору. С этого времени они могли принимать участие в торжественных церемониях. Проявляя большую осторожность в выборе преемника, Тимур все же заметно отличал среди всех внуков сына Джахангира и Суюн-Ага, внучки Узбек-хана, Мухаммад Султана, и этот царевич считался первым претендентом на звание наследника престола. Любимец Тимура проявлял столь важные для этого качества: пониамние военной стратегии, выносливость, был вдумчивым и интересовался государственными делами. Наследный принц

принимал участие в различных военных предприятиях, доходил с войсками до западного берега Малой Азии, но внезапно, возвращаясь из похода, заболел и умер весной 1403 года.

Как уже говорилось выше, неожиданная смерть 29-летнего любимого внука выбила великого эмира из колеи. В войсках был объявлен траур, продолжавшийся несколько дней. Армия облеклась в одежды черного и синего цветов. Запрещено было даже ездить на белых конях. Поминки были очень масштабными, богатыми. Тело внука отвезли в столицу империи — Самарканд. Здесь прах царевича был предан погребению в построенном им самим при жизни медресе. Даже год спустя боль утраты скорбящего деда так и не утихла. В день смерти царевича Тимур устроил поминки, сопровождавшиеся угощением и религиозными обрядами. Вскоре по возвращении Тимура в Самарканд, в конце лета того же года, им был отдан приказ построить рядом с медресе Мухаммад Султана купольный надгробный мавзолей, более достойный упокоить в своем склепе останки его наследника. Так, осенью 1404 года было положено основание прекрасному зданию, задуманному как личный мавзолей любимцу-внуку, который превратился некоторое время спустя в фамильную усыпальницу Тимуридов и известен ныне как Гур-Эмир, что значит «гробница эмира».

Под мавзолей отвели площади в двадцать четыре на двадцать пять метров. Имеющий снаружи вид восьмиугольника, мавзолей опирается на фундамент, утопленный в грунт на целых четыре метра, и уходит вверх на сорок метров, благодаря чему гармонично сочетается с портиком и минаретами, одни из которых достигают высоты двенадцати метров, а другие — более двадцати пяти метров. Восьмиугольник внизу опоясан мраморным цоколем, выше него расположены желтоватого цвета кирпичи, между ними вкраплены другие, покрытые голубой и ультрамариновой глазурью. Этими кирпичами на разных размеров геометрических панно коричневого цвета выложены имена Аллаха и Мухаммеда. Самым красивым элементом Гур-Эмира является его ребристый купол, который сложен из майоликовых кирпичей бирюзового цвета, с нанесенными желтыми и ультрамариновыми пятнами.

Строительный сезон 1404 года подходил к завершению, и работы должны были вот-вот прекратиться, когда в конце зимы скончался Тимур, так и не видевший предназначенной внуку усыпальницу.

Смерть полководца в самом начале крупнейшего военного предприятия (поход на Китай) была неожиданной. Остро стоял вопрос о престолонаследии, возникли справедливые опасения

политических осложнений на границах империи и смут внутри государства. Взвесив все, приближенные великого эмира постарались в первое время скрыть факт его смерти. Надушенное благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой тело Тимура было положено в гроб и темной ночью спешно отвезено в Самарканд на украшенных драгоценными камнями и жемчугом носилках под видом возвращения из ставки в столицу одной из женщин гарема правителя. А через день вслед за ним туда же выехали царицы и царевичи. В Самарканде останки Тимура тотчас предали погребению в склепе при медресе Мухаммад Султана, где уже покоился прах любимого внука эмира.

Несмотря на принятые меры предосторожности, весть о смерти Тимура быстро разнеслась по стране. Она стала известна всем в Самарканде уже к моменту прибытия к городским воротам цариц и царевичей. Бывшие с ними военачальники и некоторые из царевичей не были пущены в столицу из-за невыясненного вопроса о престолонаследии. Остальные, вместе с царицами, получили разрешение войти в город и направились к медресе Мухаммад Султана. Здесь в знак траура царицы и другие знатные женщины расцарапали и почернили лица, рвали волосы, бросались на землю и посыпали головы пеплом.

Примерно через месяц в Самарканд вступил Халиль Султан, провозглашенный войсками преемником власти своего великого деда. С большой торжественностью он устроил на его могиле поминки, в которых приняли участие не только двор, но и все население. Для успокоения души покойного читали Коран, раздавали милостыню, и несколько дней для угощения толпы резали лошадей, быков и баранов. Само помещение, где покоились останки Тимура, внутри было убрано с языческой пышностью: застлан шелковыми и бархатными коврами пол, по стенам развешаны усыпанные драгоценными камнями предметы вооружения и утвари; с потолка спускались тяжеловесные золотые и серебряные люстры, а на саму могилу возложили одежды Тимура.

Такая обстановка оставалась в усыпальнице в течение четырех лет и была удалена по предписанию младшего сына Тимура — Шахруха, занявшего Самарканд в результате борьбы за престол с Халиль Султаном 13 мая 1409 года. Шахрух вновь совершил траурные обряды на могиле отца, оставил при ней штат чтецов Корана, служителей и сторожей, а все предметы одежды, утвари и вооружения, как несовместимые с правилами ислама, велел вынести и передать в казну. Вот так по-разному видели последнее пристанище великого полководца его дети и внуки.

После капитуляции Халиль Султана правителем Самарканда,

пока только номинально, стал пятнадцатилетний сын Шаруха Улугбек, тогда как вся действительная власть была вручена его опекуну эмиру Шах Мелику. Но через два года эта ситуация изменилась — Улугбек стад полноправным правителем Самарканда.

Повзрослевший Улугбек проявлял заботу о мавзолее Гур-Эмир, который при нем подвергся некоторым переделкам. Вместо одного Мухаммад Султана здесь уже покоились Тимур в ногах Сеида (так, как мы помним, звали мудреца, при жизни дававшего советы своему правителю), что было сделано по велению самого эмира, а также малолетние сыновья Улугбека. Это привело к необходимости расширить склеп и изменить его первоначальную конструкцию. При Улугбеке были возведены пристройки, заключающиеся в том, что к основному восьмигранному зданию мавзолея были пристроены несколько боковых помещений. Внутри главного помещения, вероятно Улугбеком, была поставлена прекрасная резная мраморная решетка, окружающая надгробия.

На этом изменения в усыпальнице не закончились. Во время похода 1425 года против монголов из Карши Улугбек приказал взять два больших куска прекрасного темно-зеленого нефрита. Их доставили с помощью особых телег в Самарканд. Здесь, пригнав один к другому, им придали форму намогильного камня и положили в качестве наружного надгробия Тимура.

В исторических хрониках сказано, что сверху на камне высекли надпись, гласившую, что эта гробница великого султана, милостивого хана, эмира Тимура, сына эмира Тарагая, сына… и т.д. до девятого колена, в котором родословная уже имела общего предка с родом Чингисхана. Далее приводится родословная последнего, вплоть до легендарного сказания о божественном зачатии одного из предков Чингисхана женщиной по имени Алан-Гоа. Легенда гласит, что молодая женщина забеременела от луча солнца, проникшего к ней в комнату через отверстие над дверью и принявшего образ одного из потомков пророка Али. Как уже упоминалось, эта вымышленная генеалогия, устанавливающая родство Тимуридов с Чингизидами, была сочинена уже после смерти Тимура. Сам он при жизни довольствовался иной, более скромной легендой, будто его предки на основании договора, возобновлявшегося несколько раз и забытого в период смуты, были полновластными эмирами при потомках Чингисхана. В конце надписи на верхней стороне нефритового надгробья приведена дата смерти Тимура. Кроме того, на малой боковой стороне надгробия имеется вторая надпись, которая свидетельствует, что камень этот привезен и

поставлен Улугбеком после похода против монголов.

Усыпальница Гур-Эмир важна для изучения исторических памятников зодчества Средней Азии. И с ней связана еще одна таинственная история, произошедшая в середине прошлого столетия.

Тимур родился 21 марта 1336 года, а спустя 605 лет 21 марта 1941 года на стол Сталина легло прошение от членов Академии наук об организации экспедиции в Самарканд. Цель — исследование гробницы Гур-Эмир и вскрытие захоронения Тимуридов. Странное время для подобной просьбы, учитывая, что шла Вторая мировая война, которая с каждым днем приближалась к границам Советского Союза. Но, быть может, все станет на свои места, если вспомнить лозунг, который был брошен в массы еще в тридцатые годы: «Нам нужны не люди, нам нужна идеология!» В этой связи Сталин дает добро на издание серии «Жизнь замечательных людей». Вождь лично выбирает тех, кто достоит попасть на страницы многотомника. В 1937 году одной из таких личностей становится Тамерлан. Наверное, Иосифу Виссарионовичу понравился девиз великого эмира: «Справедливости в силе. Сила в справедливости». Кроме того, Сталин нашел время, чтобы изучить биографию Тимура, и назвал его избавителем мира от монголо-татарского ига. Выполнение именно этой исторической задачи «легло на плечи» Железного Хромого, что усложнило работу историков: им предстояло найти документы или объяснить имеющиеся так, чтобы мнение «отца народов» было безоговорочно подтверждено. Жизненный путь Тимура теперь подправлялся под идеологические штампы советского государства. Поэтому Сталин дал добро экспедиции вместе с указанием начать ее не позднее лета. То было лето 1941 года.

В конце мая 1941 года в Самарканде все было готово к началу робот. Начальником экспедиции был назначен академик Кара-Ниязов. Для расшифровки надписей на могильных плитах из Москвы в Узбекистан приехал востоковед с мировым именем Александр Семенов. Кроме них, прибыл Михаил Герасимов — антрополог, специалист по восстановлению внешности по черепу. В состав группы так же были включены хроникеры. Отдельной группой прибыли фотографы, журналисты, художники. Оператором в съемочной группе был тогда еще совсем молодой Малик Каюмов.

Приезд такого количества людей, их активность, связанная с мавзолеем Тамерлана, очень заинтересовала местное население. Тысячи жителей Самарканда буквально не сводили глаз с того, что происходило в священном месте.

На первом общем собрании Ниязов озвучил официальную цель предпринятой экспедиции: изучить эпоху Тимуридов и установить подлинность останков великого эмира, исследовав его гробницу. Правда, не все исследователи верили, что в Гур-Эмире покоятся останки Тамерлана. Между учеными давно велись споры относительно места его захоронения. Одни называли город, в котором он родился и в котором еще при его жизни рядом с усыпальницей родителей была построена усыпальница для него. Другие были уверены, что это Отрар, где полководец остановился и скончался во время последнего похода на Китай. Были, конечно, и те, кто утверждал, что останки Тамерлана находятся в Гур-Эмире. Здесь и решили начать поиски останков Железного Хромца.

Именно в это время многим вспомнились слова известного востоковеда Масона, который еще в 1925 году говорил о том, что у этого места какая-то необычная энергетика. Ведь, по свидетельству очевидцев, от гробницы периодически исходило необъяснимое свечение. И конечно, загадочность этого удивительного места не подвергалась сомнению жителями самого Самарканда. Однако в 1925-м начать серьезное исследование не представлялось возможным. У молодого государства было слишком много других дел, казавшихся более важными. Тогда лишь с помошью специальных приборов измерили так называемое биополе гробницы. Оно оказалось очень сильным.

В 1941-м исследования начали с гробницы Шахруха. Второго июня ровно в восемь утра ученые сняли крышку с его гробницы. Оказалось, что останки сохранились очень плохо: для работы был взят лишь череп и небольшой сохранившийся фрагмент позвоночника. На восстановление его останков ученым потребовалось три дня.

Следующим был любимый внук Тамерлана — Улугбек. Пятого июня крышку его гробницы с огромным трудом с помощью нехитрых приспособлений удалось сдвинуть. Она была очень тяжелой. Известный астроном, художник, математик, Улугбек считал делом своей жизни возведение крупнейшей на востоке обсерватории. Раньше с любого места Самарканда можно было увидеть это огромное сооружение (хотя по современным меркам оно соответствовало десяти этажам). В наши дни на этом месте под землей осталась дуга — часть того самого астрономического инструмента, с помощью которого внук Тамерлана наблюдал за звездами и определял координаты новых. Астрономические данные Улугбека актуальны до сих пор.

Большую часть времени, как истинный ученый, он проводил в научном поиске, ставя науку на первое место, обсерватория была

для него вторым домом. Это не понравилось мусульманским священникам. Они все чаще обращали его внимание на то, что его интерес к науке мешает ему в полной мере соблюдать правила ислама. Улугбек без должного внимания отнесся к этим нападкам. Тогда его обвинили в ереси и колдовстве. По приказу священников внук Тамерлана был обезглавлен. Это подтвердило вскрытие его гробницы: голова Улугбека лежала отдельно от туловища, а в области шейного позвонка был характерный срез.

Далее открывали другие гробницы. Их содержимое точно описывалось, для того чтобы отправить в Москву достоверные данные о сопоставлении найденных останков. Последним собирались вскрыть гробницу, где, как предполагалось, покоились останки самого Тамерлана. Но еще до вскрытия, буквально с первых дней исследования Гур-Эмира ученые занимались расшифровкой надписей на надгробной плите. Как оказалось, текст на древнеарабском языке представлял собой магическую печать, охраняющую прах великого эмира от любого влияния извне. Историк Семенов расшифровал надпись. Она содержала шестнадцать имен Тимура и цитату из Корана: «Все мы смертны. Придет время, и мы уйдем. До нас были великие и будут после нас. Если же кто возгордится и вознесется над другими или потревожит прах предков, пусть постигнет его самая страшная кара».

Участников экспедиции надпись насторожила, а последнее слово «кара» по-настоящему испугало. Некоторые предложили приостановить работы, но как это было сделать, если об экспедиции писали все газеты страны. За ее работой наблюдали не только в Союзе, но и за его пределами. Ученые понимали, что их ждет, если причиной свертывания своих поисков они назовут мистику. Сам Сталин внимательно следил за результатами исследований, о которых ему докладывали каждый день. Остановить процесс означало пойти против воли Центрального Комитета партии, а это могло стоить жизни всем участникам экспедиции.

Старики, наблюдавшие за учеными, укоризненно качали головой и говорили, что не нужно было все это начинать, нельзя тревожить духов, нарушать их вечный покой. Старожилы рассказывали, что Тамерлан, исповедовавший ислам, имел непосредственное отношение и к оккультным наукам и обладал сверхъестественными способностями. Уникальность этой выдающейся личности выразилась и в том, что он обладал даром предвидения. Часто ему приходили видения, которые он умел трактовать. Он привозил из разных стран амулеты, священные книги, а из Месопотамии привез в Самарканд прах известного

пророка трех религий святого Даниила. Тимур не делал ни единого шага без советов шейхов. Главным его советчиком, наставником был один из потомков Мухаммеда Мирсы Белике. Этот суфийский монах обладал необычайными способностями, говорят, мог одним взглядом остановить армию. Совершив таинственный обряд, он якобы помог Тамерлану в нелегком сражении победить хана Тохтамыша.

Суфизм — мистическое течение в исламе, которое предполагает полное отречение от мира, стремление слиться с божеством. Члены этого закрытого монашеского ордена имеют строгую иерархию. На вершине учитель — человек, отличающийся бесспорной чистотой помыслов. Многовековая традиция всех народов мусульманского мира — обязательное присутствие при дворе владык представителей этого ордена. Даже после смерти своих повелителей эти люди продолжали служить трону.

Если говорить о Тамерлане, то Мирса Белике сыграл в его жизни немалую роль. В 1405 году, когда семидесятидвухлетний эмир начал свой поход на Китай, он был уверен, что и эта кампания закончится его победой. Так было всегда, но не в этот раз. В военном лагере у города Отрар 18 февраля Тимур скончался. Армия осталась без полководца, началась борьба за власть, поэтому смерть эмира, как мы помним, решили скрыть.

Хоронили владыку суфийские монахи. Священный обряд, проведенный ими, был направлен на то, чтобы защитить тело Тимура от надругательств. Тому, кто посмеет потревожить прах владыки, монахи предрекали смертельные болезни и несчастья.

Обо всем этом старики, постоянно находившиеся неподалеку от места работы ученых, рассказали всем, кто хотел их слышать. Настроение участников экспедиции было двойственным: в них боролись страх и желание продолжать исследования. Когда настал день вскрытия гробницы, уже в семь утра все собрались возле нее. Но работа с самого начала не заладилась. Начать с того, что буквально через полчаса сломалась лебедка. Пришлось двигать плиту вручную сантиметр за сантиметром. Заглянув в образовавшуюся щель, под плитой не увидели ничего, кроме земли. Кто-то засомневался — Тимура нужно искать в другом месте. Нарастало внутреннее напряжение, к тому же практически у всех разболелась голова, людей охватило странное чувство тревоги.

Только к полудню плиту удалось снять. Руками начали аккуратно разгребать землю. Через час откопали какие-то мраморные плиты, лежавшие поперек гробницы, достали их. Не в силах справиться с нетерпением, в Самарканд к ученым прибыла

правительственная делегация, а также ряд ученых, писатели. Они были уверены, что их встретят новостями, но докладывать на тот момент было нечего. Зато всех буквально на пару минут пускали к открытой гробнице. Они смотрели и уходили.

Работы продолжили. Лебедку так и не удалось починить, поэтому все плиты двигали вручную. В воздухе веял аромат благовоний, который возник, когда приподняли тяжелые каменные плиты на могиле Тамерлана. И даже не склонным к мистике ученым приходили в голову мысли о том, что рядом с ними витает некий дух. Наконец показалась черная крышка деревянного гроба, и в этот самый момент погасли все осветительные приборы. В небольшом помещении стало нечем дышать. Все в растерянности не знали, что делать дальше. Был объявлен перерыв.

Во время незапланированного чаепития к участникам экспедиции подошли местные старики. У одного из них в руках была тяжелая старинная книга. Проявляя гостеприимство, стариков пригласили выпить по чашке чаю. Те явно ожидали этого. После недолгого молчания державший в руках книгу обратился ко всем с просьбой: «Не нужно трогать гробницу Тамерлана. В священной книге сказано, что это чревато войной…» Он открыл книгу и протянул ее сидящему напротив. Прочесть написанное для ученых не представляло труда. Взялся сделать это один из востоковедов. Он прочел написанное на арабском языке пророчество: «Нельзя трогать прах великого полководца, начнется война». За столом воцарилось тяжелое молчание. Напряжение последних часов давало о себе знать. Одному из сидящих за столом не удалось справиться с эмоциями: в довольно грубой форме он попросил стариков не вмешиваться не в свое дело. Обиженные, те встали из-за стола и ушли. Оператор Каюмов позже сожалел, что не зафиксировал на кинопленку ни стариков, ни саму книгу. После разговора с руководителями экспедиции старики исчезли, найти их не удалось, а хозяин чайханы клялся, что он видел их первый и единственный раз.

Часа через полтора в Гур-Эмире вновь вспыхнули осветительные приборы. Все вернулись и столпились над открытой могилой Тамерлана. Один из участников спустился вниз и начал передавать наверх доски верхней крышки гроба. Когда все увидели останки, ни у кого не возникло сомнений, что перед ними великий человек. Это ощущение снизошло абсолютно на всех. Перед учеными были останки высокого, статного, сильного мужчины. Через несколько мгновений ученые осторожно передавали из рук в руки большую берцовую кость

Тамерлана. Было явно видно, что коленная чашечка правой ноги повреждена в результате ранения. Сомнений не осталось — это был прах Железного Хромца. Цель экспедиции была достигнута: ученые доказали, что в усыпальнице действительно похоронены Тимуриды и сам Тимур.

Все были радостно возбуждены, без устали работали. Съемочная группа все фиксировала на камеру. Вечером шли в гостиницу в приподнятом настроении от хорошо проделанной работы. По радио на всю страну было объявлено, что найдена гробница Тамерлана. Из приемника слышалась немецкая, французская, английская речь. Слушая старенькое радио, один из участников экспедиции вдруг побледнел и через мгновение объявил во всеуслышание: Гитлер напал на Советский Союз. Все растерялись и боялись смотреть друг на друга.

Экспедиция наспех завершила работу. Останки Тимуридов были отправлены в Москву. Один из участников съемочной группы, Малик Каюмов, который, рассказал историю о гробнице Тамерлана Усману Юсупову — председателю Коммунистической партии Узбекистана, из Самарканда возвращался с тяжелым сердцем и сразу же записался добровольцем на фронт. Он стал военным оператором.

Гнев Юсупова обрушился на начальника Самаркандской экспедиции. Мол, почему он ничего не сказал о пророчествах. Но как ни гневался Юсупов, доложить Сталину не решился. Тогда Малик Каюмов поставил перед собой задачу: доложить эту важную информацию высшему военному руководству. Во время тяжелых боев под Ржевом Малик находился на самом острие боевых действий, снимал страшные кадры боев и отступлении, вместе с другими операторами лез под пули. Он пытался внести хоть какую-то лепту в окончание этой жестокой войны.

Он чувствовал себя причастным к тому, что она началась, к тому, что события на фронтах разворачиваются именно таким образом. Мысли о самаркандской экспедиции не покидали его ни на минуту. И тут он узнал о том, что на фронт приехал сам Жуков. Молодому оператору удалось попасть к нему в блиндаж. Это была невероятная удача для него. В столь трудное время полководец нашел время на общение с военным корреспондентом. Может быть, он понимал, что молодой человек не стал бы просить о встрече, не имея на то веских причин.

Жуков внимательно слушал Малика, просил не упускать подробностей. Все, что имело отношение к экспедиции, заинтересовало Георгия Константиновича. Завершил свой рассказ Малик Каюмов самым главным, по его мнению: прах Тамерлана нужно вернуть в его усыпальницу. Жуков отнесся к услышанному

очень серьезно и пообещал позвонить Сталину.

С августа 1941-го по октябрь 1942 года останки Тимуридов находились в Москве. Антрополог Михаил Герасимов выполнял правительственное задание: восстановить внешний облик великого эмира, его сына и внука. Задание непростое, многоэтапное. Первый — тщательное измерение каждой части черепа, чтобы сопоставить данные. Ученому пришлось изготавливать сотни миниатюрных макетов, чтобы, в конце концов, восстановить истинный облик Тимура. От Герасимова требовали результата. Ученый работал без отдыха.

В августе 1942 года военная обстановка резко ухудшилась: противник стремительно продвигался к Волге, потерян Крым, возникла угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом. Под Сталинградом шли очень тяжелые бои. Они настолько тяжелые и кровопролитные, что, кажется, о победе не может быть и речи. В этот период Каюмову снова удалось пообщаться с Жуковым. Тот все-таки набрался смелости и рассказал о пророчестве Сталину, который связался с первым секретарем Коммунистической партии Узбекистана и дал указания вернуть в усыпальницу останки Тимура и его сыновей.

А в конце октября Михаил Герасимов закончил работу над восстановлением внешности Тамерлана. Суровое лицо правителя Самарканда увидел весь мир. После этого государственная комиссия постановила перезахоронить останки Тимура, его сыновей и внуков в Гур-Эмире. В этот же день из мастерской Герасимова было вывезено все связанное с исследованием вместе с полным отчетом о проделанной работе.

Известно, что перезахоронение состоялось лишь через месяц. Нет никаких сведений о том, где находились останки все это время, не сохранилось никаких документальных свидетельств. Конечно, это не могло не породить слухи. Одна из версий связана с якобы секретным планом, разработанным в высших эшелонах командования: останки Тимура были погружены на боевой самолет, который в течение нескольких дней облетал линию фронта. По другой — останки Тамерлана неоднократно привозились в боевые части, сформированные в Средней Азии, для поднятия боевого духа воюющих мусульман.

Действительно ли возили останки Тимура самолетом над линией фронта? Или это еще одна легенда, подогнанная под реальные факты? Писатель, доктор исторических наук Геннадий Исаков считает, что никаких полетов с останками Тимура не было.

С именем Тимура уже в XIV веке была связана такая легенда. Речь идет о об одном православном празднике, который

отмечается восьмого сентября — это Сретение Владимирской иконы Божией Матери. Согласно летописям, в начале осени 1395 года москвичи узнали, что на Русь движутся полчища Тамерлана. Для того, чтобы спасти город, великий князь Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, приказал перенести в белокаменную чудотворную икону Божией Матери, хранившуюся во Владимире, которая, по преданию, была написана еще сподвижником Христа, евангелистом Лукой. И в день, когда икону привезли в Москву (восьмого сентября по новому стилю), Тамерлану якобы во сне явилась грозная Богоматерь в окружении огненных воинов и повелела отвести войска от Руси.

Но, если задуматься, зачем, везти на фронт кости захватчика? Логичнее поскорее избавиться от них, что в итоге и было сделано.

Двадцатого декабря 1942 года останки Тимуридов были, наконец, с почестями перезахоронены. В гробницу Тамерлана была замурована капсула с подробным описанием проделанной работы, составленным на персидском, узбекском, русском и английском языках. Этот исторический документ скрепили подписями все члены экспедиции.

Так сложилось, что перезахоронение состоялось накануне битвы под Сталинградом. Можно считать это мистическим совпадением, но буквально через два дня после череды отступлений и поражений советской армии с фронтов поступили первые оптимистичные сводки о победах на Сталинградском направлении. В них говорилось об огромном количестве немецких военнопленных, об окруженных и разбитых дивизиях противника.

История имела продолжение летом 1943 года, в дни Курской битвы. Именно тогда была организована еще одна, третья экспедиция в Самарканд, выделен миллион рублей на реставрацию усыпальницы Гур-Эмир. Это были очень большие деньги. Для сравнения — их бы хватило на то, чтобы содержать дивизию в течение целого месяца.

В это же время на одном из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) прозвучало предложение вскрыть гробницу Тимура еще раз для того, чтобы вложить в нее капсулу с посланием для потомков. Это предложение было категорически отвергнуто — опыт июньской экспедиции 1941 года оказался слишком поучительным, чтобы еще раз так рисковать.

Кстати, экспедиция советских ученых была не первой. Еще в 1747 году правитель Ирана Надир-шах направил в Самарканд своих людей, чтобы забрать нефритовую плиту с могилы Тамерлана и сделать из нее ступень перед своим троном. Это было неприкрытое желание возвеличиться над памятью великого

эмира. В тот же день Иран был разрушен землетрясением, при этом тяжелая болезнь поразила и самого Надир-шаха. Он готовился отойти в мир иной, совершенно не понимая, почему его постигла такая тяжелая болезнь. Ведь ничего не предвещало такого развития событий — правитель прекрасно себя чувствовал и занемог в один день. Легенда гласит, что во сне к иранскому правителю явился Сеид Береке, духовный учитель Тимура, и приказал вернуть камень на могилу Тамерлана. Камень отвезли в Самарканд и поместили туда, где он был раньше.

Еще один интересный факт, связанный с гробницей Тамерлана, заключается в необыкновенном явлении. Среди жителей Самарканда ходили слухи, что над мавзолеем по ночам иногда появляется таинственное свечение, об этом говорил и востоковед Масон. На первых фотографиях мавзолея действительно было зафиксировано странное свечение. С чем оно могло быть связано? Быть может, с электризацией, характерной для сухого воздуха. В 1925 году самаркандский инженер М. Ф. Маузер провел у могилы Тамерлана исследования и обнаружил, что приборы показывают повышение электромагнитного фона и признаки наличия большого количества металла. Однако драгоценностей или оружия в мавзолее потом, при вскрытии могилы, обнаружено не было.

В этой связи можно упомянуть об интересной версии Антона Шабашова о том, что организованная Сталиным экспедиция в первую очередь была нужна для того, чтобы отыскать сокровища Тамерлана. По предположениям, они были огромными настолько, что помогли бы в назревавшей войне против гитлеровской Германии. В этом случае понятны странные «совпадения». Они объясняются вполне логично — даты раскопок и начала войны примерно должны совпадать. У Бунича в книге «Золото партии» написано: «Поставленная Сталиным задача концентрации всего золота, платины и драгоценных камней в руках государства продолжала энергично выполняться. Если в самой России и на Украине к середине 30-х годов были уже перепаханы все кладбища и вскрыты практически все могилы в надежде найти золотые часы или вставную челюсть, то на территориях среднеазиатских республик подобные мероприятия до поры до времени не проводились».

Известно, что осквернение могил и мавзолеев по законам ислама является одним из самых страшных и наказуемых преступлений. В 20-х годах прошлого века в Средней Азии шла освободительная война, она была подавлена только к 1939 году. В истории она получила весьма романтическое название «борьбы с басмачеством». Поэтому у самого Сталина и его сатрапов на

местах все-таки хватило ума не давать лишнего повода для раздражения местного населения. Однако, когда все иные «закрома» были опустошены, наступил черед и среднеазиатских святынь. Особенно привлекал алчные взоры номенклатуры величественный мавзолей Тамерлана в Самарканде. По легендам, подтвержденным архивными документами, великий азиатский завоеватель в своих походах награбил сказочные, несметные сокровища, большую часть которых якобы приказал положить с собой в гробницу. Это не давало покоя верхушке власти. Тогда были отброшены всякие колебания, и в мае 1941-го большая команда московского НКВД, сопровождаемая экспертами ленинградского Эрмитажа, выехала в Самарканд для вскрытия гробницы. Как мы видим, эта версия цели экспедиции отличается от приведенной выше. Но вряд ли можно узнать, какая из них является более обоснованной. Возможно в каждой из них есть доля правды. Они противоречат друг другу в деталях, но, возможно, Сталин преследовал обе цели одновременно — и политическую, так сказать, и материальную. Но вернемся к второй версии событий в экспедиции.

Одним из первых, кто общался с прибывшей экспедицией, был хранитель мемориала восьмидесятилетний Масуд Алаев. Узнав о целях, он пришел в ужас и принялся уговаривать их отказаться от своего намерения. Однако ученые не воспринимали всерьез предупреждения старика. Тогда он показал приезжим предостерегающую надпись, выбитую на гробнице в год смерти Тамерлана. Надпись предупреждала, что тот, кто осмелится потревожить покой усопшего властелина и вскрыть гробницу, выпустит на свою страну страшных демонов опустошительной войны.

Доводы испуганного хранителя гробницы вызвали у ученых противоречивые чувства. Не хотелось верить в явную мистику, в тоже время игнорировать информацию тоже было опасно. Тогда на всякий случай, чтобы перестраховаться, об этом доложили в Москву. Оттуда пришел приказ: Алаева арестовать за распространение ложных и панических слухов, гробницу вскрыть незамедлительно. Указание из Москвы было четко выполнено: вскоре огромная плита из зеленого нефрита, закрывающая саркофаг Тамерлана, была поднята. Злой дух оказался на свободе, и вскоре ученые поняли это. Сообщение ТАСС об этом историческом событии — вскрытии гробницы Великого Эмира — накануне войны перепечатали многие газеты. Если это и совпадение, то весьма странное, прямо-таки мистическое. Потом обнаружились и другие. Из них была соткана жуткая легенда о проклятии Тамерлана.

Исторические совпадения, описанные выше, можно рассматривать, как закономерности. По крайней мере, таково мнение всех участников той невероятной экспедиции. Прах любого человека, даже не такого выдающегося, как Тамерлан, тревожить нельзя. Это наказуемо и кара может быть непредсказуемой. В этом убедились те, кто вскрывал могилу великого воина.

Теперь навестить гробницу величайшего завоевателя в мировой истории, останки которого покоятся под большой нефритовой плитой, могут только мулла и ученые. Толпы любопытных туристов теперь сюда не допускаются. Директор мавзолея Гур-Эмир уверен, что закрытие усыпальницы для туристов — верное решение. Ведь изначально это подземелье не было предназначено для того, чтобы туда входили.

Многие из тех, кому довелось побывать в гробнице Тимура, описывают свои ощущения, как не самые приятные. В подземелье ведет узкий ход. Он без ступенек, уходит в темноту под крутым уклоном и выводит в небольшой склеп. Внутри за низеньким ограждением стоят в строгом геометрическом порядке древние надгробия. Никакой вычурности. Выглядит все просто, но уже через полминуты почему-то начинает жутко давить в ушах, появляется невыносимое желание поскорее вырваться из этой гробницы наружу, увидеть людей, небо и вдохнуть воздух.

Теперь вход в гробницу преграждает увесистый замок. Для того чтобы люди могли почтить память великого правителя, не спускаясь вниз, над самой усыпальницей был отстроен наземный мавзолей — восьмигранное помещение, в котором в таком же порядке стоят надгробия Тамерлана и его близких. Так сделали для того, чтобы минимизировать влияние духа великого полководца, обезопасить от него тех, кто все-таки хочет почтить его память посещением мавзолея.

Есть еще одна мистическое приключение, уже связанное с гробом, в котором в 1405 году был похоронен Тамерлан. Этот гроб из дерева арчи стоит сейчас в Музее истории культуры Узбекистана в Самарканде. Именно здесь и случилось еще одно не поддающееся обычной логике событие. Смотрительницы зала, в котором стоит пустой гроб Тимура, стали слышать протяжные стоны — детский голос звучал так жалобно, с такой тоской, что сердце леденело от этого звука. Сотрудницы, проработавшие в музее не один десяток лет, утверждали, что слышали этот голос… Тогда одному из сотрудников музея пришла мысль пригласить муллу. Так и сделали. Он прочитал молитву и сказал, что стонет душа мальчика, которому принадлежал когда-то шелковый халатик (он тоже хранится в этом музее). Посоветовал срочно

перенести халатик в другой зал, подальше от гроба Тимура. Советы муллы были в точности выполнены. Халат загадочного владельца убрали. Никто не понимал, как такое возможно, но стоны прекратились.

Если обойти все залы музея, то можно найти этот загадочный халатик. Витрина, в которой хранится мистический экспонат, укрыта тканью. По размеру он подошел бы мальчику лет семи. Халат почти истлел от времени, и, конечно, по имеющимся деталям нельзя было понять, почему так рано умер его маленький хозяин. Трагический случай или болезнь унесли жизнь обладателя того, чей дух лишил покоя сотрудников музея. Экспертиза установила, что этому древнему одеянию около шестисот лет.

Что ж, легенды о проклятиях, которые насылают мертвецы на тех, кто вскрывает их захоронения, являются одними из самых популярных. Пожалуй, в каждой стране существует немало подобных мифов, возраст которых иногда исчисляется сотнями лет. И хотя содержание таких легенд может быть разным, однако все они являются порождением одного и того же свойства человеческой психики — страха перед смертью и всем, что с ней связано.

В 2010 году в возрасте 98 лет умер последний свидетель удивительного события — вскрытия в 1941 году в Самарканде гробницы Тамерлана — Герой Труда, режиссер и оператор Малик Каюмов. Но он успел рассказать все, что посчитал нужным, о самой главной экспедиции в его жизни.

Наверное, в интересах будущего не стоит забывать события не столь далекого прошлого. Ведь все мы — выходцы из «когда-то», «были времена». Нужно уметь закрывать страницы таинственной книги ушедших дней, не забывать о них, и, живя днем сегодняшним, стараться не повторять уже совершенных ошибок.

Список использованной литературы

Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. трудов / отв. редактор Тишкин А. А. — Барнаул: Азбука, 2008.

Лэмб Гарольд. Чингисхан. Властелин мира. — М.: Центрполиграф, 2007.

Лэмб Гарольд. Тамерлан. Правитель и полководец. Серия: Биографии и мемуары, 2009.

Бэмбер Гаскойн. Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана. Серия: Загадки древних народов. — М.: Центрполиграф, 2010.

Греков Б. Д., ЯкубовскийА. Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л.: АН СССР, 1950.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. — М.: Наука, 1975.

Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.:ООО «Изд-во АСТ», 2002.

Гумилев Л. Н. Монголы и меркиты в XII в. // Ученые записки Тартуского гос. ун-та, 1977, N416.

Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII — XIII вв. Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. — М., 1970.

Гумилев Л. Н., ЕрмолаевВ. Ю. Чингис-хан — неожиданный ракурс. // Э. Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. — Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Ясави, 1992.

Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. Серия: Историческая библиотека. — М.: АСТ, 2008.

Мэн Джон. Чингисхан. Серия: Колесо истории. — М.: Эксмо, 2007.

Ру Жан-Поль. Тамерлан. ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 2012.

Можейко Игорь. 1185 год. Восток — Запад. — М.: Наука, 1989.

Хоанг Мишель. Чингисхан. Серия: След в истории. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Пензев К. Царь Батый. — М.: Алгоритм, 2011.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. Серия: Историческая библиотека. — М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006.

Груссе Рене. Чингисхан: Покоритель Вселенной. ЖЗЛ. — М.: 2007.

Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. — Казань, 2009.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть — М.: АСТ, 2006.

Филлипс Э. Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов.

Серия: Загадки древних цивилизаций — М.: Центрполиграф, 2004.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. Серия: Военно-историческая библиотека — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005.

Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. Серия: Terra Historica. — М.: Вече, 2008.

notes

Примечания

1

См. подробнее на с. 33.

2

Багатур (бахадур, батур, баатар, батыр) — почетный титул у монгольских и тюркских народов, присоединяемый к личному имени (например, Есугей-багатур). Означает «герой», «доблестный воин», «богатырь».

З

Нойон — первоначально (XI — первая половина XII века) это предводители древних монгольских родов, затем (вторая половина XII века) — представители аристократической знати. В Монгольской империи (XIII–XIV вв.) — правящий класс. В условиях раздробленности Монголии (XIV–XVII вв.) — независимые от центральной ханской власти правители областей.

4

Бунчук — древко с привязанным хвостом коня либо яка, служившее в XV–XVIII веках знаком власти. В Восточной Европе этот символ власти получил распространение после монгольского нашествия.

5

Тайджиуты и Борджигины входили в племенной союз киятов.

6

Комуз — трехструнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни с длинной тонкой шейкой. Грушевидный корпус с грифом представляет собой единое целое (выдалбливается из одного куска дерева). Общая длина инструмента около 90 см.

7

Нутуг — земля или место для кочевья, была родовой собственностью. Род владел своим юртом из поколения в поколение, и эта земля была неотчуждаемым владением до тех пор, пока существовал сам род.

8

Жетысу — географическая область в Центральной Азии, между озерами Балхаш на севере, Сасыколь и Алаколь на северо-востоке, хребтом Джунгарский Алатау на юго-востоке, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге.

9

Дешт-и-Кипчак — Кипчакская, или Половецкая степь — исторический регион Евразии, представляющий собой Великую степь от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш.

10

Тангуты — народ тибето-бирманской группы, говоривший на тангутском языке. В 982 году создали в Северном Китае государство Си Ся. Большая часть населения исповедовала буддизм. В 1227 году государство тангутов пало под ударами войск Чингисхана. К XVI веку тангуты были ассимилированы китайцами, монголами и тибетцами.

11

Чжурчжени — племена, населявшие в X–XV веках территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая, Северной Кореи и Приморского края. Государство чжурчженей существовало с 1115-го по 1234 год.

12

Ламеллярный доспех (от *лат.* lamella — пластинка, чешуйка) — общее название доспеха из связанных между собой шнуром пластин.

13

Тантризм (от *санскр.* тантра — хитросплетение, сокровенный текст, основа, сущность, правило) — общее обозначение эзотерических индийских традиций, представленных главным образом в буддизме, религии бон и индуизме, использующих особые тайные практики, не связанные с брахманистским ритуалом обряды и считающие своими главными священными текстами тантры.

14

Мунке (Менгу) — четвертый великий хан (1251–1259) Монгольской империи, внук Чингисхана, сын Толуя и брат Хубилая. Участвовал в Европейской кампании (1236–1242), в ходе которой монгольское войско дошло до Адриатики.

15

Город в северной Венгрии, расположенный на южном берегу Дуная.

16

Половцы (кипчаки, куманы) — кочевой тюркоязычный народ. В начале XI века из Заволжья продвинулись в причерноморские степи, вытеснив оттуда печенегов и торков. Затем половцы пересекли Днепр и дошли до низовий Дуная, таким образом заселив всю Великую степь от Дуная до Иртыша, которая с этого времени в восточных источниках стала называться Половецкая (или Кипчакская) степь (Дешт-и-Кипчак).

Многие исследователи считают, что это было следствием особой веротерпимости монголов, о чем мы рассказывали в предыдущей главе. Чингисхан в свободе вероисповедания видел способ сплочения народов, вошедших в его империю.

18

В советских и большинстве российских исследований, посвященных нашествию монголов на Русь, для обозначения пришедших с востока завоевателей принят термин — «татаро-монголы» или «монголо-татары».

19

Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) — австрийский дипломат, писатель и историк. Наибольшую известность как в России, так и за ее пределами, приобрел за свои обширные труды о географии, истории и внутреннем устройстве русского государства.

20

Эмир, или амир (*араб.* повелитель, вождь) — в некоторых мусульманских странах Востока и Африки титул правителя, князя, а также лицо, носящее этот титул.

21

Барласы — одно из ранних и могущественных племен, участвовавших в походах Чингисхана. По мнению некоторых ученых, барласы были первоначально монгольским племенем под названием барулос, что в переводе с монгольского означает «толстый, сильный». Это слово также означало «полководец, предводитель, смелый воин» и было связано с воинской отвагой представителей племени. В XIV–XV веках племя полностью тюркизировалось.

22

Мавераннахр (*араб.* — то, что за рекой, или Заречье), известен также под названиями Трансоксиана, Трансоксания, Фарарyд — историческая область в Центральной Азии. Название появилось во время арабского завоевания VII–VIII веков и означало первоначально области по правому берегу Амударьи. Позднее этим термином стали обозначать регион между Амударьей и Сырдарьей. В целом соответствует области Согд (Согдиана), исключая Фергану и Памир. На территории Мавераннахра расположена большая часть Узбекистана, запад Таджикистана и Кыргызстана, восток Туркменистана и южные регионы Казахстана. Древнейшие и наиболее крупные города — Самарканд, Бухара, Худжанд, Хива, Туркестан и др.

23

Казаган — правитель Чагатайского улуса (1346–1358). Носил титул эмира, так как не был Чингизидом. Предводитель кочевой аристократии, он выступил против Казан-хана. После гибели Казан-хана Улус Чагатая уже к 1340 году фактически распался. В восточной части улуса был образован Могулистан (между верховьями Сырдарьи и Иртыша), а в западной части (Мавераннахр) образовался Западный Чагатайский улус.

24

Согласно исторической летописи Рашид ад-Дина, джалаиров стали причислять к монголам уже после создания монгольского государства. «Их внешний облик и язык похожи на внешность и язык монголов». Джалаиры подразделялись на десять ветвей, численность их доходила до 70 тысяч семей. Начиная с XIII века джалаиры участвовали в походах армии Монгольской империи, в связи с чем территория их расселения постепенно расширилась от самой Монголии до Центральной Азии.

25

Тоглук-Тимур (ок. 1329–1362/1363) — первый хан Могулистана (с 1347 года), хан Западного Чагатайского улуса — Мавераннахра (с 1360 года), потомок Чагатая.

26

Султания (Сольтание, Солтание) — город на северо-западе Ирана, в провинции Зенджан. Город был заложен при ильхане государства Хулагуидов Аргуне (1284–1291). Государство Хулагуидов — принятое в востоковедении обозначение державы, основанной Чингизидом Хулагу и управлявшейся его потомками. Правители государства Хулагуидов носили титул ильхан («хан народа» или «хан страны») в значении улусный хан.

27

Музаффариды — суннитский род (происходят от арабского рода, обосновавшегося в Хорасане во времена халифата), завоевавший власть в Иране после развала монгольского государства Хулагуидов (Ильханидов) в XIV веке.

28

Мамлюки (*араб.* — принадлежащий) — военное сословие в средневековом Египте, рекрутировавшееся из юношей-рабов преимущественно тюркского (кипчаки) и кавказского происхождения. Мамлюки разговаривали на мамлюкско-кипчакском языке, который относится к кипчакской группе языков тюркской семьи. Полки мамлюков составили основу египетских войск. Фактическая верховная власть в Египте принадлежала мамлюкам — в 1250 году лидеры мамлюков-тюрок взяли власть в Египте в свои руки.

29

Кафиристан — историческое название региона на границе между Афганистаном и Пакистаном — современной афганской провинции Нуристан и окрестных территорий, включая часть современного Пакистана.

30

Отрар — до монгольского нашествия один из крупнейших городов Средней Азии, ныне городище в Южно-Казахстанской области, расположено в низовьях реки Арысь при впадении ее в Сырдарью.